



ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ИСТОРИЯ

ЧАСОПІС
БЕЛАРУСКАГА ДЗЯРЖАЎНАГА ЎНІВЕРСІТЭТА

ГІСТОРЫЯ

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

HISTORY

Издается с января 1969 г.
(до 2017 г. – под названием «Веснік БДУ.
Серія 3, Гісторыя. Эканоміка. Права»)

Выходит один раз в квартал

3

2020

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор	КОХАНОВСКИЙ А. Г. – доктор исторических наук, профессор; декан исторического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: kohanovsky@bsu.by
Заместитель главного редактора	МЕНЬКОВСКИЙ В. И. – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры истории России исторического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: menkovski@bsu.by
Ответственный секретарь	МАЛЮГИН О. И. – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории древнего мира и средних веков исторического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: maliugin@bsu.by

- Белецкий С. В.** Институт истории материальной культуры Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия.
- Бон Т.** Гисенский университет им. Юстуса Либиха, Гисен, Германия.
- Бородин Л. И.** Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия.
- Волански Ф.** Институт истории Вроцлавского университета, Вроцлав, Польша.
- Жеребцов И. Л.** Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, Сыктывкар, Республика Коми.
- Линднер Р.** Констанцкий университет, Констанц, Германия.
- Упадуэй А.** Центр российских и центральноазиатских исследований Университета им. Джавахарлала Неру, Дели, Индия.
- Фишер Д.** Техасский университет в Браунсвилле, США.
- Фэн Ш.** Институт международных отношений и регионального развития, Центр изучения России Восточно-Китайского педагогического университета, Шанхай, Китай.
- Шмигель М.** Университет Матея Бела, Банска-Бистрица, Словакия.
- Яновский О. А.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

- Бригадин П. И.** Институт бизнеса Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
- Вабищевич А. Н.** Брестский государственный университет им. А. С. Пушкина, Брест, Беларусь.
- Виддер Э.** Институт средневековой истории Тюбингенского университета им. Эберхарда Карла, Тюбинген, Германия.
- Дук Д. В.** Могилёвский государственный университет им. А. А. Кулешова, Могилёв, Беларусь.
- Карпов С. П.** Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия.
- Карпюк С. Г.** Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия.
- Коваленя А. А.** Национальная академия наук Беларуси, Минск, Беларусь.
- Колесник В. Ф.** Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко, Киев, Украина.
- Космач В. А.** Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, Витебск, Беларусь.
- Кошелев В. С.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Лавринович Д. С.** Могилёвский государственный университет им. А. А. Кулешова, Могилёв, Беларусь.
- Ларин М. В.** Историко-архивный институт Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия.
- Локотко А. И.** Национальная академия наук Беларуси, Минск, Беларусь.
- Марзалюк И. А.** Палата представителей Национального собрания Республики Беларусь, Минск, Беларусь.
- Мезга Н. Н.** Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины, Гомель, Беларусь.
- Микнис Р.** Институт истории Литвы, Вильнюс, Литва.
- Нечухрин А. Н.** Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, Гродно, Беларусь.
- Пилипенко М. Ф.** Институт искусствоведения, этнографии и фольклора им. Кондрата Крапивы Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
- Туманс Х.** Латвийский университет, Рига, Латвия.
- Ходин С. Н.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Федосик В. А.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Шадурский В. Г.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

РЭДАКЦЫЙНАЯ КАЛЕГІЯ

Галоўны рэдактар	КАХАНОЎСКІ А. Г. – доктар гістарычных навук, прафесар; дэкан гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь. E-mail: kohanovsky@bsu.by
Намеснік галоўнага рэдактара	МЕНЬКОЎСКІ В. І. – доктар гістарычных навук, прафесар; прафесар кафедры гісторыі Расіі гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь. E-mail: menkovski@bsu.by
Адказны сакратар	МАЛЮГІН А. І. – кандыдат гістарычных навук, дацэнт; дацэнт кафедры гісторыі старажытнага свету і сярэдніх вякоў гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь. E-mail: maliugin@bsu.by

Бародкін Л. І.	Маскоўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя М. В. Ламаносава, Масква, Расія.
Бон Т.	Гісенскі ўніверсітэт імя Юстуса Лібіха, Гісен, Германія.
Бялецкі С. В.	Інстытут гісторыі матэрыяльнай культуры Расійскай акадэміі навук, Санкт-Пецярбург, Расія.
Валанскі Ф.	Інстытут гісторыі Вроцлаўскага ўніверсітэта, Вроцлаў, Польшча.
Жарабцоў І. Л.	Інстытут мовы, літаратуры і гісторыі Комі навуковага цэнтра Уральскага аддзялення Расійскай акадэміі навук, Сыктывкар, Рэспубліка Комі.
Лінднер Р.	Констанцкі ўніверсітэт, Констанц, Германія.
Упадуэй А.	Цэнтр расійскіх і цэнтральнаазіяцкіх даследаванняў Універсітэта імя Джавахарлала Неру, Дэлі, Індыя.
Фішэр Д.	Тэхаскі ўніверсітэт у Браўнсвіле, ЗША.
Фэн Ш.	Інстытут міжнародных адносін і рэгіянальнага развіцця, Цэнтр вывучэння Расіі Усходне-Кітайскага педагогічнага ўніверсітэта, Шанхай, Кітай.
Шмігель М.	Універсітэт Мацея Бела, Банска-Бістрыца, Славакія.
Яноўскі А. А.	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.

МІЖНАРОДНЫ РЭДАКЦЫЙНЫ САВЕТ

Брыгадзін П. І.	Інстытут бізнесу Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь.
Вабішчэвіч А. М.	Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна, Брэст, Беларусь.
Відэр Э.	Інстытут сярэднявечнай гісторыі Цюбінгенскага ўніверсітэта імя Эберхарда Карла, Цюбінген, Германія.
Дук Д. У.	Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. А. Куляшова, Магілёў, Беларусь.
Каваленя А. А.	Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
Калеснік В. Ф.	Кіеўскі нацыянальны ўніверсітэт імя Тараса Шаўчэнкі, Кіеў, Украіна.
Карпаў С. П.	Маскоўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя М. В. Ламаносава, Масква, Расія.
Карпюк С. Г.	Інстытут усеагульнай гісторыі Расійскай акадэміі навук, Масква, Расія.
Космач В. А.	Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П. М. Машэрава, Віцебск, Беларусь.
Кошалеў У. С.	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Лакотка А. І.	Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
Ларын М. В.	Гісторыка-архіўны інстытут Расійскага дзяржаўнага гуманітарнага ўніверсітэта, Масква, Расія.
Лаўрыновіч Д. С.	Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. А. Куляшова, Магілёў, Беларусь.
Марзалюк І. А.	Палата прадстаўнікоў Нацыянальнага сходу Рэспублікі Беларусь, Мінск, Беларусь.
Мікніс Р.	Інстытут гісторыі Літвы, Вільнюс, Літва.
Мязга М. М.	Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Францыска Скарыны, Гомель, Беларусь.
Нячухрын А. М.	Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы, Гродна, Беларусь.
Піліпенка М. Ф.	Інстытут мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя Кандрата Крапівы Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
Туманс Х.	Латвійскі ўніверсітэт, Рыга, Латвія.
Ходзін С. М.	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Фядосік В. А.	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Шадурскі В. Г.	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief	KAKHANOUSKI A. G. , doctor of science (history), full professor; dean of the faculty of history, Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: kohanovsky@bsu.by
Deputy editor-in-chief	MENKOUSKI V. I. , doctor of science (history), full professor; professor at the department of Russian history, faculty of history, Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: menkovski@bsu.by
Executive secretary	MALIUGIN O. I. , PhD (history), docent; associate professor at the department of ancient and medieval history, faculty of history, Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: maliugin@bsu.by

- Beletsky S. V.** Institute of History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia.
Bohn T. Justus Liebig University of Giessen, Giessen, Germany.
Borodkin L. I. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
Feng Sh. School of Advanced International and Area Studies, Centre for Russian Studies of the East China Normal University, Shanghai, China.
Fisher D. C. University of Texas Rio Grande Valley, Brownsville, USA.
Lindner R. University of Konstanz, Konstanz, Germany.
Šmigel' M. Matej Bel University, Banská Bystrica, Slovakia.
Upadhyay A. Centre for Russian and Central Asian Studies, Jawaharlal Nehru University, New Delhi, India.
Wolański F. Institute of History, University of Wrocław, Wrocław, Poland.
Yanouski A. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Zherebtsov I. L. Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Syktyvkar, Komi Republic.

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL

- Bryhadzin P. I.** Institute of Business, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Duk D. V. Mogilev State A. Kuleshov University, Mogilev, Belarus.
Fedosik V. A. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Karpov S. P. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
Karpyuk S. G. Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Khodzin S. N. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Kolesnyk V. F. Taras Shevchenko National University of Kyiv, Kyiv, Ukraine.
Koshelev V. S. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Kosmach V. A. Vitebsk State University named after P. M. Masherov, Vitebsk, Belarus.
Kovalenya A. A. National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Larin M. V. Institute for History and Archives, Russian State University for Humanities, Moscow, Russia.
Lavrinovich D. S. Mogilev State A. Kuleshov University, Mogilev, Belarus.
Lokotko A. I. National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Marzaluk I. A. House of Representatives of the National Assembly of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus.
Miazga M. M. Francisk Skorina Gomel State University, Gomel, Belarus.
Miknys R. Institute of Lithuanian History, Vilnius, Lithuania.
Nechukhrin A. N. Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Belarus.
Pilipenko M. F. Kandrat Krapiva Institute of Arts Studies, Ethnography and Folklore of the Center for the Belarusian Culture, Language and Literature Research of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Shadurski V. G. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Tumans H. University of Latvia, Riga, Latvia.
Vabishchevich A. N. Brest State University named after A. S. Pushkin, Brest, Belarus.
Widder E. Medieval History Institute, Eberhard Karls University of Tübingen, Tübingen, Germany.

ИСТОРИЯ БЕЛАРУСИ

ГІСТОРЫЯ БЕЛАРУСІ

BEARUSIAN HISTORY

УДК 94(476.6):355(09)

ВОЙСКА ВИЛЕНСКОГО И ВАРШАВСКОГО ВОЕННЫХ ОКРУГОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В БЕЛАРУСИ (1864–1914)

А. Б. АРЛУКЕВИЧ¹⁾

¹⁾Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, ул. Э. Ожешко, 22, 230023, г. Гродно, Беларусь

Рассматриваются процессы сосредоточения и территориального размещения войск Российской империи на территории белорусских губерний в период существования Виленского и Варшавского военных округов после завершения восстания 1863–1864 гг. Проведенный анализ причин концентрации соединений и подразделений российской армии в регионе с учетом сложившейся на тот момент в Европе военно-политической обстановки и общественно-политических процессов, протекавших внутри самих белорусских губерний, позволил определить ключевые цели и задачи, которые ставились перед войсками в Беларуси с середины 1860-х гг. до начала Первой мировой войны. Исследование опирается на широкий круг впервые вводимых в научный оборот источников, выявленных в архивах и книгохранилищах России и Беларуси. Проанализированы причины и предпосылки создания системы территориального управления вооруженными силами Российской империи в Беларуси. Раскрыт процесс формирования организационных структур Виленского военного округа с приданной ему группировкой вооруженных сил. Установлен состав воинского контингента, сосредоточенного в указанный период в Беларуси, отмечены места расположения отдельных частей и подразделений российской армии в границах белорусских губерний. Выявлены причины изменений состава и схемы дислокации войск во время существования военных округов. Предпринята попытка дать общую оценку месту и роли белорусских земель в системе обеспечения военно-стратегических интересов Российской империи, а также самой армии в общественно-политической жизни Беларуси второй половины 1860-х гг. – начала XX в.

Ключевые слова: дислокация войск; Беларусь в составе Российской империи; Виленский военный округ; российские войска; белорусские губернии.

Образец цитирования:

Арлукевич АБ. Войска Виленского и Варшавского военных округов Российской империи в Беларуси (1864–1914). *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2020;3:5–22.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2020-3-5-22>.

For citation:

Arlukevich AB. Troops of the Vilna and Warsaw military districts of the Russian Empire in Belarus (1864–1914). *Journal of the Belarusian State University. History.* 2020;3:5–22. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2020-3-5-22>.

Автор:

Александр Брониславович Арлукевич – преподаватель кафедры политологии юридического факультета.

Author:

Alexander B. Arlukevich, lecturer at the department of political science, faculty of law.



ВОЙСКИ ВІЛЕНСКОЙ І ВАРШАЎСКОЙ ВАЕННЫХ АКРУГ РАСІЙСКОЙ ІМПЕРЫІ Ў БЕЛАРУСІ (1864–1914)

А. Б. АРЛУКЕВІЧ^{1*}

^{1*} Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы,
вул. Э. Ажэшка, 22, 230023, г. Гродна, Беларусь

Разглядаюцца працэсы засяроджання і тэрытарыяльнага размяшчэння войскаў Расійскай імперыі на тэрыторыі беларускіх губерняў у перыяд існавання Віленскай і Варшаўскай ваенных акруг пасля завяршэння паўстання 1863–1864 гг. Праведзены аналіз прычын канцэнтрацыі злучэнняў і падраздзяленняў расійскай арміі ў рэгіёне з улікам ваенна-палітычнага становішча, якое склалася на той момант у Еўропе, і грамадска-палітычных працэсаў, якія адбываліся ўнутры саміх беларускіх губерняў, дазволіў вызначыць мэты і задачы, што вырашаліся войскамі ў Беларусі з сярэдзіны 1860-х гг. да пачатку Першай сусветнай вайны. Даследаванне абапіраецца на шырокае кола крыніц, якія былі выяўлены ў архівах і кнігасховішчах Расіі і Беларусі і ўпершыню ўводзяцца ў навуковы ўжытак. Прааналізаваны прычыны і перадумовы стварэння сістэмы тэрытарыяльнага кіравання ўзброенымі сіламі Расійскай імперыі ў Беларусі. Раскрыты працэс фарміравання арганізацыйных структур Віленскай ваеннай акругі з нададзенай ёй групой узброеных сіл. Вызначаны склад воінскага кантынгенту ў Беларусі і месцы размяшчэння асобных частак і падраздзяленняў расійскай арміі ў межах беларускіх губерняў. Выяўлены прычыны змен складу і схемы дыслакацыі войскаў у час існавання ваенных акруг. Зроблена спроба даць агульную ацэнку месцу і ролі беларускіх зямель у сістэме забеспячэння ваенна-стратэгічных інтарэсаў Расійскай імперыі, а таксама самой арміі ў грамадска-палітычным жыцці Беларусі другой паловы 1860-х гг. – пачатку XX ст.

Ключавыя словы: дыслакацыя войскаў; беларускія землі ў складзе Расійскай імперыі; Віленская ваенная акруга; расійскія войскі; беларускія губерні.

TROOPS OF THE VILNA AND WARSAW MILITARY DISTRICTS OF THE RUSSIAN EMPIRE IN BELARUS (1864–1914)

A. B. ARLUKEVICH^a

^aYanka Kupala State University of Grodno, 22 Ažėška Street, Hrodna 230023, Belarus

The article reflects the processes of concentration and territorial deployment of troops of the Russian Empire in Belarus during the existence of the Vilna and Warsaw military districts after the end of the uprising of 1863–1864. The analysis of the reasons for the concentration of formations and units of the Russian army in the region, taking into account the current military-political situation in Europe and socio-political processes that took place within the Belarusian provinces themselves, allowed the author to determine the goals and tasks of the troops that were solved by the latter in Belarus from the middle 1860s to the beginning of the World War I. This research is based on a wide range of sources that were first introduced into scientific circulation, identified by the author in the archives and book repositories of Russia and Belarus. The author identifies the causes and preconditions of creation of system of territorial administration of the armed forces of the Russian Empire in Belarus. The process of creating organizational structures of the Vilna military district and the composition of the military contingent stationed in Belarus and the locations of individual parts and units of the Russian army within the borders of Belarusian provinces are discovered. The author identifies the causes of changes in the composition and the scheme of territorial deployment of troops during the period of military districts. On the basis of a comparison of the results obtained in the study of the above aspects of the subject, the author tried to give an overall assessment of the role and place of Belarusian lands in the system of ensuring military-strategic interests of the Russian Empire, as well as the role of the army in political life of Belarus in the second half of the 1860s until the outbreak of the World War I.

Keywords: dislocation of troops; Belarusian lands in the Russian Empire; Vilna military district; the Russian troops; the Belarusian province.

Введение

К середине XIX в. кризис военного хозяйства и управления вооруженными силами Российской империи, отчетливо проявившийся в период Крымской войны, положил начало военным реформам,

в ходе которых изменилось положение Беларуси как объекта военной политики, а также состав и организационная структура сосредоточенного здесь воинского контингента. С началом реформ белорусские

губернии стали территориальной основой Виленского военного округа (далее – ВлВО) как автономной единицы управления вооруженными силами и военной инфраструктурой, расположенными в его границах. Их совокупный потенциал служил ведущим средством поддержания стратегического баланса сил с вероятными противниками России в Европе до начала Первой мировой войны.

Являясь вооруженной опорой внешней политики, войска, дислоцировавшиеся в Беларуси, также сдерживали опасные для российского государства общественно-политические процессы внутри самих белорусских губерний. В частности, во время восстания 1863–1864 гг. армия была основным средством борьбы с повстанческими отрядами и, как следствие, главным аргументом против притязаний польской стороны на белорусские земли. В период крестьянской реформы 1861 г., ликвидации последствий восстания и революционных событий 1905 г. части войск Российской империи служили ключевым инструментом правительства в восстановлении пошатнувшегося общественно-политического порядка, реализации избранного курса национальной и социально-экономической политики.

При наличии в современной историографии работ, посвященных изучению истории некоторых армейских частей и подразделений, квартировавших на территории белорусских губерний, военная политика Российской империи в отношении Беларуси во второй половине XIX – начале XX в. остается одним из наименее изученных блоков отечественной истории периода модернизации. Отдельные ее аспекты

косвенно затрагивались экспертами Генерального штаба в обзорных исследованиях 1860–80-х гг., сопровождавших подготовку и проведение военных реформ. Материалы и выводы дореволюционной историографии представляют несомненную ценность для настоящей работы, однако их транспозиция из общеимперского в белорусский контекст требует привлечения дополнительного круга источников. Изученные профессором Военной академии имени М. В. Фрунзе генералом царской и советской армий А. М. Зайончковским планы стратегического развертывания вооруженных сил на западных границах империи в период существования военных округов также лишь косвенно связаны с группировкой войск, постоянно располагавшейся в пределах белорусских губерний, так как актуальны прежде всего для условий военного времени (с учетом мобилизации и передислокации дополнительных сил, предполагаемых действий потенциального противника и союзников, оперативной обстановки и пр.).

В свою очередь, процессы сосредоточения войск в Беларуси отразились в обширной источниковой базе, в которую среди прочего вошли материалы делопроизводства Департамента (с 1863 г. – Главного управления) Генерального штаба и 2-го отделения Главного штаба Российской империи, ведавших применением (в том числе дислокацией и передвижениями) военно-сухопутных сил на территории государства и за его пределами, а также документы управления окружного генерал-квартирмейстера ВлВО, регулировавшего процессы территориального размещения войск внутри самого округа.

Методы исследования

В процессе исследования применялись общенаучные (индукция, дедукция, анализ, синтез) и специально-исторические (историко-генетический, историко-сравнительный, историко-статистический) методы. Использование историко-генетического метода позволило выявить исторические предпосылки становления и решающие факторы усиления группировки

войск ВлВО на протяжении второй половины XIX – начала XX в. Применение историко-сравнительного метода дало возможность сопоставить положение отдельных белорусских губерний в аспекте причин сосредоточения войск на их территории, проследить динамику состава и численности войск в Беларуси на различных этапах исследуемого периода.

Результаты и их обсуждение

Неудачи Крымской кампании и вступление на престол Александра II, запустившего процессы модернизации в российском государстве, положили начало коренному переустройству системы военного управления и организации вооруженных сил в Беларуси. В рамках военных реформ, по плану Д. А. Милютина, занявшего пост военного министра в 1861 г., «необходимо было подчинить части 1-й армии, расположенные в западных губерниях империи, виленскому генерал-губернатору, который для ближайшего контроля за действиями местных учреждений сосредоточил бы в себе и высшее командование войсками, и заведование местными органами военной администрации» [1, с. 349]. Также планировалось подчинить единому центру суще-

ствовавшие до этого времени округа (артиллерийские, инженерные, внутренней стражи), районы которых в границах империи не совпадали.

Логика подобных преобразований требовала создания принципиально новой системы окружной организации вооруженных сил, в центрах которой сосредоточилось бы управление всеми военными учреждениями и объектами на установленной территории, при этом часть управленческих функций переходила от Военного министерства к военно-окружным штабам [1, с. 350].

Невзирая на вооруженное сопротивление повстанческих отрядов и все чрезвычайные меры военного времени, к концу 1863 г. завершилось формирование организационных структур ВлВО [2].

Первоначально в него вошли Виленская, Витебская, Минская, Могилёвская и Гродненская губернии без Брест-Литовска, который оказался в составе Варшавского военного округа, но в 1864 г. был передан ВлВО.

Сформированные на белорусских землях к началу 1864 г. на базе резервных частей и подразделений шесть пехотных дивизий¹ (26, 27, 28, 29, 30, 31-я) и семь артиллерийских бригад² (25, 26, 27, 28, 29, 30, 31-я) были призваны составить новую постоянную основу военного потенциала Российской империи на европейском направлении в противовес старой системе территориальной организации вооружённых сил, не привязывавшей воинские подразделения к решению определенных задач в рамках отдельно взятых регионов государства. Важное стратегическое значение ВлВО подтверждают назначение в условиях военного времени командующего округом на должность командующего Западной армией и преобразование окружных отделов в отделы ее полевого управления [3, с. 106]. По этой причине на белорусских землях должны были сосредоточиться самые боеспособные части российской армии³ (рис. 1).

После завершения активной фазы восстания отдельные соединения, сформированные в Беларуси, были переведены в другие места ВлВО, а часть из них – за его пределы. Так, в 1865 г. 28-я пехотная дивизия с одноименной артиллерийской бригадой, дислоцировавшиеся в Витебской губернии, были направлены в район Ковно (в этом же году их место в губернии заняли части 16-й пехотной дивизии с приданной артбригадой, переведенные накануне из Московского военного округа). В 1866 г. 3-я пехотная дивизия с одноименной артбригадой, квартировавшие в Гродненской губернии, были переведены в Московский военный округ (годом ранее оттуда в Гродненскую и Виленскую губернии была направлена 7-я кавалерийская дивизия). В том же году в Гродненскую губернию из района Динабурга переместилась 26-я пехотная дивизия. В 1868 г. части 29-й пехотной дивизии с 29-й артбригадой из

Могилёва, Орши и Борисова были направлены в район Динабурга, 31-я пехотная дивизия с 31-й артбригадой – в Харьковский военный округ⁴. С учетом перечисленных изменений в дислокации к концу 1860-х гг. контингент российских войск в Беларуси сократился на треть.

До последней четверти XIX в. части соединений и подразделений войск, личный состав которых квартировал в жилищах гражданского населения, отводившихся по постоянной повинности, были равномерно рассредоточены по территории занимаемых ими губерний.

До 1866 г. полевые войска несли усиленные караулы, охраняя склады с оружием и продовольствием, патрулировали улицы городов, организовывали пикеты на дорогах. В частности, в Лепеле из состава Суздальского пехотного полка каждую ночь снаряжался патруль в боевой амуниции, в который входили один унтер-офицер и пять рядовых. Солдаты на ночлегах хранили при себе боевые патроны⁵.

С переводом округа на мирное положение в 1866 г. части пехотных полков охраняли военные склады и важные гражданские объекты, направлялись на «кордонную» службу для усиления подразделений пограничной стражи, несли вахты в крепостях⁶. Важной составляющей подготовки войск являлись летние полевые сборы, проводившиеся для всех частей и подразделений округа ежегодно с мая по сентябрь. «Местности, отводившиеся для полевых сборов, находились вблизи крупнейших городов: Динабурга, Гродно, Вильно, Ковно, Бобруйска и Могилёва, – в каждом пункте для одной пех[отной] див[изии] с ее артиллерией, и в Трокском уезде (около м. Ораны) – для всей артиллерии округа (с завершением стрельб все артиллерийские части отправлялись в места сборов своих дивизий)»⁷.

Кавалерия на территории ВлВО и прилегавшей к нему части Варшавского военного округа традиционно дислоцировалась в непосредственной близости от восточнопрусской границы (в Августовской (Сувальской), Ковенской, Митавской и северо-западной части Виленской губернии), на польских и литовских

¹Пехотные дивизии состояли из четырех полков, каждый из которых включал в себя три батальона (с 1879 г. – четыре). К 1864 г. для батальонов пехоты были установлены четыре численных состава: кадровый (по 320 рядовых), обыкновенный мирный (по 500 рядовых), усиленный мирный (по 680 рядовых) и военный (по 900 рядовых). Общая численность пехотного полка в данном случае (учитывая, что в кадровом составе в европейской части империи пехотные полки не содержались) должна была составлять от 1500 до 2700 рядовых, а общая численность дивизии – от 6000 до 10 800 рядовых. Согласно штатам 1876 г. в четырехбатальонном полку должно было стоять в строю 1897 солдат и офицеров в мирное время и 4073 в военное, в дивизии – 7588 и 16 292 солдата и офицера в мирное и военное время соответственно.

²Артиллерийские бригады состояли из трех батарей (с 1870 г. – из четырех, а с 1872 г. – из шести). Согласно штатам от 3 ноября 1863 г. для артиллерийских бригад было определено три состава: кадровый (по 547 солдат и офицеров), мирный (по 725 солдат и офицеров) и военный (по 874 солдата и офицера). В соответствии со штатами 1878 и 1879 гг. в бригаде должно было стоять в строю 11 052 солдата и офицера в мирное время и 1378 в военное.

³Виленский военный округ. Военное обозрение Виленского военного округа. Т. 1. Вильна: Вил. губ. тип., 1877. С. 266–267.

⁴Исторический очерк деятельности военного управления в России в первое двадцатипятилетие благополучного царствования Государя Императора Александра Александровича (1855–1880 гг.). Т. 4. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1880. С. 74–87.

⁵Плестерер Л. История 62-го Суздальского графа Суворова-Рымнинского полка. Белосток: Паровая типо-литогр. Ш. М. Волбрынского, 1903. С. 110.

⁶Поликарпов Н. П. Очерк боевой службы и столетней жизни 104-го Устюжского генерала князя Багратиона полка (1797–1897). Вильна: Тип. штаба Вил. воен. окр., 1897. С. 124.

⁷Виленский военный округ ... Т. 1. С. 550–551.



Условные обозначения

- Штаб-квартира полка
- Штаб-квартира батальона
- ▲ Штаб-квартира артиллерийской батареи
- Штаб-квартира кавалерийского эскадрона
- Штаб-квартира отдельной роты
- Местоположение штаб-квартиры отдельной роты точно неизвестно

Рис. 1. Схема дислокации войск Российской империи к концу 1863 г.
(составлено по данным Национального исторического архива Беларуси в г. Гродно (Ф. 44. Оп. 1. Д. 136))

Fig. 1. Scheme of deployment of troops of the Russian Empire by the end of 1863
(compiled by the author based on the data of the National Historical Archive of Belarus in Hrodna (Fund 44. Register 1. Case 136))

землях. Согласно стратегическим расчетам командования кавалерия «должна была размещаться таким образом, чтобы ее передовые отряды» в целях «разрушения инфраструктуры и срыва мобилизационных мероприятий противника могли пересечь прусскую границу в течение нескольких часов после объявления войны»⁸. По этой причине на белорусских землях с момента образования военных округов и до начала Первой мировой войны дисло-

цировалось не больше одной кавалерийской дивизии, части которой располагались на территории Виленской, Гродненской губерний и соседствовавших с ними уездов Минской губернии⁹. В первой половине 1860-х гг. в данном районе квартировали части 1-й кавалерийской дивизии (уланские Санкт-Петербургский и Курляндский полки), с мая 1865 г. до середины 1870-х гг. – части 7-й кавалерийской дивизии (уланские Владимирский и Ямбургский полки),

⁸Рос. гос. воен.-ист. арх. (РГВИА). Ф. 1956. Оп. 1. Д. 247. Л. 21.

⁹РГВИА. Ф. 1956. Оп. 1. Д. 171. Л. 1–2 ; Историческая памятка 38-го драгунского Владимирского Его Императорского Высочества Великого Князя Михаила Николаевича полка / сост. Д. П. Багратион. СПб. : Типо-литогр. Ю. Я. Римана, 1901. С. 140 ; Исторический очерк деятельности военного управления в России ... Т. 6. СПб., 1881. С. 33, 50.

с 1875 г. до начала Первой мировой войны – 4-я кавалерийская дивизия в полном составе.

Помимо пехотных полков, полевой артиллерии и кавалерии в Брест-Литовской и Бобруйской крепостях содержались крепостные артиллерийские роты (к 1864 г. в строю находилось 11 рот различной численности и состава в Бобруйске и 10 рот в Брест-Литовске), главной задачей которых являлось обслуживание и эксплуатация крепостной артиллерии¹⁰. Распоряжением Военного министерства от 13 марта 1876 г. крепостные артиллерийские роты были сведены в крепостные артиллерийские батальоны: четыре артиллерийских батальона в Брест-Литовске и один в Бобруйске. В конце 1860-х гг. свое прежнее значение потеряли фортификационные укрепления в районе Вильно, и местная крепостная артиллерийская команда была расформирована¹¹. Согласно положению об осадной артиллерии 1876 г. в Брест-Литовской крепости постоянно квартировали пять из двенадцати отделений 1-го осадного парка (еще два – в Динабурге), представлявшего собой крупнейшую воинскую артиллерийскую часть, которая обеспечивала хранение и боевую готовность большого количества самых совершенных на тот момент тяжелых осадных орудий и мортир крупного калибра¹².

Вместе с артиллерийскими частями в крепостях с 1863 г. содержались приданные им пехотные подразделения, служившие постоянным гарнизоном крепостей и выполнявшие функцию прислуги при крепостной артиллерии. В 1863 г. были созданы Брест-Литовский крепостной пехотный полк и Бобруйский крепостной пехотный батальон (последний с августа 1864 г. был переформирован в трехбатальонный полк)¹³. В 1873 г. один из двух оставшихся к тому времени батальонов Бобруйского крепостного полка был командирован в Новогеоргиевскую крепость, второй – преобразован в Бобруйский крепостной пехотный батальон. Подобным образом Брест-Литовский крепостной пехотный полк был разделен на три крепостных пехотных батальона, которые оставались квартировать в крепости¹⁴. Согласно новому положению о крепостных пехотных войсках от 26 августа 1874 г. крепостная пехота, выполняя функции крепостного караула, во время войны должна была готовиться к выходу в поле для усиления действующей армии. К началу 1890-х гг. с завершением строительства укрепленных пози-

ций вокруг Гродно был также сформирован Гродненский крепостной пехотный батальон.

Особым образом среди войск ВлВО, дислоцировавшихся в Беларуси, выделялись резервные батальоны (пехотные и стрелковые), которые, согласно положению о резервных батальонах 1864 г., использовались как учебные части для подготовки рекрутов из белорусских губерний к дальнейшей службе в полевых войсках¹⁵. В соответствии со штатами 1864 г. резервные батальоны были сформированы в Минске, Могилёве, Гомеле и Витебске (последний из них – стрелковый – готовил новобранцев для стрелковых рот пехотных полков и отдельных стрелковых бригад)¹⁶. Численность переменного состава (рекрутов) в батальоне, согласно штатам 1864 г., не должна была превышать 1 тыс. человек¹⁷. Рекруты-белорусы, прошедшие подготовку в резервных батальонах, распределялись в подразделения независимо от места расположения последних, в том числе и за пределы ВлВО. Так же как и полевые войска, дислоцировавшиеся в Беларуси, резервные батальоны пополнялись новобранцами из различных военных округов (однако прямого запрета на комплектование их рекрутами из белорусских губерний не было).

Согласно заключению, принятому в 1873 г. на особом совещании ведущих военных экспертов России с участием Александра II, задача подготовки новобранцев переходила от резервных к запасным войскам, которые формировались исключительно в военное время на основе кадров местных и полевых подразделений¹⁸. В 1873 г. все существовавшие до этого резервные батальоны были расформированы, а функционировавшие при них писарские классы переданы губернским батальонам местных войск¹⁹. С этого момента резервными стали именоваться подразделения, которые формировались исключительно в военное время для прикрытия тыла действующей армии и решения второстепенных задач на театре военных действий²⁰.

С началом военной реформы ревизии также подвергся описанный выше механизм распределения новобранцев между отдельными подразделениями. В частности, были заложены основы территориального комплектования войск, при котором за каждым пехотным полком закреплялось несколько уездов, постоянно обеспечивавших его рекрутами.

¹⁰Вакар Я. Я. Хроника рот крепостной и осадной артиллерии. СПб. : Изд-во Гл. артиллер. упр., 1908. С. 10–16.

¹¹Исторический очерк деятельности военного управления в России ... Т. 5. СПб., 1880. С. 31.

¹²Там же. Т. 6. С. 211.

¹³Там же. Т. 3. СПб., 1879. С. 33–34.

¹⁴Там же. Т. 5. С. 28–30.

¹⁵Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 2. Т. 39. Отд-ние 1. 1864. СПб. : Тип. 2-го отд-ния собств. Е. И. В. Канцелярии, 1867. С. 806.

¹⁶Там же. Отд-ние 3. 1864. Приложения. С. 301–302.

¹⁷Там же. Отд-ние 1. 1864. С. 806.

¹⁸Исторический очерк деятельности военного управления в России ... Т. 5. С. 39.

¹⁹Там же. С. 35, 37.

²⁰Там же. С. 35.

Внедрение данного принципа в российской армии стало следствием копирования прусских моделей организации вооруженных сил, получивших высокую оценку советников Александра II по завершении Франко-прусской войны 1870–1871 гг. Согласно именному указу императора об основных участках комплектования войск 1876 г. части, дислоцировавшиеся в Беларуси, стали комплектоваться уроженцами тех губерний, в которых они квартировали. В случае необходимости из числа уроженцев белорусских губерний формировались также запасные и резервные части, выполнявшие функции учебных частей и тыловых резервов действующей армии (последние, как отмечалось выше, должны были формироваться исключительно в военное время)²¹.

Отдельную группу в войсках ВлВО составляли местные (гарнизонные) подразделения. К их числу относились дислоцировавшиеся во всех губернских и уездных городах губернские батальоны, уездные и местные команды. Используемые для охраны государственного имущества, этапирования заключенных и сопровождения рекрутов, они не участвовали в военных кампаниях и не меняли места дислокации²². По этой причине расходы на содержание гарнизонных подразделений покрывались за счет земских сборов, а их личный состав был особым образом привязан к местам службы. В частности, к 1860 г. в Сураже в собственных домах проживали два рядовых и один унтер-офицер из состава местной инвалидной команды²³. В это же время могилевский губернатор оказывал содействие 41 отставному чину местных команд, которые стремились обосноваться в Могилеве, построив жилье при поддержке правительства²⁴.

В отличие от современных внутренних войск гарнизонные подразделения не выделялись ни высокой степенью мобильности, ни специальной подготовкой. Их ряды пополнялись преимущественно ветеранами полевых войск, рекрутами со слабым здоровьем, а до 1863 г. даже нарушителями армейской дисциплины, переведенными из других частей²⁵.

Учитывая последнее обстоятельство, называть гарнизонные подразделения внутренними войсками в современном понимании некорректно. Кроме того, гарнизонные подразделения не могли выполнять полицейские функции. Как показал опыт восстания 1863–1864 гг., с последней задачей справля-

лись не столь многочисленные, но подготовленные и мобильные казачьи отряды, которые до 1866 г. активно привлекались к поиску очагов восстания в его различных проявлениях.

В частности, казаки 1-й сотни 32-го Донского казачьего полка, квартируя в пограничных местечках и деревнях Белостокского уезда, «несли службу на импровизированных таможенных постах, наблюдая и преследуя неблагонадежных и беспаспортных, а в случае надобности содействовали полиции и жандармерии»²⁶. Казаки этой же сотни, квартируя по пять человек при станковых квартирах Волковысского уезда, занимались рассылкой экстренных бумаг, патрулировали наиболее опасные места, участвовали в проведении обысков и розыскании контрибуции с повстанцев²⁷. До 1866 г. казаки 5-го Донского полка, разделенные на взводы и разъездные команды на территории Гродненской и Минской губерний, «в знойную пору лета, в дождливую ненастную осень, а зимой в жестокие морозы, окочевевшие от холода, под жуткие напевы зимней вьюги разъезжали по дремучим лесам и осматривали их»²⁸.

Согласно решению, принятому на особом совещании 1873 г., одной из основных задач местных войск должно было стать содержание кадров для запасных и резервных частей, создававшихся в военное время. Войска в Беларуси к 1 октября 1874 г. были реорганизованы в местные батальоны кадрового состава и команды постоянного состава²⁹. Однако уже к 1881 г. в целях экономии военного бюджета правительством было принято решение ликвидировать большинство местных команд, заменив их созданными в период Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. резервными батальонами³⁰.

Со второй половины 1870-х гг. в состав сил ВлВО было введено большое количество специализированных инженерных подразделений, что отражало процесс совершенствования средств технического оснащения армии, требовавших формирования у военнотружущих особых навыков для эксплуатации новой техники и создания необходимой инфраструктуры для ее размещения и хранения.

В частности, с развитием сети железнодорожной коммуникации передвижение войск в Беларуси стали обеспечивать сформированный в 1876 г. 3-й железнодорожный батальон, а также созданные в 1877 г. 2-й и 4-й железнодорожные батальо-

²¹ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 51. Отд-ние 3. 1876. Приложения. СПб., 1878. С. 129–130; Там же. Отд-ние 1. 1876. СПб., 1878. С. 359.

²²Нац. ист. арх. Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). Ф. 44. Оп. 1. Д. 60. Л. 2.

²³Нац. ист. арх. Беларуси (НИАБ). Ф. 2572. Оп. 1. Д. 279. Л. 68 об.

²⁴Там же. Ф. 2224. Оп. 1. Д. 221. Л. 1–10.

²⁵Исторический очерк деятельности военного управления в России ... Т. 3. С. 42.

²⁶НИАБ в г. Гродно. Ф. 44. Оп. 1. Д. 152. Л. 3.

²⁷Там же. Л. 3 об.

²⁸Пузанов В. В. История 5-го Донского казачьего войскового атамана Власова полка. Саратов: Типо-литогр. П. Феокритова, 1913. С. 509.

²⁹Исторический очерк деятельности военного управления в России ... Т. 5. С. 32–33.

³⁰Очерк деятельности Военного министерства за истекшее десятилетие благополучного царствования государя Александра Александровича. СПб.: Воен. тип., 1892. С. 26.

ны. В 1886 г. три названных батальона были сведены в железнодорожную бригаду, квартировавшую у станции Барановичи-Полесские³¹. В 1887 г. по одному саперному и понтонному батальону разместились в Гродно, два саперных батальона, три военнотелеграфных парка и полковой инженерный парк были сосредоточены в Вильно³². В 1887 г. в Брест-Литовске учредили военную голубятню 1-го разряда на 1 тыс. голубей, а также единственное в Российской империи голубиное племенное депо³³. В 1892 г. была создана Барановичская военно-голубиная станция³⁴. Осенью 1888 г. началось формирование двух обозных батальонов (в составе четырех рот каждый) в Минске и Кобрине³⁵.

В 1879 г. на базе Бобруйской военно-исправительной роты, где по приговору суда содержались военные, совершившие уголовные преступления, но не лишенные статуса военнослужащих, началось формирование Бобруйского дисциплинарного батальона³⁶.

В отношении ротации войск в границах отводившихся для них районов в официальном послании Д. А. Милютина министру внутренних дел от 6 ноября 1864 г. отмечалось, что «повременная смена частей войск необходима как в видах уравнительного распределения службы между войсками, так и для придания им большей подвижности, дабы они не считали себя, так сказать, прикрепленными к одним и тем же пунктам, не увеличивали без надобности своего хозяйства, составлявшего и ненужное, и дорогостоящее бремя при каждом передвижении»³⁷.

О том, насколько недалёковидной оказалась данная программа развития подвижности войск, свидетельствует переход армии после завершения Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. к постоянному стационарному размещению, схема которого оставалась практически неизменной до начала Первой мировой войны³⁸. Это было обусловлено тем, что если в 1860-х гг. «медленность в сосредоточении сил обеих сторон (России и ее потенциальных противников. – А. А.) исключала необходимость заблаговременно разработанного плана дислокации мирного времени»³⁹, то с началом интенсивного развития сети железнодорожных коммуникаций в Европе расположение войск в конкретных географических точ-

ках у границ потенциальных противников получило принципиальное значение.

Накануне Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. войска в Беларуси были сведены в армейские корпуса (АК) и в их составе отправились на Балканы, где приняли активное участие в боевых действиях (16-я и 30-я пехотные дивизии с одноименными артбригадами в составе IV АК, отдельные части 26-й пехотной и 4-й кавалерийской дивизий, 26-я артбригада в составе II АК)⁴⁰.

К 31 июля 1877 г. с целью прикрыть район, ранее занимаемый ушедшими на войну частями, было принято решение разделить Гродненский, Минский, Витебский, Могилёвский батальоны местных войск и образовать из каждого из них по одному резервному (их численность должна была соответствовать численности батальонов в пехотных полках) и одному местному батальону (в состав последних должно было входить по 900 рядовых). Для пополнения батальонов на местах призвали ратников ополчения 1-го разряда. Ранее, в апреле 1877 г., Бобруйский крепостной пехотный батальон был развернут в полк (в августе 1877 г. из полка выделили кадры для формирования еще двух резервных батальонов). В первой половине 1878 г. два Брест-Литовских крепостных пехотных батальона переформировали в полки, в январе 1878 г. в полк был развернут также Виленский местный батальон. Ресурсом для пополнения последних стали новобранцы призыва 1877 г. и ратники ополчения 1-го разряда. В апреле 1878 г. из Бобруйского крепостного пехотного и Виленского местного полков было выделено еще по два батальона, которым придали статус резервных⁴¹.

Снискав бессмертную славу в балканских баталиях, полевые войска ВлВО, удостоенные торжественного приема, который организовали гражданские власти по окончании Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., заняли прежние места постоянной дислокации⁴². Несмотря на принятые ранее правила, с завершением войны резервные батальоны, сформированные в Беларуси в течение 1877–1878 гг., не были демобилизованы, а разместились в крепостях и губернских городах⁴³.

Столкновение внешнеполитических интересов Российской империи с интересами Австро-Венгерской и Германской империй в период Русско-турец-

³¹К вопросу о преобразовании железнодорожной бригады // Воен. сб. 1903. № 3. С. 181–195.

³²РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 828. Л. 1.

³³Очерк деятельности Военного министерства ... С. 189.

³⁴РГВИА. Ф. 1956. Оп. 1. Д. 237; Д. 405.

³⁵Там же. Д. 167. Л. 1.

³⁶Исторический очерк деятельности военного управления в России ... Т. 5. С. 89.

³⁷НИАБ в г. Гродно. Ф. 44. Оп. 1. Д. 136. Л. 2.

³⁸РГВИА. Ф. 1956. Оп. 1. Д. 171. Л. 12.

³⁹Зайончковский А. М. Подготовка России к империалистической войне: очерки военной подготовки и первоначальных планов (по архивным документам). М.: Госвоениздат, 1926. С. 31.

⁴⁰Исторический очерк деятельности военного управления в России ... Т. 6. С. 35; РГВИА. Ф. 1956. Оп. 1. Д. 513. Л. 66.

⁴¹Исторический очерк деятельности военного управления в России ... Т. 5. С. 64–73.

⁴²РГВИА. Ф. 1956. Оп. 1. Д. 513. Л. 66.

⁴³Исторический очерк деятельности военного управления в России ... Т. 5. С. 86–87.

кой войны 1877–1878 гг. привело в конце 1870-х гг. к формированию австро-германского военного союза, рассматривавшегося в качестве наиболее вероятного противника России в Европе. С учетом сложившейся военно-политической обстановки «для обеспечения возможной готовности войск против всяких случайностей, не исключая и нечаянного нападения, российскому правительству не оставалось ничего иного, как переместить большую часть перволинейных войск к западной границе тотчас по их возвращении с Балканского полуострова»⁴⁴.

Согласно выписке из секретной части отчета командующего войсками ВлВО П. П. Альбединского за 1880 г. «ввиду постоянного значительного возрастания сил Германии, основываясь на подробном изучении германской сети железных дорог, надлежало принять меры к немедленному сосредоточению близ границ 2–3 корпусов, которые бы в случае необходимости смогли дать отпор наступающей германской армии»⁴⁵.

О предназначении армии в Беларуси, служившей главным образом средством поддержания стратегического паритета с Германской империей, свидетельствует большое количество документов штаба ВлВО, созданных в период с начала 1880-х гг. до 1914 г.: «Планы дислокации и боевых действий войск Виленского округа в первые дни войны с Германией», «План подготовки войск Виленского округа к войне с Германией», «Агентурные донесения о состоянии германской и австрийской армий» и пр.⁴⁶

Перед войсками, квартировавшими в ВлВО и белорусской части Варшавского военного округа, ставилась задача превентивного уничтожения немецкой инфраструктуры в приграничной полосе противника и удерживания позиций до подхода мобилизованных резервов из внутренних районов империи. В случае неудачного для российской стороны развития событий в начале войны войскам ВлВО, согласно плану начальника Главного штаба Н. Н. Обручева, предстояло во что бы то ни стало держать оборону по среднему Неману⁴⁷.

Для эффективной реализации данного плана требовалось создать в Беларуси разветвленную сеть транспортных коммуникаций, обеспечивавших оперативную переброску к границам Восточной Пруссии как сил самого ВлВО, так и мобилизованных резервов. С начала 1880-х гг. важнейшим фактором, определявшим размещение войск в пределах белорусских губерний, становилась близость и устойчивая коммуникация отдельных населенных пунктов

с границами Германской империи. Так, в частности, Гродно от нее отделяло не более 70 км, Вильно – немногим более 150 км. Крепостные сооружения, возводившиеся в конце 1870–80-х гг. в районе Ковно и в конце 1880-х – начале 1890-х гг. в районе Гродно, оказались вытянутыми вдоль ее восточного полумесяца. Район Брестской крепости должен был разделить собой прусский и австрийский фронты, препятствуя передвижению немецких и австрийских войск с севера на юг.

С начала 1880-х гг. для казарменного размещения войск из-за недостатка средств для строительства правительство стало активно арендовать гражданские строения, которые в достаточном количестве могли предоставить только крупнейшие города. По этой причине к середине 1880-х гг. части 26-й пехотной дивизии и 26-й артбригады оказались сосредоточены в Гродно, 27-й пехотной дивизии с одноименной артбригадой – в Вильно, Серпуховский и Коломенский полки 30-й пехотной дивизии с одноименной артбригадой – в Минске, Шуйский и Ярославский полки 30-й пехотной дивизии – в Бобруйске⁴⁸. Данный процесс среди прочего обеспечил сокращение сроков мобилизации оперативных сил пограничного округа. Выбор пунктов для сосредоточения войск также был привязан к сети железных дорог, которые в исследуемый период являлись единственным средством оперативной переброски личного состава и вооружений к восточнопрусской границе (рис. 2).

Оценив потенциал сосредоточенных к началу 1880-х гг. у границ Германии сил, российские военные эксперты пришли к заключению, что «решительные столкновения на Немане должны были произойти раньше, чем резерв мог подать им помощь»⁴⁹. По этой причине для поддержания стратегического баланса в 1880–90-х гг. происходило поэтапное усиление контингента ВлВО путем перевода войск из внутренних районов. В частности, в 1883 г. с Кавказа были переведены 41-я пехотная дивизия с одноименной артбригадой, которым предстояло расположиться в Витебской и Могилевской губерниях, где ранее квартировали 16-я пехотная дивизия с 16-й артбригадой⁵⁰. Накануне, в 1882 г., уступив место войскам, ожидавшим перевода с Кавказа, части 16-й пехотной дивизии с одноименной артбригадой были направлены в Гродненскую и Минскую губернии.

Само по себе наращивание численности воинского контингента на западных границах не исчерпывало всех элементов построения системы военной безопасности в регионе. Так, согласно замечаниям

⁴⁴Сборник военных обзоров Западной России и пограничных областей Австро-Венгрии и Германии / воен.-уч. ком. Гл. штаба. СПб. : Воен. тип., 1895. С. 34–35.

⁴⁵РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 1137. Л. 1–1 об.

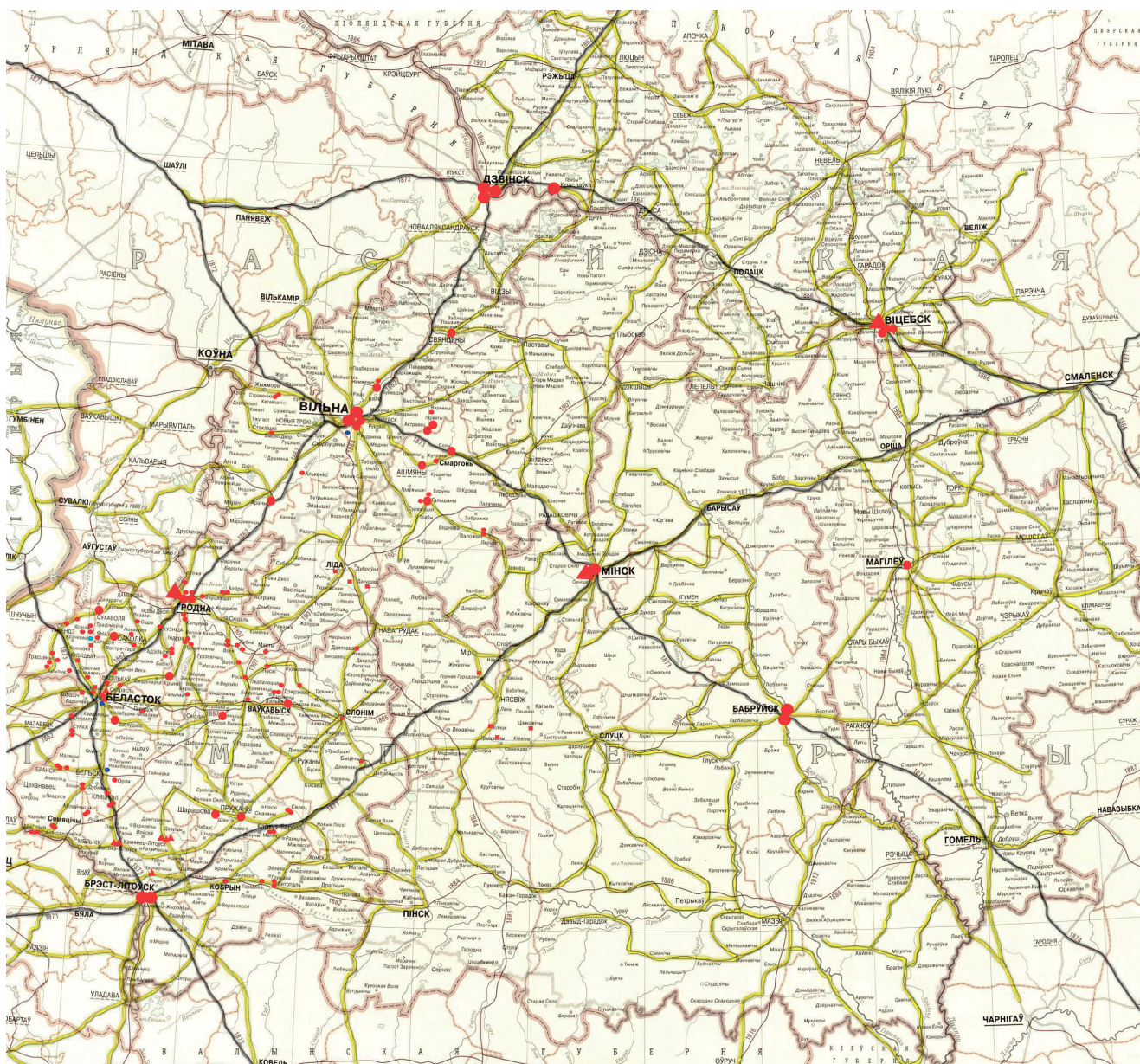
⁴⁶Там же. Д. 658 ; Ф. 1956. Оп. 1. Д. 757 ; Д. 764 ; Д. 767.

⁴⁷Там же. Ф. 1956. Оп. 1. Д. 1483. Л. 1–9.

⁴⁸Расписание сухопутных войск, исправленное по 25 октября 1881 г. СПб. : Воен. тип., 1881. 274 с.

⁴⁹Зайончковский А. М. Подготовка России к империалистической войне ... С. 35.

⁵⁰Бригадиренко С. «Закатальцы»: краткий исторический очерк для нижних чинов. 1874–1910 гг. Симбирск : Типо-литогр. А. Т. Токарева, 1911. С. 19.



Условные обозначения

- Штаб-квартира полка
- ▲ Штаб-квартира артиллерийской бригады
- Штаб-квартира батальона
- ▲ Штаб-квартира артиллерийской батареи
- Штаб-квартира кавалерийского эскадрона
- Штаб-квартира отдельной роты
- Местоположение штаб-квартиры отдельной роты точно неизвестно

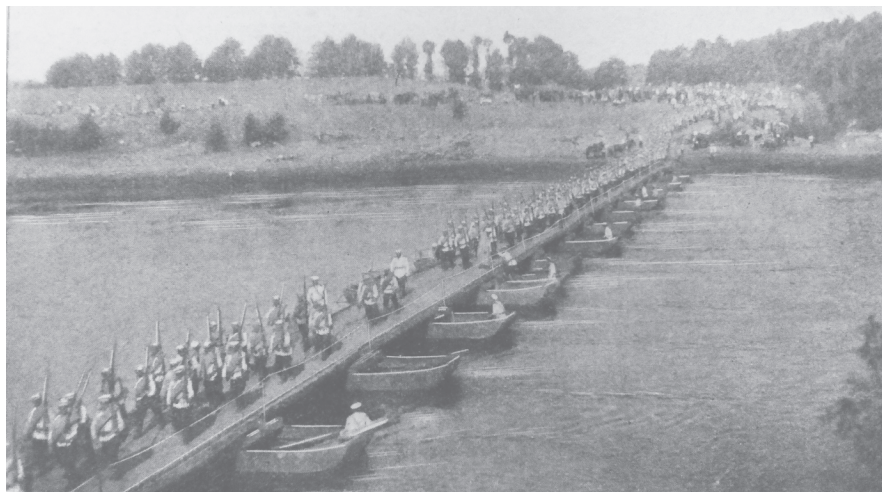
Рис. 2. Схема дислокации войск Российской империи к 1881 г.
(составлено по данным НИАБ (Ф. 314. Оп. 1. Д. 57))

Fig. 2. Scheme of deployment of troops of the Russian Empire by 1881
(compiled by the author based on the data of the National Historical Archive of Belarus (Fund 314. Regist. 1. Case 57))

военного министра П. С. Ванновского, переданным начальнику Главного штаба Н. Н. Обручеву в 1886 г., стратегическая линия Немана казалась ему наиболее уязвимым звеном в обороне государства: в названном районе не было ни достаточного количества дорог, ни готовых переправ, ни подготовленных

позиций⁵¹. Для ее усиления, в частности, в Гродно должны были разместиться понтонный и саперный батальоны. Среди прочего в задачи гродненских саперов входило строительство укрепленных позиций вокруг города, понтонный батальон в случае войны должен был спустить понтоны по Нема-

⁵¹РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 828. Л. 11.



Переправа по понтонному мосту 103-го Петрозаводского пехотного полка
гродненского гарнизона через Неман во время учебных маневров
на рубеже XIX–XX вв.

Источники: История 103-го пехотного Петрозаводского полка 1803–1903 гг. /
сост. Р. И. Дубинин. СПб. : Эконом. типо-литогр., 1903. 322 с.

ну к Олите и организовать переправу квартировавшей в Гродненской губернии 2-й кавалерийской дивизии, а также переведенной в Ковно из Вильно 5-й стрелковой бригады⁵².

Принятые меры позволили Н. Н. Обручеву в 1887 г. отметить отдельные успехи, «достигнутые в отношении численности и мобилизационной готовности войск, расположенных в приграничной полосе»⁵³. Однако в быстроте возможного сосредоточения сил на театре военных действий российская сторона по-прежнему критически отставала от германской, причем «возмещать этот недостаток приходилось дальнейшим усилением группировки войск, расквартированных в приграничных округах»⁵⁴.

В декабре 1891 г. Александром III было принято решение о переводе в Беларусь дополнительно 38-й и 40-й пехотных дивизий с одноименными артбригадами (38-я дивизия с артбригадой впоследствии квартировали в южной части Гродненской губернии, 40-я дивизия с артбригадой – в Минской и Могилёвской губерниях)⁵⁵. В целях усиления мобилизационной готовности пограничных округов резервные батальоны, дислоцировавшиеся в белорусских губерниях, на рубеже 1892–1893 гг. были переформированы в резервные полки двухбатальонного состава, а в 1898 г. пополнились рекрутами и были преобразованы в полноценные четырехбатальонные полки, приняв имена белорусских и литовских городов. Таким образом, в Беларуси в период Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., по-

полняясь новобранцами из белорусских губерний, начали формироваться Лидский, Молодечненский, Кобринский пехотные полки, сведенные вместе с Ново-Трокским пехотным полком в 43-ю пехотную дивизию⁵⁶.

С середины 1880-х гг. в Беларуси были созданы либо переведены сюда из других мест первые в Российской империи воздухоплавательные команды, отделения и роты, оснащенные дирижаблями и квартировавшие в Брест-Литовске (с 1885 г.), Лиде (с 1910 г.) и Гродно (с 1910 г.). В начале 1910-х гг. в Лиде и Гродно начали формироваться первые в империи авиационные отряды, открывшие эру военных самолетов, для которых к 1914 г. были оборудованы аэродромы [4; 5].

В период Русско-японской войны 1904–1905 гг. отдельные части войск, постоянно дислоцировавшиеся в Беларуси, приняли участие в боевых действиях в Маньчжурии, хотя оно и не было таким массовым для сил ВлВО, как в период Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В частности, из состава IV АК (с 1888 г. входили 30-я и 40-я пехотные дивизии с одноименными артбригадами) в войне на Дальнем Востоке сражались только отдельные добровольческие отряды (охотничьи команды) в составе сводных отрядов дивизий⁵⁷.

Наиболее активно в войне с японцами проявили себя части 41-й пехотной дивизии и 41-й артбригады, постоянно дислоцировавшиеся в Могилёве и Витебске, а также 26-я артбригада и 2-й саперный батальон, квартировавшие в Гродно, 3-й железнодоро-

⁵²РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 828. Л. 81 об.

⁵³Зайончковский А. М. Подготовка России к империалистической войне ... С. 35.

⁵⁴Там же.

⁵⁵Памятка Имеретинцу. 1863–1913. СПб. : Синод. тип., 1913. С. 34.

⁵⁶Очерк деятельности Военного министерства ... С. 29.

⁵⁷РГВИА. Ф. 1956. Оп. 1. Д. 570. Л. 9–73.



Николай II обходит строй солдат 159-го Гурийского
и 160-го Абхазского полков 40-й пехотной дивизии 21 декабря 1904 г.
в Бобруйске во время войны с Японией.
Источники: <https://lepotamira.ru>

рожный батальон и 2-я рота 2-го железнодорожного батальона, квартировавшие в Барановичах. После возвращения с войны части заняли прежние места постоянной дислокации⁵⁸.

Войска Российской империи, сосредоточенные в Беларуси, как убедительно доказал в одной из своих работ доцент Военной академии Республики Беларусь А. А. Киселев, были задействованы в пресечении наиболее радикальных акций во время революционных событий 1905–1907 гг., став основным инструментом правительства в восстановлении привычного общественно-политического порядка на территории белорусских губерний [6]. При этом следует отметить, что революционные настроения нашли массовый отклик в самих воинских частях, что свидетельствует об открытости армии для принятия распространенных в их гражданском окружении мировоззренческих установок и социально-политических проектов [7–9].

Анализ материалов 2-го отделения Главного штаба, окружного генерал-квартирмейстера ВлВО, данных расписаний сухопутных войск показывает, что состав и схема размещения контингента войск Российской империи в границах белорусских губерний, сложившиеся к концу 1890-х гг. – началу XX в., оста-

вались практически неизменными до начала Первой мировой войны. Последнее указывает на вступление России в финальную стадию подготовки к вооруженному столкновению с австро-германским блоком (рис. 3).

Как свидетельствуют приведенные выше факты, войска между отдельными губерниями были распределены неравномерно. В силу своего особого военно-стратегического положения по общей численности размещенных войск на фоне остальных выделялась Гродненская губерния. По данным Гродненского губернского статистического комитета, в 1867 г. в губернии постоянно квартировало 13 777 военнослужащих⁵⁹. К 1879 г. их численность выросла до 19 656⁶⁰, к 1888 г. – до 26 032⁶¹, к 1896 г. – до 47 894 человек⁶². К 1901 г. численность войск в губернии достигла своего максимума за весь исследуемый период и составила 52 134 военнослужащих⁶³. К 1906 г. в Гродненской губернии квартировало 48 746 солдат и офицеров⁶⁴.

Для сравнения, в Могилёвской губернии, по данным Могилёвского губернского статистического комитета, к 1879 г. квартировало всего 5790 военнослужащих⁶⁵, к 1889 г. – 6378⁶⁶, к 1907 г. – 7615⁶⁷, к 1909 г. – 12 702 солдата и офицера⁶⁸.

⁵⁸РГВИА. Ф. 1956. Оп. 1. Д. 570. Л. 9–73.

⁵⁹Адрес-календарь и справочная книжка Гродненской губернии на 1869 г. / Гродн. губ. стат. ком. Гродно : Губ. тип., 1868. С. 130.

⁶⁰Адрес-календарь и справочная книжка Гродненской губернии на 1881 г. / Гродн. губ. стат. ком. Гродно : Губ. тип., 1880. С. 267.

⁶¹Адрес-календарь и справочная книжка Гродненской губернии на 1890 г. / Гродн. губ. стат. ком. Гродно : Губ. тип., 1891. С. 337.

⁶²Адрес-календарь и справочная книжка Гродненской губернии на 1896 г. / Гродн. губ. стат. ком. Гродно : Губ. тип., 1897. С. 417.

⁶³Адрес-календарь и справочная книжка Гродненской губернии на 1903 г. / Гродн. губ. стат. ком. Гродно : Губ. тип., 1903. С. 437.

⁶⁴Адрес-календарь и справочная книжка Гродненской губернии на 1907 г. / Гродн. губ. стат. ком. Гродно : Губ. тип., 1907. С. 567.

⁶⁵Дембовецкий А. С. Опыт описания Могилёвской губернии в историческом, физико-географическом, этнографическом, промышленном, сельскохозяйственном, лесном, учебном, медицинском и статистическом отношении. Т. 3. Могилёв на Днепре : Тип. Губ. правления, 1884. С. 54.

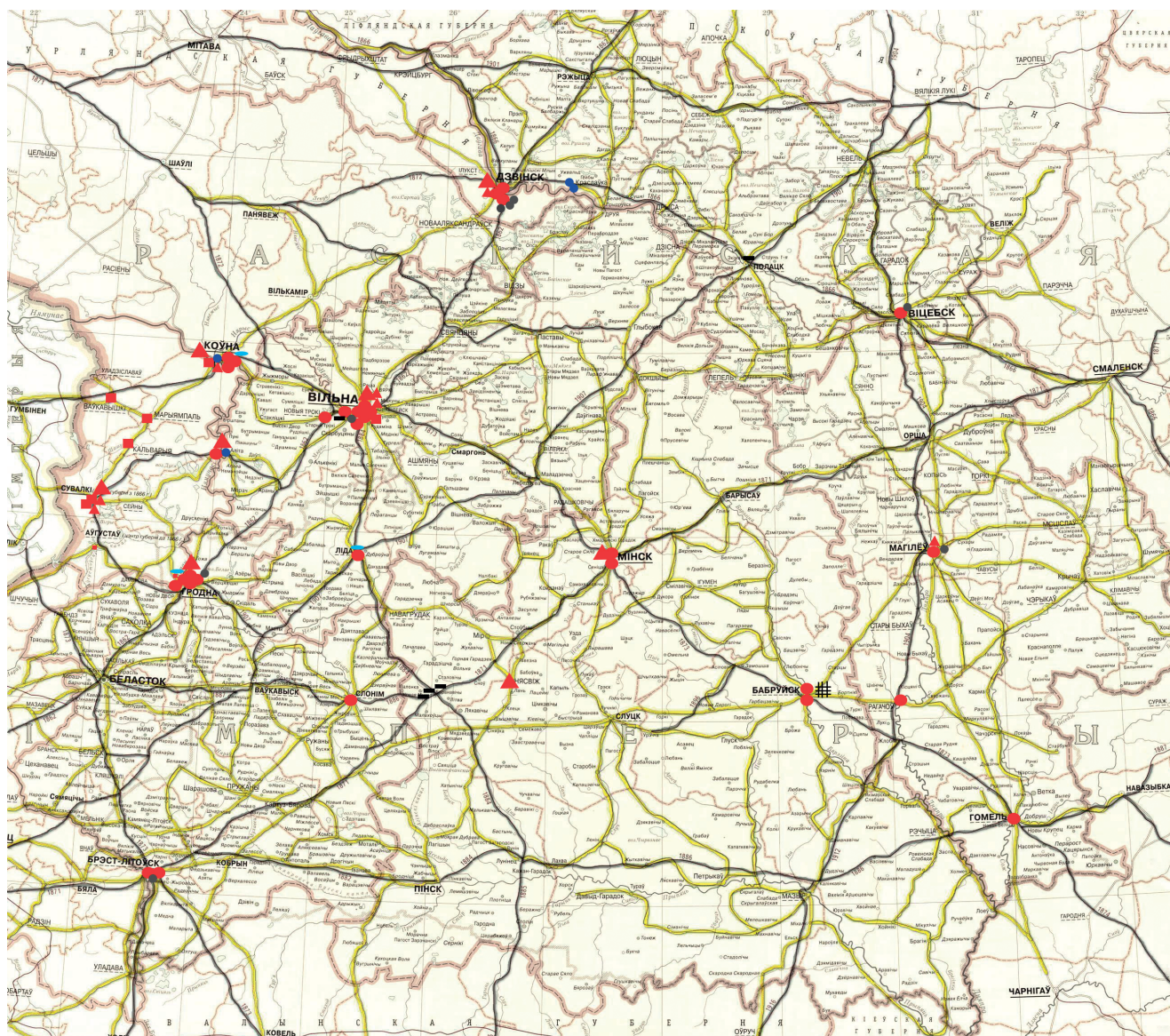
⁶⁶Памятная книжка Могилёвской губернии на 1890 г. / Могилёв. губ. стат. ком. Могилёв : Тип. Губ. правления, 1890. С. 77.

⁶⁷Памятная книжка Могилёвской губернии на 1909 г. / Могилёв. губ. стат. ком. Могилёв : Губ. тип., 1909. С. 498.

⁶⁸Памятная книжка Могилёвской губернии на 1911 г. / Могилёв. губ. стат. ком. Могилёв : Губ. тип., 1911. С. 308.

В Витебской губернии к 1882 г. квартировало 17 689 военнослужащих (по данным Виленского окружного интендантства)⁶⁹, к 1887 г. – 15 777 солдат

и офицеров (по сведениям витебского губернатора В. М. Долгорукова)⁷⁰, к 1896 г. – 18 522 (по данным Виленского окружного интендантства)⁷¹, к 1 января



Условные обозначения

- Штаб-квартира полка
- ▲ Штаб-квартира артиллерийской бригады
- Штаб-квартира кавалерийского полка
- ◆ Штаб-квартира артиллерийской батареи
- ▢ Штаб-квартира кавалерийского эскадрона
- Штаб-квартира саперного либо обозного батальона
- Штаб-квартира понтонного батальона
- Штаб-квартира железнодорожного батальона
- ▲ Штаб-квартира воздухоплавательной роты
- Дисциплинарный батальон

Рис. 3. Схема дислокации войск Российской империи к февралю 1914 г.
(составлено по: Расписание сухопутных войск, исправленное по сведениям к 1 февраля 1914 г.
СПб. : Воен. тип. имп. Екатерины Великой, 1914. 578 с.)

Fig. 3. Scheme of deployment of troops of the Russian Empire by February 1914
(compiled by the author based on: Raspisanie sukhoputnykh voisk, ispravlennoye po svedeniyam k 1 fevralya 1914 g.
[The timetable of the ground forces corrected according to information as of 1914 February 1].
Saint Petersburg : Voen. tipogr. imperatritsy Ekateriny Velikoi, 1914. 578 p. Russian)

⁶⁹РГВИА. Ф. 1957. Оп. 3. Д. 22. Л. 286–287.

⁷⁰Витебская губерния: историко-географический и статистический обзор. Витебск : Губ. тип., 1890. С. 305.

⁷¹РГВИА. Ф. 1957. Оп. 3. Д. 115. Л. 55.

1905 г. – 22 758 военнослужащих (согласно сведениям историка А. П. Сапунова)⁷².

По данным Минского губернского статистического комитета, в Минской губернии к 1870 г. квартировало 12 921 военнослужащий⁷³, к 1877 г. – 13 373⁷⁴, к 1885 г. – 13 290⁷⁵, к 1892 г. – 14 364⁷⁶, к 1895 г. – 16 705⁷⁷, а к 1896 г., по данным Виленского окружного интендантства, – 17 311 солдат и офицеров⁷⁸.

В Виленской губернии к 1882 г., по данным Виленского окружного интендантства, квартировало 12 817 военнослужащих⁷⁹, к 1896 г. – 17 950⁸⁰ (рис. 4).

Единственным крупным изменением картины дислокации войск в Беларуси в течение последних 15 лет до начала Первой мировой войны стал перевод в Поволжье 41-й пехотной дивизии с одноименной артбригадой, квартировавших с 1883 г. в Витебской и Могилёвской губерниях.

Уходившим в Симбирск Закатальскому и Ленкоранскому пехотным полкам 41-й дивизии с 41-й арт-

бригадой (отправлявшейся в Казань) воскресным утром 1 июля 1910 г. в летнем полевом лагере под Витебском были устроены пышные проводы, организованные жителями губернского города. Представители органов городского самоуправления обратились к войскам с пламенной речью: «Господа офицеры и нижние чины закатальцы, ленкоранцы и артиллеристы! В сегодняшний знаменательный день прощания Витебск в лице нас, городских общественных представителей, шлет свой последний сердечный привет и поклон покидающим его войскам и с чувством глубокой симпатии, признательности вспоминает о времени их пребывания в городе. Наша связь с вами подкрепляется тесными узами дружбы и родства – город успел выставить в ваши ряды не одно поколение своих детей и отцов, которые сегодня оставляют в Витебске своих близких. Мы можем с уверенностью сказать, что не только для города Витебска, но и для двух полков сослу-

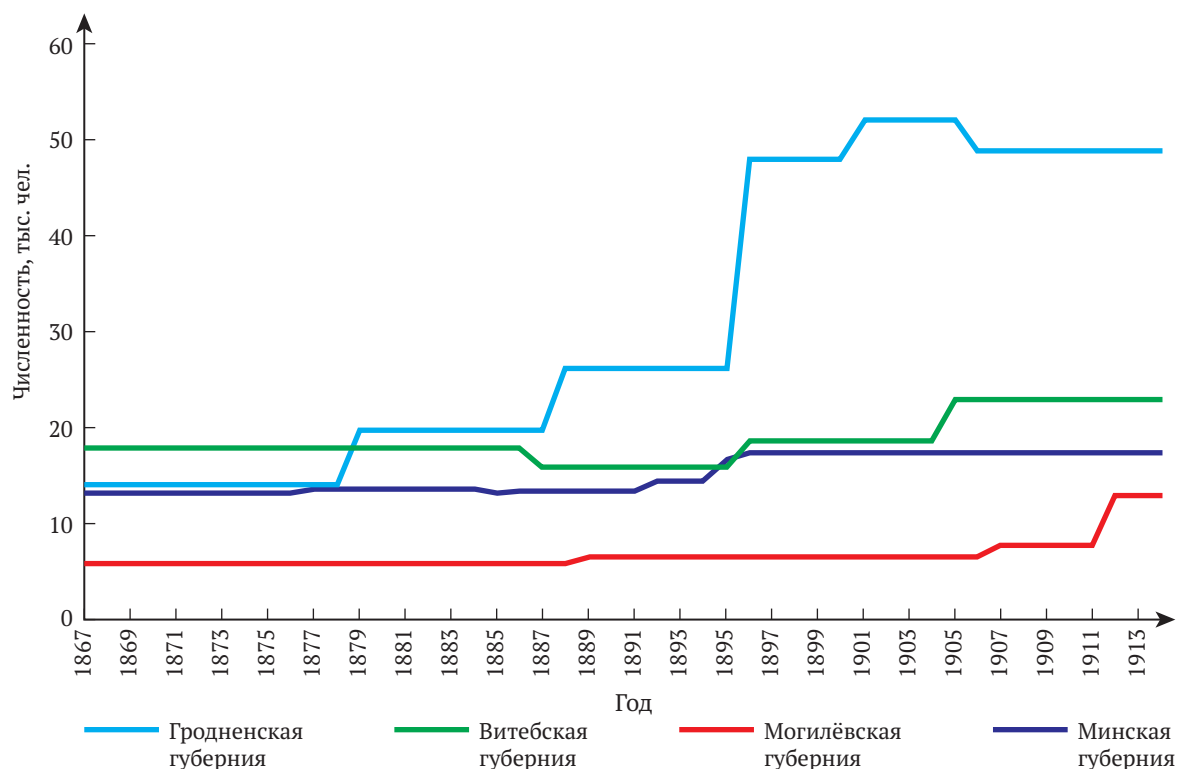


Рис. 4. Динамика численности войск Российской империи, сосредоточенных в Витебской, Гродненской, Минской и Могилёвской губерниях

Fig. 4. Dynamics of the number of troops of the Russian Empire concentrated in Viciebsk, Hrodna, Minsk and Mahilioŭ provinces

⁷²Сапунов А. П. Список населенных мест Витебской губернии. Витебск : Витеб. губ. стат. ком., 1906. С. 15.

⁷³Обзор Минской губернии за 1870 г. / Мин. губ. стат. ком. Минск : Литогр. изд-во, 1871. С. 112.

⁷⁴Памятная книжка Минской губернии на 1878 г. / Мин. губ. стат. ком. Минск : Тип. Губ. правления, 1878. С. 676.

⁷⁵Памятная книжка Минской губернии на 1887 г. / Мин. губ. стат. ком. Минск : Типо-литогр. Х. Я. Дворжеца, 1886. С. 258.

⁷⁶Памятная книжка и календарь Минской губернии на 1894 г. / Мин. губ. стат. ком. Минск : Губ. тип., 1893. С. 366.

⁷⁷Памятная книжка и календарь Минской губернии на 1897 г. / Мин. губ. стат. ком. Минск : Паровая типо-литогр. Х. Я. Дворжеца, 1896. С. 253.

⁷⁸РГВИА. Ф. 1957. Оп. 3. Д. 115. Л. 55.

⁷⁹Там же. Д. 22. Л. 286–287.

⁸⁰Там же. Д. 115. Л. 55.

живцев – Закатальского и Ленкоранского – навсегда останется памятным первый момент их вступления в наш город. Еще более для обеих сторон оказались памятны проводы из Витебска этих сил на тяжелую борьбу с Японией⁸¹. Выражая теперь желания и чувства витебского населения, мы передаем вам эти святые иконы – Успения Пресвятой Богородицы, Преп. Ефросиньи кн. Полоцкой, Св. Чудотв. Николая Мирликийского – как благословление в пути и на новом месте вашей службы. Наши благопожелания последуют за вами и не будут покидать вас на новом месте службы! Счастливого вам пути! Счастливого новоселья!»⁸²

Длительное присутствие крупнейшего контингента войск Российской империи в Беларуси способствовало активному привлечению гражданского населения к воинской службе. Так, к началу рассматриваемого периода 800 нижних чинов Псковского пехотного полка 3-й пехотной дивизии являлись уроженцами Виленской губернии, 150 – уроженцами Гродненской губернии⁸³. Аналогично в составе Новоингерманландского полка служило 540 рекрутов из Гродненской и Виленской губерний⁸⁴. Также и в составе гродненского гарнизона (самого крупного на землях современной Беларуси), по воспоминаниям горожан, было много уроженцев Гродненской губернии: «Российские войска, которые дислоцировались в Гродно, имели совсем другой облик, нежели в других губерниях. Возможно, на это влияло большое количество уроженцев здешних мест, служивших в его рядах, среди которых семьи Малевских, Сулевичей, Григоровичей, Пожерских, Марцинкевичей, Гуляницких, Баньковских, Румелей, Вейток и Богатыревичей» (перевод наш. – А. А.) [10]. Подобным образом к началу 1880-х гг. квартировавшие в Витебске Казанский и Углицкий полки «комплектовались исключительно уроженцами уездов Витебской губернии: многие из них имели родных или в самом городе, или в близлежащих уездах»⁸⁵.

По сведениям В. В. Бондаренко, многие видные военачальники российской армии – уроженцы Беларуси начинали службу в подразделениях, дислоцировавшихся на территории белорусских губерний. В частности, уроженец Виленской губернии генерал В. В. Белозор начинал службу в квартировавшем

в Кобрине 64-м Казанском полку; уроженец Минской губернии генерал А. Е. Едрихин, один из основоположников русской геополитики, – в 120-м Серпуховском полку, который дислоцировался в Минске; уроженец Гродно генерал Н. М. Киселевский, окончив Михайловское артиллерийское училище, поступил на службу в квартировавшую в Гродно 26-ю артбригаду; уроженец Лидского уезда генерал А. А. Мокржецкий начинал службу в 101-м Пермском полку, квартировавшем в Гродно. Свою военную карьеру на белорусских землях начинали также их уроженцы генералы П. А. Парчевский, М. М. Плешков, А. В. Станкевич, С. Ф. Стельницкий, В. Н. Токарев, Н. С. Триковский, П. С. Махров, Н. С. Махров [11, с. 3–114].

Функционирование организационных структур ВлВО способствовало притоку в регион большого числа представителей военно-политической элиты российского государства, игравшей значительную роль в общественной жизни (в частности, должность командующего войсками ВлВО до 1881 г. совмещалась с должностью генерал-губернатора) [12, с. 64]. Согласно табели о рангах начальники дивизий (на территории белорусских губерний их было не менее восьми) и крепостей (двое) приравнивались к губернаторам, корпусные командиры стояли выше губернаторов (с конца 1870-х гг. в границах белорусских губерний их было не менее четырех)⁸⁶. Таким образом, войска приводили с собой в Беларусь по меньшей мере 14 высших военно-политических сановников Российской империи.

К числу центров культурной и общественно-политической жизни в рассматриваемый период относились офицерские собрания отдельных подразделений и соединений (полков, артбригад, дивизий, гарнизонов), на которых могли присутствовать и привилегированные категории гражданского населения⁸⁷. Торжественные вечера по случаю государственных и религиозных праздников, музыкальные и театральные выступления, организуемые офицерскими клубами, становились неотъемлемым атрибутом светской жизни белорусских губерний. Так, в офицерском собрании Кобриня, где действовал кружок любителей драматического искусства, были устроены декорации и сцена, на которой ставилось несколько пьес, «большинство спектаклей устраивалось

⁸¹Тогда «войска после молебна на Соборной площади были благословлены иконой Спасителя и напутствуемы хлебом-солью» (НИАБ. Ф. 2496. Оп. 1. Д. 2791). На долю 41-й артбригады выпало участие в одном из наиболее горячих и кровопролитных сражений.

⁸²НИАБ. Ф. 2496. Оп. 1. Д. 3100. Л. 1–18.

⁸³Гениев А. История Псковского пехотного генерал-фельдмаршала князя Кутузова-Смоленского полка. 1700–1881. М.: Тип. А. Иванова, 1883. С. 292.

⁸⁴Пирожников П. История 10-го пехотного Новоингерманландского полка. Тула: Электронпечатня и тип. И. Д. Фортунова, 1913. С. 273.

⁸⁵Борисов В. Походы 64-го Казанского Его Императорского Величества Великого Князя Михаила Николаевича полка. СПб.: Тип. И. Скороходова, 1888. С. 670.

⁸⁶Осоргин М. М. Воспоминания, или Что я слышал, что я видел и что я делал в течение моей жизни. 1861–1920. М.: Речь, 2008. 1000 с.

⁸⁷Правила офицерского собрания 27-й пехотной дивизии и 27-й артиллерийской бригады. Вильна: Вил. губ. тип., 1873. 11 с.; Правила офицерского собрания 160-го пехотного Абхазского полка. Могилёв: Могилёв. губ. типо-литогр. Я. Н. Подземского, 1895. 16 с.

с благотворительной целью и давало довольно порядочные сборы»⁸⁸. Офицерское собрание Гродно «организовывало спектакли, живые картины, литературные, музыкальные, семейные вечера. К участию в этих вечерах приглашались известные артисты, приезжавшие в город»⁸⁹. Также есть сведения, что полковые оркестры активно участвовали в музыкальном сопровождении частных гражданских торжеств (масштабы данного явления заставили штаб ВЛВО посвятить ему одно из своих заседаний)⁹⁰.

Полковые праздники, парады, смотры войск высшими государственными сановниками (в том числе императором), проводы и встречи армейских подразделений относились к числу наиболее ярких событий повседневности для местного населения. Так, многие горожане принимали участие в праздновании юбилея 14-го уланского Ямбургского полка в Гродно, когда 29 августа 1871 г. «необычайно многочисленное собрание городской публики встречало образ Св. Великомученика и Победоносца Георгия»⁹¹, подаренный к столетию полка великой княжной Марией Александровной. В июле 1877 г. Витебск провожал офицеров и нижних чинов местного гарнизона, уходивших на войну с Турцией, «угощениями и чаркою водки. К отходу каждого эшелона собиралась масса народа, и громогласное “ура” гремело до тех пор, пока очередной поезд не скрывался из вида»⁹². Еще более торжественной оказалась встреча войск в Витебске 5 июля 1878 г., когда «от вокзала и вплоть до самой Смоленской площади все дома, лавки и магазины были убраны флагами и коврами, а окна и двери домов покрылись гирляндами из зелени»⁹³. При выступлении из Слонима в 1892 г. 11-го драгунского Харьков-

ского полка, квартировавшего там на протяжении 17 лет, горожане на прощание поднесли ему икону Спасителя «с изъявлением признательности и благодарности за мирное и честное его пребывание в городе», при этом городской голова П. Василевский отметил, что за время расположения в городе «полк сжился, подружился и полюбился жителям Слонима»⁹⁴.

С момента окончания Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и вплоть до своей кончины в 1882 г. должность командующего IV АК занимал кумир миллионов современников легендарный генерал М. Д. Скобелев (за три дня до смерти, 22 июля 1882 г., он еще находился в штабе подчиненного корпуса, квартировавшего в Минске). В августе 1881 г. М. Д. Скобелев провел с корпусом, подразделения которого дислоцировались в Минске, Могилёве и Витебске, длительные маневры между Могилёвом и Бобруйском: «Последняя встреча генерала оказалась необычайно торжественной: войска на 6 верст были расставлены шпалерами с факелами (вдоль шоссе из Орши, где на тот момент находилась ближайшая железнодорожная станция. – А. А.), власти и горожане вышли далеко за город ему навстречу»⁹⁵.

Одним из наиболее ярких воспоминаний детства М. Шагала стал смотр частей витебского гарнизона Николаем II. По свидетельству художника, «школьников водили за город приветствовать государя, приехавшего туда, чтобы проводить войска на войну с Японией» [13, с. 46]. С началом Первой мировой войны толпы могилевчан пришли проводить на поля сражений квартировавший в городе Абхазский пехотный полк⁹⁶.

Заключение

Таким образом, с 1862 г. Гродненская, Виленская, Витебская, Минская и Могилёвская губернии служили территориальной основой ВЛВО и частично Варшавского военного округа, совокупный потенциал которых являлся ведущим средством поддержания стратегического баланса сил с вероятными противниками России в Европе до начала Первой мировой войны. Белорусские земли в момент образования округов стали центром формирования шести пехотных дивизий и семи артбригад, составивших посто-

янную основу воинского контингента на западных границах Российской империи в противовес традиционной парадигме, не привязывавшей воинские подразделения к решению задач в рамках отдельно взятых районов государства. В 1870-х гг. – начале XX в. происходило поэтапное усиление группировки российских войск в Беларуси путем перевода пехотных дивизий и артбригад из внутренних районов империи, а также создания понтонных, саперных, обозных, железнодорожных, воздухоплавательных

⁸⁸Борисов В. Походы 64-го Казанского Его Императорского Величества Великого Князя Михаила Николаевича полка. С. 678.

⁸⁹История 103-го пехотного Петрозаводского полка 1803–1903 гг. / сост. Р. И. Дубинин. СПб. : Эконом. типо-литогр., 1903. С. 254.

⁹⁰РГВИА. Ф. 1956. Оп. 1. Д. 591.

⁹¹Крестовский В. В. История 14-го уланского Ямбургского Ее Императорского Высочества Великой Княжны Марии Александровны полка. СПб. : Тип. М. О. Этингера, 1873. С. 213.

⁹²Борисов В. Походы 64-го Казанского Его Императорского Величества Великого Князя Михаила Николаевича полка. С. 478–480.

⁹³Там же. С. 634.

⁹⁴РГВИА. Ф. 1956. Оп. 1. Д. 591. Л. 39–39 об.

⁹⁵Еленев М. Н. Историческая хроника 64-го Углицкого полка за двести лет его существования. Варшава : Типо-литогр. Б. А. Букаты, 1908. С. 101.

⁹⁶Власов А. А. Воспоминания о Могилёве [Электронный ресурс]. URL: http://www.rp-net.ru/book/archival_materials/vlasov.php (дата обращения: 03.04.2019). (Автор воспоминаний не имеет отношения к генералу Власову.)

и авиационных специализированных подразделений, что отражало эволюцию средств инженерного оснащения вооруженных сил в рамках военно-технического прогресса.

Результаты изучения причин сосредоточения войск на территории белорусских губерний в середине 1860-х гг. – начале XX в. свидетельствуют о превалировании внешних геостратегических факторов над внутривнутриполитическими. Анализ особенностей дислокации, состава и численности группировки российских войск в Беларуси в 1860-х гг. – начале XX в. доказывает, что Гродненская и Виленская губернии с прилегавшими к ним уездами Минской и Витебской губерний являлись частью особого стратегического пространства с повышенным уровнем военной опасности, где на среднем Немане начинался один из главных операционных районов боевых действий в вероятной войне с Германской империей (до 1871 г. – Пруссией), которая на протяжении всего рассматриваемого периода выступала в качестве ведущего военно-политического оппонента российского государства на международной арене (к концу 1870-х гг. – в рамках австро-германского военного союза). Концентрация войск в Беларуси была обусловлена быстрыми темпами развития сети транспортных коммуникаций у потенциального противника и, как следствие, сокращением сроков мобилизации германской армии, а также обширностью самой Российской империи, что затрудняло оперативную переброску войск на различные операционные направления.

К началу 1880-х гг. отдельные подразделения войск, равномерно рассредоточенные до этого времени по территории белорусских губерний, стали концентрироваться для стационарного размещения в крупнейших губернских и уездных городах (Вильно, Гродно, Брест-Литовск, Минск, Витебск, Бобруйск, Могилёв, Слоним, Кобрин, Лида и др.), лежащих вдоль важнейших транспортных магистра-

лей, которые позволяли оперативно перебрасывать личный состав и вооружения к границам потенциальных противников.

Повышенная готовность войск, квартировавших в Беларуси, к отражению вооруженных провокаций со стороны сил восстания 1863–1864 гг., и борьба с революционными выступлениями в 1905–1907 гг. свидетельствуют об активном участии армии в системообразующих политических процессах, протекавших на белорусских землях, в качестве силового инструмента проводимой правительством Российской империи национальной и социально-экономической политики. Постоянное присутствие крупнейшего воинского контингента способствовало интенсивному рекрутированию местного населения в ряды вооруженных сил на всех ступенях армейской иерархии (от рядовых до генералов). Войска играли заметную роль в культурной и общественно-политической жизни Беларуси на повседневном уровне в рамках многочисленных открытых театральных и музыкальных акций, военных смотров и парадов, светских раутов для привилегированной публики и церковных праздников.

Кратко полученные результаты могут быть выражены в следующих тезисах:

1) территория белорусских губерний с 1864 по 1914 г. являлась одним из ключевых центров постоянного сосредоточения крупнейшей группировки войск Российской империи;

2) главной целью воинского контингента в Беларуси было поддержание стратегического баланса сил Российской империи с европейскими государствами;

3) постоянное присутствие массы подразделений и соединений российской армии факультативно выступало в качестве силового инструмента защиты сложившегося общественно-политического порядка, а также проводимой правительством национальной и социально-экономической политики.

Библиографические ссылки

1. Захарова ЛГ, редактор. *Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютин 1860–1862*. Москва: Российский архив; 1999. 488 с.
2. Арлукевич АБ. Войска Российской империи в Беларуси в период восстания 1863–1864 гг. *Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки*. 2020;1:7–17.
3. Зайончковский ПА. *Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий*. Москва: Мысль; 1973. 349 с.
4. Киенко Д, Сливкин В. *Аэродром Лида: сто лет полетов*. Смоленск: Хартекс; 2013. 180 с.
5. Киенко Д. *Каролин (Гродно): первый аэродром Беларуси*. Минск: Рубон; 2018. 82 с.
6. Киселев АА. Причины участия воинских подразделений русской армии в охране правопорядка в белорусских губерниях в 1905–1907 гг. *Идеологические аспекты военной безопасности*. 2010;1:16–18.
7. Копыцкий ЗЮ, Фих БМ, редакторы. *Гродно: исторический очерк*. Минск: Беларусь; 1964. 202 с.
8. Петров ВА. *Очерки по истории революционного движения в русской армии в 1905 г.* Ленинград: Наука; 1964. 426 с.
9. Платонов РП, редактор. *Пролог Великого Октября: по материалам республиканской научной конференции, посвященной 80-летию революции 1905–1907 гг. в России*. Минск: Вышэйшая школа; 1986. 157 с.
10. Токць С. Матэрыялы да гісторыі Гародні і ваколіц у зборах Нацыянальнай бібліятэкі імя Асалінскіх «Асалінэум» у Вроцлаве. У: Смаленчук АФ, Сліж НУ, рэдактары. *Гарадзенскі палімпсест. Дзяржаўныя ўстановы і палітычнае жыццё*

XVI–XX stst. Матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі; 7 лістапада 2009 г.; Гродна, Беларусь. Гродна: [б. в.]; 2009. с. 318–331.

11. Бондаренко ВВ. Полководцы и военачальники Первой мировой войны – уроженцы Беларуси. Минск: Звязда; 2014. 120 с.

12. Местные органы власти и управления. В: Житко АП, редактор. *История белорусской государственности. Том 2*. Минск: Беларуская навука; 2019. с. 55–105.

13. Шагал МЗ. *Моя жизнь*. Москва: Азбука; 2000. 416 с.

References

1. Zakharova LG, editor. *Vospominaniya general-fel'dmarshala grafa Dmitriya Alekseevicha Milyutina 1860–1862* [Memoirs of field Marshal count Dmitry Alekseyevich Milutin 1860–1862]. Moscow: Rossiiskii arkhiv; 1999. 488 p. Russian.

2. Arlukevich AB. Troops of the Russian Empire in Belarus during the uprising of 1863–1864. *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya A. Gumanitarnye nauki*. 2020;1:7–17. Russian.

3. Zaionchkovskii PA. *Samoderzhavie i russkaya armiya na rubezhe XIX–XX stoletii* [Autocracy and the Russian army at the turn of the 19th–20th centuries]. Moscow: Mysl'; 1973. 349 p. Russian.

4. Kienko D, Slivkin V. *Aerodrom Lida: sto let poletov* [Lida airfield – one hundred years of flying]. Smolensk: Kharteks; 2013. 180 p. Russian.

5. Kienko D. *Karolin (Grodno): pervyi aerodrom Belarusi* [Karolin (Hrodna) is the first airfield in Belarus]. Minsk: Rubon; 2018. 82 p. Russian.

6. Kiselev AA. [Reasons for the participation of military units of the Russian army in law enforcement in the Belarusian provinces in 1905–1907]. *Ideologicheskie aspekty voennoi bezopasnosti*. 2010;1:16–18. Russian.

7. Kopysskii ZYu, Fikh BM, editors. *Grodno: istoricheskii ocherk* [Hrodna: historical essay]. Minsk: Belarus; 1964. 202 p. Russian.

8. Petrov VA. *Ocherki po istorii revolyutsionnogo dvizheniya v russkoi armii v 1905 g.* [Essays on the history of the revolutionary movement in the Russian army in 1905]. Leningrad: Nauka; 1964. 426 p. Russian.

9. Platonov RP, editor. *Prolog Velikogo Oktyabrya: po materialam respublikanskoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 80-letiyu revolyutsii 1905–1907 gg. v Rossii* [Prologue of the Great October: based on the materials of the Republican scientific conference dedicated to the 80th anniversary of the revolution of 1905–1907 in Russia]. Minsk: Vyshhejskaya shkola; 1986. 157 p. Russian.

10. Tokts S. [Materials for the history of Hrodna and its environs in the training camp of the National Library named Ossolinskich «Ossolineum» in Wroclaw]. In: Smalenchuk AF, Slizh NU, editors. *Garadzenski palimpsest. Dzjarzhawnyja wstany i palitychnae zhyccjo XVI–XX stst. Matjeryjaly Mizhnarodnaj navukovaj kanferjencyi; 7 listapada 2009 g.; Grodna, Belarus'*. [Hrodna palimpsest. State institutions and political life of the 16th–20th centuries. Materials of the International conference; 2009 November 7; Hrodna, Belarus]. Hrodna: [s. n.]; 2009. p. 318–331. Belarusian.

11. Bondarenko VV. *Polkovodtsy i voenachal'niki Pervoi mirovoi voiny – urozhentsy Belarusi* [Warlords and military leaders of the World War I – natives of Belarus]. Minsk: Zvjazda; 2014. 120 p. Russian.

12. [Local government and administration]. In: Zhitko AP, editor. *Istoriya belorusskoi gosudarstvennosti. Tom 2* [The history of the Belarusian statehood. Volume 2]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2019. p. 55–105. Russian.

13. Shagal MZ. *Moya zhizn'* [My life]. Moscow: Azbuka; 2000. 416 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 03.10.2019.

Received by editorial board 03.10.2019.

УДК 358.4+629.73(091)«1914–1915»:930.2

СВИДЕТЕЛЬСТВА О НЕОПОЗНАННЫХ «АЭРОПЛАНАХ» В ВИТЕБСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1914–1915 гг.: ВЗГЛЯД ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЭПОХИ

И. С. БУТОВ¹⁾

¹⁾Независимый исследователь, г. Минск, Беларусь

Рассматривается белорусская антиаэроплановая кампания 1914–1915 гг., связанная с противодействием стремительно распространившимся по губерниям домыслам о появлении за линией фронта аэропланов и дирижаблей неприятеля. Анализируются документы и материалы из фондов Национального исторического архива Беларуси, Государственного архива Российской Федерации и Государственного архива Псковской области, касающиеся проверки сообщений об аэропланах в Витебской губернии. Отмечается, что массовое появление слухов об аэропланах прошло несколько этапов: сначала очевидцы описывали их лишь как «бесформенную летающую массу», а позже сведения стали более конкретными, проверялись даже сообщения о спуске аппаратов на территорию губернии. Все это привело к серьезной проблеме: из-за паники участились случаи обстрела российских аэропланов суверенными солдатами, что могло отразиться на ходе военных действий, в частности, на снабжении передовой современным оружием и последними разведанными. Немаловажно и влияние рассматриваемых событий на тыл, вылившееся прежде всего в распространение населением слухов, направленных против богатых землевладельцев, и рост социальной напряженности. Показано, что местная антиаэроплановая кампания имела прибалтийский и псковский «налет». Сделан вывод о том, что в большинстве сообщений из Витебской губернии и приграничных с ней территорий представлены не наблюдения реальной боевой или разведывательной авиации противника, а неверная интерпретация очевидцами каких-либо природных или астрономических объектов и явлений либо свидетельства о движении российских аэропланов. Это обусловлено влиянием фобических образов новой техники, усиленных в глазах местного населения военной истерией и милитаристским психозом.

Ключевые слова: Первая мировая война; авиация; аэроплан; дирижабль.

Благодарность. Автор выражает благодарность Р. В. Солженицыну за помощь в подготовке статьи.

СВЕДЧАННІ ПРА НЕАПАЗНАНЫЯ «АЭРАПЛАНЫ» Ў ВІЦЕБСКОЙ ГУБЕРНІ Ў 1914–1915 гг.: ПОГЛЯД ПРАЗ ПРЫЗМУ ЭПОХІ

І. С. БУТАЎ^{1*}

^{1*}Незалежны даследчык, г. Мінск, Беларусь

Разглядаецца антыаэрапланавая кампанія 1914–1915 гг., звязаная з супрацьдзеяннем чуткам пра з'яўленне за лініяй фронту аэрапланаў і дырыжабляў непрыяцеля, якія хутка распаўсюдзіліся па губернях. Аналізуюцца дакументы і матэрыялы з фондаў Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі, Дзяржаўнага архіва Расійскай Федэрацыі і Дзяржаўнага архіва Пскоўскай вобласці, звязаныя з праверкай паведамленняў аб аэрапланах у Віцебскай губерні. Адзначаецца, што масавае з'яўленне чутак пра аэрапланы прайшло ў Віцебскай губерні некалькі этапаў: спачатку відавочцы апісвалі іх толькі як «бясформенную лятучую масу», а пазней звесткі сталі больш канкрэтнымі, правяраліся

Образец цитирования:

Бутов ИС. Свидетельства о неопознанных «аэропланах» в Витебской губернии в 1914–1915 гг.: взгляд через призму эпохи. *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2020;3:23–33.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2020-3-23-33>.

For citation:

Butov IS. Evidence of unidentified «aeroplanes» in Viciebsk guberniya in 1914–1915: a look through the prism of the era. *Journal of the Belarusian State University. History*. 2020;3: 23–33. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2020-3-23-33>.

Автор:

Илья Станиславович Бутов – кандидат сельскохозяйственных наук; независимый исследователь.

Author:

Ilya S. Butov, PhD (agricultural sciences); independent researcher.
illiabutov@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-3187-3552>



нават паведамленні пра спуск апаратаў на тэрыторыю губерні. Усё гэта прывяло да сур'ёзнай праблемы: праз паніку павялічылася колькасць абстрэлаў расійскіх аэрапланаў прымхлівымі салдатамі, што магло наўпрост адбіцца на ходзе ваенных дзеянняў, у прыватнасці, на забеспячэнні перадавой сучаснай зброяй і апошнімі разведданымі. Заўважны ўплыў аказвалі гэтыя падзеі і на тыл, што вылілася перш за ўсё ў пашырэнні насельніцтвам чутак, накіраваных супраць багатых землеўладальнікаў, і рост сацыяльнай напружанасці. Паказана, што мясцовая антыаэрапланавая кампанія мела прыбалтыйскі і пскоўскі «налёт». Зроблена выснова, што ў большасці паведамленняў з Віцебскай губерні і яе памежжа прыводзяцца не назіранні за рэальнай баявой або разведвальнай авіяцыяй праціўніка, а няправільная інтэрпрэтацыя відавочцамі пэўных прыродных ці астранамічных аб'ектаў і з'яў або сведчанні пра рух расійскіх аэрапланаў. Гэта абумоўлена ўплывам фабічных вобразаў новай тэхнікі, узмоцненых у вачах мясцовага насельніцтва ваеннай істэрыяй і мілітарысцкім псіхозам.

Ключавыя словы: Першая сусветная вайна; авіяцыя; аэраплан; дырыжабль.

Падзяка. Аўтар выказвае падзяку Р. В. Салжаніцыну за дапамогу ў падрыхтоўцы артыкула.

EVIDENCE OF UNIDENTIFIED «AEROPLANES» IN VICIEBSK GUBERNIYA IN 1914–1915: A LOOK THROUGH THE PRISM OF THE ERA

I. S. BUTOV^a

^a*Independent researcher, Minsk, Belarus*

The article is devoted to the Belarusian anti-aeroplane campaign of 1914–1915, i. e. to counteract the speculation that rapidly spread across the provinces about the appearance of enemy aeroplanes and airships behind the front line. Documents and materials from the National Historical Archive of Belarus, State Archive of Russian Federation and State Archive of Pskov Region funds concerning the verification of reports about aeroplanes in the Viciebsk guberniya are reviewed and analyzed. It is noted that the mass appearance of rumors about airplanes took place in the Viciebsk guberniya in several stages: at first, according to the descriptions of eyewitnesses, they were only a shapeless flying mass, and later information about them became more specific and even reports about their descent were checked. All this led to a serious problem – under the influence of panic, cases of superstitious soldiers firing at their own planes became more frequent, which could directly affect the course of military operations, in particular, the supply of advanced weapons and the latest intelligence. It is also important to consider the impact of the issue on the rear, which resulted primarily in the population fanning rumors directed against rich landowners, and the growth of social tension as a result. It is shown that the local anti-aeroplane campaign had a Baltic and Pskov «scurf», naturally complementing the actions of local authorities and the population. It is concluded that most of the reports from the Viciebsk guberniya and its borders, cited in the documents, do not describe observations of real combat or reconnaissance aircraft of the enemy, but only give an incorrect interpretation by eyewitnesses of any natural or astronomical phenomena as well as your own aeroplanes that occurred due to phobic images of new equipment in the eyes of the local population, reinforced by military hysteria and militaristic psychosis.

Keywords: World War I; aviation; aeroplane; airship.

Acknowledgments. The author expresses gratitude to R. V. Solzhenitsyn for his help in preparing this article.

Введение

В преддверии многих военных конфликтов в обществе проявляются панические настроения, выражающиеся в различных фобиях, страхах и психозах. Нередко средства массовой информации, да и сами власти вольно или невольно раздувают эти слухи [1; 2]. Именно такой страх перед неизвестной военной техникой и, в частности, перед аэропланами, охватил население Российской империи накануне Первой мировой войны и в первые военные годы [3–5]. Пожалуй, максимально гипертрофированную форму он принял в прифронтовых губерниях – Лифляндской, Курляндской, Эстляндской, Псковской и Минской [6, с. 204–205; 7; 8; 9, с. 214–220; 10]. Реакцию населения Минской губернии на волну слухов об аэропланах

автор данной статьи уже рассматривал в отдельной публикации и сделал вывод о том, что местная антияэроплановая кампания почти полностью зиждилась на домыслах, а сами сообщения от местных жителей нельзя смешивать со свидетельствами появления вполне реальных аэропланов, действовавших на незначительном расстоянии от линии фронта, как правило, в дневное время [10]. В свою очередь, это подтверждается реакцией властей Псковской губернии и Прибалтийского края на подобные слухи [7; 11]. Именно поэтому слово «аэропланы» в данной публикации часто употребляется в кавычках.

В статье указанный аспект белорусской антияэроплановой кампании, т. е. противодействие стреми-

тельно распространившимся домыслом о пролетающем в глубине страны неприятеле, рассматривается на примере северной части современной Беларуси. Цель данной публикации – проанализировать документы об авиааэроплановой кампании на территории Витебской губернии и ее пограничья в 1914–1915 гг., хранящиеся в нескольких исторических архивах (главным образом в Национальном историческом архиве Беларуси (НИАБ), а также в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) и Государственном архиве Псковской области (ГАПО)).

Примером удачной интерпретации темы на основе такого вида источников, как официальные донесения государственных чинов, может служить работа белорусского историка М. А. Кривицкого, который рассмотрел рапорты минского и двинского полицмейстеров о последствиях налетов немецкой авиации в годы Первой мировой войны [12]. Иссле-

дователь четко обозначил, что эпизоды реальных авиааналетов и бомбардировок могут быть интересны не столько в плоскости военной истории, сколько в контексте социальной истории и истории повседневности, о чем пишет также и В. Б. Аксенов [3]. Автор данной статьи рассматривает фобические образы новой техники для полетов, сформировавшиеся в сознании белорусских обывателей, что является недостаточно разработанной в Беларуси научной проблемой. Новые сведения о налетах немецкой авиации на неоккупированную часть белорусско-литовских губерний представляют особую ценность для историков, так как данный вопрос до сих пор практически не отражался в работах как отечественных, так и зарубежных исследователей [12, с. 32–33]. Кроме того, в статье вводятся в научный оборот новые документальные и неизвестные ранее источники по истории Первой мировой войны.

Методология исследования

В рамках данной работы анализировались главным образом официальные рапорты государственных чинов (витебского и псковского губернаторов, а также отдельных уездных исправников) из НИАБ, ГАРФ и ГАПО, при этом использовались историко-сравнительный, а также абстрактно-логический метод, включающий совокупность приемов индукции и дедукции, анализа и синтеза, аналогии, сопоставлений, системно-структурный анализ, методы формализации и моделирования. Цитаты приводятся в хронологическом порядке, от поступления первого рапорта в августе 1914 г. вплоть до октября 1915 г., по мере появления новых официальных сообщений.

Такой подход позволяет максимально полно проследить эволюцию местной авиааэроплановой кампании, появление у «аэропланов» мифических черт и их трансформацию в глазах обывателей, принятие их населением и властью. В своих выводах автор также опирается на изучение аналогичных дел, заводившихся в других регионах Российской империи: Приамурском генерал-губернаторстве, Степном крае, Оренбургской, Пермской, Уфимской, Самарской, Саратовской, Воронежской, Псковской и Минской губерниях, а также в Прибалтийском крае, – которые более подробно раскрывали присущие общей авиааэроплановой кампании детали и особенности.

Результаты и их обсуждение

О том, что «аэропланы» двигались из Псковской губернии в сторону Витебска, известно из материалов ГАПО, впервые обнаруженных и систематизированных М. В. Васильевым и А. А. Михайловым¹ [7, с. 187–198; 8, с. 146–147; 9, с. 214–220]. Упоминание Витебска можно встретить как в телеграмме², которую получил 9 августа 1914 г. псковский губернатор Н. Н. Медем³, так и в рапорте псковского уездного исправника⁴, поступившем в канцелярию 11 августа того же года⁵. Однако достигли ли

замеченные в соседней губернии аппараты белорусского губернского города? Сегодня на этот вопрос уже можно ответить утвердительно. Автору данной статьи удалось обнаружить в НИАБ переписку об «аэропланах», которую витебский губернатор М. В. Арцимович⁶ и его преемник Н. П. Галахов⁷ вели с уездными исправниками почти до конца 1915 г.⁸ Кроме того, в канцелярии витебского губернатора имеются еще несколько дел, косвенно связанных с такими полетами⁹.

¹ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 3132. Рапорты с донесением о пролетающих аэропланах на территории Псковской губернии (11 августа – 31 декабря 1914 г.) ; Д. 3133. Дела о принятии мер к устройству наблюдений за неприятельскими летательными аппаратами (1 октября – 26 октября 1914 г.) и др.

²Там же. Д. 3132. Л. 27.

³Николай Васильевич Медем (1867–1918) – псковский губернатор (1911–1916), сенатор.

⁴ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 3132. Л. 29.

⁵В исследовании приводятся даты по старому стилю.

⁶Михаил Викторович Арцимович (1859–1933) – русский государственный деятель, сенатор, шталмейстер, витебский губернатор (1911–1915).

⁷Николай Павлович Галахов (1855–1936) – орловский вице-губернатор (1907–1915), камергер, действительный статский советник, витебский губернатор (1915–1917).

⁸НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 49072. Дело о пролетающих над Витебской губернией аэропланах (23 декабря 1914 г. – 21 августа 1915 г.).

⁹Там же. Д. 48996. О распространении Фаддеем Казимировым Германом слухов о спуске в саду имения Забо[ло]тье аэроплана с иностранными военными летчиками (28 ноября 1914 г. – 15 февраля 1915 г.) ; Д. 49344. Дело о розыске радиотелеграфной станции и лиц, виновных в устройстве ее (17 июля 1914 года) и др.

В документах упоминаются Городокский, Режицкий, Люцинский, Велижский, Себежский, Лепельский уезды Витебской губернии, Порховский, Великолуцкий, Опочецкий, Торопецкий уезды Псковской губернии, Поречский уезд Смоленской губернии, а также Венденский и Рижский уезды Лифляндской губернии Прибалтийского края.

Самые первые телеграммы о неких «аэропланах», с которыми мог ознакомиться М. В. Арцимович, легли на его стол 21 и 23 июля 1914 г.¹⁰ В них, правда, сообщалось о пролете «аэропланов» в сторону Лифляндской губернии (по направлению к Риге и Вендену¹¹), но наблюдали их из точек на территории Витебской губернии.

Особенно много таких наблюдений зафиксировано с 22 по 26 июля над д. Морозовкой Корсовской волости Люцинского уезда, причем каждый раз, по данным люцинского исправника Зубковского, пролетало три «аэроплана»¹².

Однако уже 4 августа таинственные аппараты перешли к более решительным действиям. Лишь по счастливой случайности посадку одного из них предотвратил управляющий имения Тиосто Городокского уезда, выстрелив в опускающийся объект. Предмет, в сторону которого полетела пуля, имел форму сигары и был назван в рапорте городокского уездного исправника «аэростатом»¹³. Такой эпизод оказался далеко не единичным, что поставило под угрозу российские аэропланы.

Спустя три дня «аэроплан» пролетел над фольварком Гронщина Дриссенского уезда столь низко, что его можно было рассмотреть в малейших деталях, вплоть до пары колес. Летела машина в сторону Полоцка. Дриссенский уездный исправник Билимо-Постернацкий доложил об этом витебскому губернатору 11 августа¹⁴.

Наконец, 9 августа в 2 часа утра от министра внутренних дел Золотарева была получена телеграмма, где подчеркивался масштаб проблемы, затрагивавшей не только прифронтовые территории, но и Казанскую, Пермскую, Владимирскую и Вятскую губернии¹⁵. Тогда же уведомление об этом от губернатора получили и полицейские исправники¹⁶. Не успели, однако, все они прочесть телеграммы, как в тот же день в 11 часов вечера вновь неизвестный «аэроплан» побеспокоил люцинского исправника. Маши-

на, на которой виднелись огни, двигалась со стороны Лифляндской губернии и была замечена над Розеновским поселком Люцинского уезда¹⁷. В этот же день великолуцкий уездный исправник донес о посадке какого-то аппарата в Невельском уезде у поселка Сокольники как раз в том месте, где недавно спускался «аэроплан Сикорского». Правда, на этом месте никаких машин обнаружено не было¹⁸.

Похожие «аэропланы» с источником света (прожектором или какими-то огнями) наблюдались затем ежедневно с 11 по 15 августа, причем об одном из случаев сообщил даже псковский губернатор Н. Н. Медем. В первые дни «аэропланы», по сведениям докладывающих лиц, прилетали из Порховского, Великолуцкого, Опочецкого и, вероятно, Псковского уезда Псковской губернии. Они двигались не только в Витебскую, но и в Лифляндскую губернию. При этом 14 августа по одному из таких замеченных объектов снова был открыт огонь, после чего он взял курс на Ригу¹⁹, а 15 августа «аэроплан», двигавшийся из Дегожской волости Порховского уезда, даже совершил облет над наблюдателями²⁰.

Самые энергичные меры по поимке призрачных пилотов, предпринимавшиеся в отдельных уездах, ни к чему не приводили. В частности, в Городокском уезде в конце первой декады августа населению было рекомендовано незамедлительно сообщать полиции о всяком появлении авиаторов, «на случай же спуска задерживать таковых до прибытия полиции», причем за задержание иностранных авиаторов обещалось вознаграждение²¹. Ближе к концу августа активность в небе снова сместилась в Дриссенский и Люцинский уезды. Вероятно, все дело в том, что эти уезды лежали на воздушном пути из Лифляндской в Витебскую губернию, а ведь именно из Лифляндии ожидали прилет неприятеля²², поэтому огромное количество наблюдателей здесь всматривалось в небо и отмечало для себя все необычное, что там происходило, в том числе самые разнообразные астрономические явления (сияние ярких звезд и планет, пролеты комет, болидов и т. д.) и, естественно, российские аэропланы, принимаемые за вражеские [2]. Так, 22 августа в рапорте дриссенского уездного исправника сообщалось, что в 9 часов вечера над д. Лычницы Клястицкой волости пролетел большой «аэроплан» по направлению из

¹⁰ НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 49072. Л. 1–2.

¹¹ Теперь – г. Цесис, административный центр Цесисского края в Латвии.

¹² НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 49072. Л. 3.

¹³ Там же. Л. 8.

¹⁴ Там же. Л. 14.

¹⁵ Там же. Л. 4–4 об.

¹⁶ Там же. Л. 5.

¹⁷ Там же. Л. 11.

¹⁸ ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 3132. Л. 32.

¹⁹ НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 49072. Л. 10.

²⁰ Там же. Л. 12.

²¹ Там же. Л. 13–13 об.

²² Именно оттуда приходил основной массив слухов о спусках и пролетах «аэропланов».

Риги на Петроград²³. В свою очередь, лифляндский губернатор Н. А. Звегинцов также не остался в стороне: 24 августа он сообщил о том, что, по его сведениям, днем ранее около 11 вечера «аэроплан» пролетел через города Малуп и Гольдбек напрямик в Люцинский уезд²⁴. В связи с этим губернатор М. В. Арцимович писал люцинскому уездному исправнику, что ему следует поискать тайную воздухоплавательную станцию²⁵, которая, вероятнее всего, может находиться в северной части Люцинского уезда²⁶.

В сентябре 1914 г. объекты в небе стали наращивать активность. Неизвестно, с чем это было связано: с приближением фронта, более активной разведкой или ошибками наблюдателей, – но нельзя не отметить, что сначала в общей неразберихе российские аэропланы, летящие из Санкт-Петербурга, вполне могли быть приняты за неизвестные. Это понимал и сам губернатор, и исправники, поэтому они старались делать дополнительные запросы о вылетах собственной авиации. Например, в ночь с 3 на 4 сентября два аэроплана снова видели в Люцинском

уезде, о чем исправник Флоренц отправил рапорт 8 сентября²⁷. Их точно не смогли идентифицировать, чего не скажешь о случае, имевшем место 11 сентября. В этот день в Люцинском уезде «ейроплан», как он был назван, имел привязку к линии железной дороги и двигался в сторону Двинска²⁸. Однако исправнику удалось установить, что через станцию Корсовка как раз 11 сентября пролетал русский аэроплан «Илья Муромец»²⁹.

В пределах Псковской губернии 18 сентября 1914 г. распространялись телеграммы, в которых сообщалось, что «в скором времени» из Петрограда в Брест пролетит еще один «Илья Муромец», «преимущественно вдоль линии железных дорог»³⁰. Вполне вероятно, что он мог проследовать и через Витебскую губернию, но аналогичных телеграмм в соответствующем деле мы не нашли. В другом случае, когда после очередного наблюдения запрос об уже находившемся в Режицком уезде самолете был сделан 30 октября 1914 г., выяснилось, что пределов Режицкого уезда «Илья Муромец» не покидал³¹.



Авария аэроплана «Илья Муромец» № 136 при посадке на незнакомой местности у Режицы в 1914 г.
Источник: [13, с. 52]

Accident of the «Ilya Muromets» aeroplane No. 136 when landing on unfamiliar terrain near Rezhitsa in 1914.
Source: [13, p. 52]

²³НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 49072. Л. 18.

²⁴Там же. Л. 15.

²⁵При этом передавалось, что 24 и 26 августа утром из Петрограда «вдоль Северо-Западной железной дороги на Варшаву» должен был вылететь аэроплан «Илья Муромец». Подчеркивалось, что он «может от Вильно повернуть на Лиду» (ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 3132. Л. 17).

²⁶НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 49072. Л. 16.

²⁷Там же. Л. 20.

²⁸Там же. Л. 17.

²⁹Там же. Л. 21.

³⁰ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 3132. Л. 92.

³¹НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 49072. Л. 34. (Речь идет об аэроплане «Илья Муромец» № 136, который перегоняли с завода в Белосток. Во второй половине дня 27 сентября полетели в Режицу. Начало темнеть, и пилот решил садиться, но при посадке на незнакомой местности у Режицы «Илья Муромец» был серьезно поврежден. Ремонт на месте, силами экипажа, затянулся до начала ноября [13, с. 52–53]).

Любопытно, что чаще всего эти объекты в небе витебские чиновники именовали «аэропланами неизвестной национальности». Один из них 13 сентября видели днем на границе с Поречским и Торопецким уездами³², а вечером – над д. Новая Слобода в Люцинском уезде³³. Об этом велижский и люцинский исправники сообщили витебскому губернатору 18 и 19 сентября.

Недостатки системы, когда огонь мог открываться по российским аэропланам, а даты и время их пролетов через территории соседних губерний никак не согласовывались с губернаторами, требовалось срочно исправлять. В связи с этим были существенно доработаны и направлены в войска специальные инструкции³⁴.

В специальном приложении к приказаниям, адресованным фронту, рассматривалась и вызвавшая иногда недоумение световая иллюминация объектов. Ведь, казалось бы, зачем привлекать излишнее внимание со стороны находящихся на земле наблюдателей, часто вооруженных? Между тем военные посчитали, что это могут быть специальные «световые сигналы»³⁵. Нельзя отрицать, что такая сигнализация действительно могла применяться, но, очевидно, не в таком количестве. К тому же ночные полеты в 1914 г. все еще представляли собой очень сложную с технической точки зрения задачу. Вероятно, основная масса «аэропланов» с прожекторами, замеченная в этот период, – не что иное, как астрономические объекты, чаще всего Венера, что подтверждается результатами проверок подобных сообщений в других регионах.

Итогом переосмысления политики, которая выливалась почти всегда в обстрел любого появившегося в небе объекта, стало новое указание начальника штаба генерал-лейтенанта Орановского о том, что открывать огонь по летательным аппаратам в пределах Двинского военного округа стоит «лишь при полной уверенности в том, что данный летательный аппарат принадлежит противнику»³⁶. Фактически это значило, что теперь огонь по летящему объекту лучше вообще не открывать.

В конце сентября снова опустился «аэроплан», на этот раз у д. Лялино Себежского уезда. При полете он неоднократно поднимался вверх, затем опускался

сниз³⁷ и спустя какое-то время скрылся за горой. По мнению заявителя, «аэроплан», по всей вероятности, спустился на землю в ложине³⁸. Сообщил об этом крестьянин Ефрем Журнов, однако его рассказу не поверили, так как в тот день никто более ничего необычного не видел. И все равно одному из приставов себежский уездный исправник поручил тщательнее осмотреть местность, где такая посадка все же могла быть произведена. Результаты проверки нам обнаружить не удалось.

В октябре 1914 г. сообщений стало гораздо меньше, они отличались по содержанию от тех, что поступили летом. В канцелярии витебского губернатора нашлось всего несколько подобных дел за весь месяц. Так, 20 октября из владимировского волостного правления поступил рапорт на имя господина земского начальника 4-го участка Городокского уезда о том, что в тот же день утром крестьяне одной из деревень Владимировской волости видели в небе «аэроплан», перемещавшийся с запада на восток. Его видели крестьяне д. Грибно Татьяна Максимова и Евфросинья Архипова, находившиеся в имении Жельцы³⁹.

Это было не первое донесение из Владимировской волости. Так, городокский уездный исправник сообщал, что указанный аппарат пересек всю волость с запада на восток, однако из-за большой высоты детальнее рассмотреть пролетающий «аэроплан» и выяснить его «национальную принадлежность» не представилось возможным⁴⁰.

Одно из наиболее характерных дел касалось случая, якобы произошедшего еще в ночь на 22 октября 1914 г.⁴¹ Оно практически повторяло аналогичные дела, массово заводившиеся в то же самое время в Прибалтике [11]. Речь в этих однотипных историях шла, с точки зрения очевидца, о виденной им посадке летательного аппарата и дальнейших контактах его пилотов с местным населением. Чаще всего фигурантами таких дел в Прибалтике были немцы, но, так как немецких колоний на территории Витебской губернии на тот момент не было (по крайней мере, в Режицком, Люцинском, Дриссенском, Себежском и Двинском уездах)⁴², для обвинений подошли и обычные «австрийские подданные». Рапорт об этом заявлении составил лепельский уездный

³² НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 49072. Л. 22.

³³ Там же. Л. 23.

³⁴ Там же. Л. 24–28.

³⁵ Там же. Л. 25 об.

³⁶ Там же. Л. 26.

³⁷ Упоминания о подобных колебаниях летевшего объекта достаточно типичны для сообщений очевидцев и из других губерний. Сами объекты, как правило, оказывались яркими планетами, совершавшими обычное суточное движение по небу и принятыми за бортовой прожектор летательного аппарата. Проходя вблизи горизонта сквозь зоны с различным давлением и температурой в подвижной атмосфере, лучи света от планеты преломляются, создавая эффект колеблющегося полета, также атмосферная рефракция могла вызывать изменение цвета «прожектора» или «сигнальных огней».

³⁸ НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 49072. Л. 35.

³⁹ Там же. Л. 42 об.

⁴⁰ Там же. Л. 36.

⁴¹ В другом документе – в ночь на 23 октября.

⁴² НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 49343. Л. 1–23.

исправник. Согласно показаниям проживающего в фольварке Должицы Пышнянской волости Фаддея Германа, в ночь на 22 октября в саду имения Заболотье спустился аэроплан с тремя неизвестными, которые сначала зашли к управляющему этим имением Гушо, а затем оттуда вместе с ним и проживающим в имении австрийским подданным Швимбергским перешли в жилой дом владельцев этого имения Сигизмунда и Витольда Спасовских. Герман якобы сквозь стенку слышал разговор деньгах (1 млн руб. был вручен, а второй обещан неприятельским офицером). Незнакомцы провели в имении около часа и затем вновь поднялись на аэроплане⁴³. Естественно, Фаддей Герман был опрошен, но слухи, видимо, не подтвердились. Исправнику, проводившему дознание, показалось, что Герман желает устранить некие препятствия (в лице тех, на кого был сделан донос) «для достижения корыстных целей». За это доносчика арестовали на три месяца⁴⁴.

Лепельский уездный исправник отмечал в письме, что «слухов, подобных настоящему, в нынешнее время у нас много»⁴⁵. По-другому и быть не могло, так как в соседней Лифляндской губернии массово заводились аналогичные дела. Как бы то ни было, само заявление Германа примечательно своим сходством с историями не только в Прибалтике, но и по всей Российской империи. Обращает на себя внимание и непоколебимая уверенность рассказчика в правдивости произошедшего: указано точное время события, а также детали разговора. Странно, что Герман даже не позаботился о том, чтобы придать достоверность истории, ознакомившись с графиком управляющего, которого, по словам последнего, вообще в этот день не было в имении.

Как подчеркивалось выше, слух этот был далеко не единственным. Чуть ранее, в конце сентября 1914 г., в Псковской губернии уже распространялись сведения о том, что в Люцинском уезде к некоему лесничему по фамилии Проктор в ночное время навешиваются «незнакомые лица»⁴⁶, которые «днем не бывают, а исключительно только по ночам»⁴⁷.

Псковскому губернатору об этом сообщил островский уездный исправник, а Н. Н. Медем переадресовал сообщение М. В. Арцимовичу⁴⁸. В середине ноября 1914 г. островский уездный исправник доносил о пролете 9 ноября через Качановскую волость аэроплана, опустившегося в имении Кудеп Люцинского уезда. По результатам проверки люцинским уездным исправником эти сведения не подтвердились, причем сообщалось, что «местные крестьяне распространяют слухи об остановке аэропланов в имении Кудеп, принадлежащем бывшим Австрийским подданным Петриченковым» в целях «подвергнутия их **аресту и конфискации их имения, предполагая, что после этого имение перейдет в их пользование**» (выделено нами. – И. Б.)⁴⁹.

В ноябре 1914 г. летательный аппарат, издававший сильный шум, был замечен над рядом населенных пунктов Витебской губернии, а над имением Лесковичи он даже покругил, освещая местность прожектором. Витебский исправник писал, что этот «летательный аппарат сигарообразной формы» был виден на высоте от земли около 1 версты. Исправник добавлял, что аппарат этот, пролетая над имением Лесковичи, сделал несколько кругообразных движений, освещая местность прожектором, а затем, потушив огонь, улетел на юг. Предположили, что это был дирижабль⁵⁰.

На 18 ноября 1914 г. пришлось сразу два наблюдения – в Лепельском и Городокском уездах. В первом случае «аэроплан» летел над д. Костянской Несинской волости⁵¹, а во втором – над имением Теолино Мишневичской волости⁵². При этом отмечалось наличие установленных на аппарате прожекторов или осветительных устройств.

В то же время Режицкий уездный исправник вновь сообщил витебскому губернатору о состоянии аэроплана «Илья Муромец», который, как считалось, своим взлетом мог ввести в заблуждение наблюдателей. Оказалось, что, хотя самолет и был исправен, полетов он не совершал, а был разобран и отправлен в Вильно⁵³.

⁴³ НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 48996. Л. 1.

⁴⁴ Там же. Л. 2.

⁴⁵ Там же. Л. 4–5.

⁴⁶ В 1915 г. евреев, проживающих в уездах Витебской губернии, граничащих с Островским уездом Псковской губернии, заподозрили в том, что они «скупают хлеб и травы в окрестностях ст. Пыталово» для спекуляции и возможной перепродажи в Германию. Ходили слухи о прилетах немецких аэропланов и даже цеппелинов, которые якобы забирали хлеб, бензин и даже скот и увозили их в Германию. Слухи эти доходили до ст. Пыталово и распространялись еще дальше. Однако проверка показала, что оснований для обвинения евреев нет (ГАРФ. Ф. 102. ДП-ОО. Оп. 245. Д. 33. Т. 2. Л. 84).

⁴⁷ ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 3132. Л. 118.

⁴⁸ Там же. Л. 119.

⁴⁹ Там же. Л. 138–138 об.

⁵⁰ НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 49072. Л. 39–39 об.

⁵¹ Там же. Л. 38.

⁵² Там же. Л. 40.

⁵³ Там же. Л. 41–41 об. (Очевидно, что в данном случае исправник не в полной мере владел информацией о состоянии аэроплана. К началу ноября, благодаря упорству и настойчивости командира Панкратьева, «Илья Муромец» № 136 был отремонтирован. Но починить согнутый вал одного из двигателей в полевых условиях не представлялось возможным. Двигатель направили для ремонта в Петроград, но при опробовании на полном газу восстановленный двигатель опрокинулся на испытательном станке, придя в полную негодность. В конце ноября 1914 г., так и не дождавшись нового двигателя, отряд аэроплана «Илья Муромец» по железной дороге отправился в Брест-Литовск [13, с. 53, 64]).

Известие о пролете «аэроплана» над фольварками Мотычино и Рожевщиной Филипповской волости Дриссенского уезда стало последним в канцелярии витебского губернатора за 1914 г. Сообщил о нем дриссенский уездный исправник⁵⁴.

Возможно, отсылки к неизвестному эпизоду витебской антиаэроплановой кампании декабря 1914 г. можно обнаружить в ГАПО. Островский уездный исправник донес псковскому губернатору, что 15 декабря в 7:20 вечера над д. Брицева-Гора Грибулевской волости пролетел светящийся предмет в виде аэроплана по направлению к границе Люцинского уезда, отстоящего от этого селения примерно на 5 км. Пролет был без шума, его подтвердили учительница Бринцовской школы Ольга Кузнецова и крестьяне этой деревни⁵⁵. Скорее всего, эти 5 км «аэроплан» все же преодолел и Люцинского уезда Витебской губернии достиг. Но никаких сведений об этом по другую сторону границы не появилось.

В декабре 1914 г. у губернии появился новый начальник – Н. П. Галахов. В этот «переходный период», если основываться на документах витебского «дела об «аэропланах»», донесений о подозрительных небесных объектах некоторое время не было. Лишь в самом конце января 1915 г. они появились снова, в районе Лепеля. Первая телеграмма пришла из самого Лепеля⁵⁶, а вторая – из штаба Двинского военного округа⁵⁷.

Следующий раз неизвестный «аэроплан» нарушил покой жителей Витебской губернии лишь 7 апреля 1915 г. Режицкий уездный исправник сообщил губернатору, что вероятный шпион был замечен у имения Адамово Режицкого уезда⁵⁸. Однако этот рапорт канцелярия возвратила исправнику, попросив сообщить, в каком направлении пролетел объект, а также выяснить, какие у него были приметы⁵⁹. По поручению режичского исправника дополнительные сведения собрал пристав 1-го стана. Выяснилось, что летел «аэроплан» вдоль железной дороги в сторону Двинска⁶⁰.

Все вновь успокоилось до лета, когда действительно массово появились российские аэропланы

и отличать их пролет от неприятельских стало почти невозможно. В ночь с 14 на 15 июня 1915 г. велижский исправник сообщил, что по направлению с запада на восток через местечко Ильино Велижского уезда пролетело четыре «аэроплана», «каких держав – неизвестно»⁶¹. Это сообщение вызвало интерес, и после очередного запроса⁶² исправнику пришлось направлять новый рапорт, где было сказано, что аэропланы видели люди, проживающие неподалеку от местечка Ильино⁶³.

Из Люцина 14 июля губернатору пришла телеграмма от исправника Флоренца, где говорилось, что того же числа в «восемь двадцать утра через Корсовку по направлению к Петрограду пролетело два аэроплана»⁶⁴. Лепельский уездный исправник 16 августа направил Н. П. Галахову рапорт, где рассказал о пролетевшем на значительной высоте «аэроплане» по направлению от местечка Орехово на Полоцк. Снова подчеркивалось, что «конструкция и национальность аэроплана не установлены»⁶⁵.

В августе безрезультатные запросы властей наконец принесли результаты. Некоторые из пролетевших целей удалось опознать. Режицкий уездный исправник сообщил, что 14 августа в 8 часов утра над Режицей пролетела воздушная эскадра в составе трех аэропланов типа «Илья Муромец»⁶⁶, а 16 августа «вследствие порчи одного мотора» около г. Режицы у Люцинского тракта благополучно опустился аэроплан такого типа⁶⁷. Впрочем, не все объекты поддались идентификации, и что именно 16⁶⁸ и 21 августа⁶⁹ летело через местечко Корсовку Люцинского уезда, нам неизвестно до сих пор.

В Городокском уезде 8 сентября 1915 г. около 5 часов утра был замечен еще один аэроплан, направляющийся к Витебску⁷⁰. Но гораздо интереснее было появление очередных слухов о спуске неопознанных технических устройств для полета. Так, 20 сентября Н. П. Галахов спешно отправил секретную депешу в штаб Двинского военного округа, где кратко изложил сведения священника Ксенофонтия Одинцова из Себежского уезда «об остановке вблизи ст. Липец не установленного аэроплана с двумя летчиками»⁷¹.

⁵⁴НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 49072. Л. 46.

⁵⁵ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 3132. Л. 139.

⁵⁶НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 49072. Л. 43 об., 45.

⁵⁷Там же. Л. 44.

⁵⁸Там же. Л. 57.

⁵⁹Там же. Л. 58.

⁶⁰Там же. Л. 58 об., 60.

⁶¹Там же. Л. 62.

⁶²Там же. Л. 63, 64.

⁶³Там же. Л. 61.

⁶⁴Там же. Л. 51.

⁶⁵Там же. Л. 50.

⁶⁶Там же. Л. 49.

⁶⁷Там же. Л. 52.

⁶⁸Там же. Л. 53.

⁶⁹Там же. Л. 54.

⁷⁰Там же. Л. 48.

⁷¹Там же. Л. 47.

Увы, подробности этой посадки так и не были раскрыты. Лишь 11 сентября в документах появляется информация о том, что неприятель сбросил на станцию Юзефово и Креславка Двинского уезда Витебской губернии первую бомбу (которая, правда, особого вреда не причинила)⁷².

Чуть позже, 17 сентября, два неопознанных «аэроплана» летели мимо г. Лепеля. Затем к ним присоединился третий «аэроплан». Лепельский исправник известил об этом витебского губернатора⁷³.

Наряду с подозрительностью относительно любого непонятного явления в небе общий дух шпиономании пропитал всю территорию губернии. Например, в июне 1915 г. власти безуспешно пытались обнаружить радиотелеграфную станцию и лиц, виновных в ее устройстве. Поводом стал «шум на проводах, препятствующих разговору по телефону»⁷⁴, возникавший ежедневно в промежутке между 11 и 12 часами дня. Выяснилось, однако, что тайного радиотелеграфа в г. Двинске не было, а шум, который слышался на городской телефонной станции, «происходил от неисправности мотора, пользовавшегося энергией электрической станции, устроенного для мешания теста в бараночном заведении Преля по Одесской улице»⁷⁵.

Последним документом в витебском «деле об «аэропланах»» было донесение о том, что 21 октября неподалеку от имения Куровичи Ветринской волости Лепельского уезда вследствие порчи аппарата спустился русский аэроплан, «который 22-го октя-

бря был исправлен, и летчики Николай Василевский и Михаил Игнатьев улетели»⁷⁶.

Однако не все появления русских аэропланов заканчивались хорошо. Потерпевший аварию около Режицы «Илья Муромец» № 136 при спуске был обстрелян ратниками из охраны Виндаво-Рыбинской железной дороги. К счастью, выстрелы из берданок не достигли цели [13, с. 52]. При пролете четырехмоторных аэропланов «Илья Муромец» с аэродрома Северо-Западного фронта (из Лиды в Псков), издававших сильный шум моторов, в Островском уезде Псковской губернии крестьяне, никогда не видевшие аэропланов, в панике прятались в лесах [14, с. 109]. Другие крестьяне, лишь слышав в воздухе шум, даже теряли сознание⁷⁷. Повсеместно аэропланы называли «железными птицами», «бесовскими творениями». Солдаты, в первую очередь новобранцы, зачастую открывали по ним огонь, не выяснив предварительно, вражеская это машина или собственная. Атаке подвергались и захваченные в плен авиаторы, даже русские, воспринимавшиеся в их кожаных черных костюмах и очках чуть ли не как представители потустороннего мира [15, с. 122–123]. О таких пролетах затем передавались из уст в уста небывалые подробности, граничившие с описанием чудес. Они же породили часть фантастических образов и слухов, которые попали в рапорты уездных исправников и нашли отражение затем в проанализированных нами архивных документах.

Заключение

Таким образом, с первых дней войны массовое появление «аэропланов» прошло в Витебской губернии несколько этапов. Если в июле 1914 г. они представлялись лишь как «бесформенная летающая масса», то уже к августу летательные аппараты кружили над некоторыми местечками, а кое-где даже опускались. Осенью же волна слухов о спуске машин на землю и контактах их пилотов с местным населением охватила многие губернии, и Витебская не была исключением. Типичным примером такого народного мифотворчества оказалась история с доносом Фаддея Германа о том, что в имении спустился «аэроплан», из него вышли германцы и вели переговоры с управляющим о получении им 2 млн руб. И таких слухов было множество, правда, как следует из документов, детально расследовался лишь самый «злостный» из них. Во второй половине 1915 г. объекты в небе и вовсе «слились» с российскими аэропланами, лишь с сентября здесь точно появилась и немецкая авиация. Как-то отличить против-

ников на большой высоте было почти невозможно, если не учитывать случаи, когда с аэропланов падали бомбы.

Все это неожиданно привело к серьезной проблеме: под влиянием паники участились случаи обстрела своих же аэропланов суеверными солдатами, что могло напрямую оказать влияние на ход военных действий. С учетом того, что именно через территорию Витебской губернии авиация следовала на фронт из Санкт-Петербурга, это могло существенно усложнить снабжение передовой современным оружием и последними разведданными. Немаловажно и влияние рассматриваемой проблематики на тыл, вылившееся прежде всего в распространение среди населения слухов, направленных против богатых землевладельцев, и рост социальной напряженности, а также постоянное отвлечение порой весьма значительных человеческих ресурсов, жандармерии и полиции, даже в регионах глубокого тыла на розыск мифических шпионов-авиаторов. Как подчер-

⁷²НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 49072. Л. 66.

⁷³Там же. Л. 55.

⁷⁴Там же. Д. 49343. Л. 1.

⁷⁵Там же. Л. 5.

⁷⁶Там же. Д. 49072. Л. 67.

⁷⁷ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 3132. Л. 99.

кивалось автором данной статьи в других публикациях, все эти явления были характерны не только для прифронтовых регионов, но и не в меньшей степени для тыловых.

Происходящее в Витебской губернии, по сути, было закономерной частью глобальной паники, охватившей весь мир [1, с. 92–110]. Но, хотя Российская империя являлась одним из основных участников войны, ни зарубежным, ни отечественным исследователям по сей день был практически неизвестен этот аспект истории и его масштабы, несмотря на то что в архивах сохранилось немалое количество документов соответствующей тематики.

К сожалению, в делах, за редким исключением, почти нет каких-либо подробностей расследования даже самых резонансных историй. Документы фрагментарны и представляют собой, как правило, просто телеграмму или короткий рапорт о происшествии. С учетом прифронтового положения региона это может ввести некоторых исследователей в заблуждение относительно степени достоверности сообщений и уровня реальной активности здесь вражеской авиации. Однако изучение аналогичных дел в других губерниях показывает, что если не все, то наиболее резонансные из них, особенно те, где фигурировали низколетящие машины, тщательно расследовались

на местах силами исправников. К сожалению, выявить подобные отчеты по Витебской губернии пока не удалось. Но даже и без этого можно видеть, что местная антиаэроплановая кампания имела прибалтийский и псковский «налет», закономерно дополняя действия местных властей и наиболее образованной и сознательной части населения по противодействию слухам и панике среди обывателей.

В целом же можно сделать вывод о том, что в большинстве сообщений из Витебской губернии и граничащих с ней территорий, по крайней мере с лета 1914 до сентября 1915 г., описываются случаи наблюдения не реальной боевой или разведывательной авиации противника, а лишь полетов российских аэропланов и различных природных или астрономических объектов. Это во многом происходило из-за влияния фобических образов новой техники в глазах местного населения, усиленных военной истерией и милитаристским психозом. С учетом результатов детальных расследований, проводившихся властями в других регионах, и того, что содержание самих сообщений для всех губерний, краев и генерал-губернаторств вполне однотипно, можно утверждать, что уровень информационного шума в поступившей из Витебской губернии информации был столь же высок.

Библиографические ссылки

1. Герштейн МБ, Бутов ИС. Отражение волны наблюдений таинственных «аэропланов» и «дирижаблей» 1914–1916 годов на страницах российских и некоторых зарубежных периодических изданий. В: *Ното Eurasicus в системе экологических и социальных связей. Коллективная монография по материалам международной научно-практической конференции; 24 октября 2019 г.; Санкт-Петербург, Россия*. Санкт-Петербург: Свое издательство; 2020. с. 92–110.
2. Бутов ИС. «По имеющимся сведениям в некоторых местностях империи появились воздушные аппараты». *Живая старина*. 2020;3:32–36.
3. Аксенов ВВ. Техника и ее фобические образы в повседневном сознании российских обывателей в 1914–1916 годах. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2019;1:38–52. DOI: 10.21638/11701/spbu19.2019.103.
4. Бутов ИС. Немцы-переселенцы Саратовской губернии в антиаэроплановой кампании 1914–1916 годов: неизвестные страницы Первой мировой войны. *Modern Science*. 2019;10(1):72–79.
5. Бутов ИС. Дело о неопознанных «аэропланах» в Приамурском генерал-губернаторстве в 1914–1915 годах. *Современная научная мысль*. 2019;5:95–104.
6. Андреева НС. «Во имя своего прошлого, во имя всегдашней верности...» (Балтийские рыцарства и российское правительство. Из истории взаимоотношений. 1914–1917 гг.). В: Михайлова ЕР, редактор. *Русское прошлое. Историко-документальный альманах. Книга 8*. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета; 1998. с. 203–214.
7. Васильев МВ. «Визуальное наблюдение с церковной колокольни» (германская авиация в небе Псковщины в 1914 г.). *Псков*. 2016;45:187–198.
8. Васильев МВ. «Странно одетые люди... что-то смотрели на большой бумаге». *Родина*. 2013;8:146–147.
9. Михайлов АА. *Псков в годы Первой мировой войны, 1914–1915*. Псков: Дом печати; 2012. 342 с.
10. Бутов ИС. Погоня за слухами об «аэропланах» в Минской губернии в 1914 году (по материалам Национального исторического архива Беларуси). *Архіварыус*. 2019;17:118–131.
11. Хутарев-Гарнишевский ВВ. *Призраки измены. Русские спецслужбы на Балтике в воспоминаниях подполковника В. В. Владимирова, 1910–1917*. Москва: Родина; 2019. 304 с.
12. Кривицкий МА. Рапорты минского и двинского полицмейстеров о последствиях налетов немецкой авиации в годы Первой мировой войны. *Архіварыус*. 2013;11:32–43.
13. Хайрулин МА. *Легендарный «Илья Муромец». Первый тяжелый бомбардировщик*. Москва: Эксмо Яуза; 2018. 205 с.
14. Финне КН. *Русские воздушные богатыри И. И. Сикорского*. Москва: АСТ; 2005. 222 с. Совместно с издательством «Харвест».
15. Астахов АБ. *Фронтовая повседневность российских солдат, август 1914 – февраль 1917 г.* [диссертация]. Москва: Российский государственный гуманитарный университет; 2018. 363 с.

References

1. Gershtejn MB, Butov IS. Reflection of the wave of observations of mysterious «aeroplanes» and «airships» of 1914–1916 on the pages of Russian and some foreign periodicals. In: *Homo Eurasicus v sisteme ekologicheskikh i sotsial'nykh svyazei. Kollektivnaya monografiya po materialam mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 24 oktyabrya 2019; Sankt-Peterburg, Rossiya* [Homo Eurasicus in the system of ecological and social relations. Collective monograph based on the materials of the international scientific and practical conference; 2019 October 24; Saint Petersburg, Russia]. Saint Petersburg: Svoe izdatel'stvo; 2020. p. 92–110. Russian.
2. Butov IS. [«According to reports, air vehicles have appeared in some areas of the Empire»]. *Zhivaya starina*. 2020;3:32–36. Russian.
3. Aksenov VB. Technique and its phobic images in the everyday consciousness of Russian people in 1914–1916. *Studia Slavica et Balcanica Metropolitana*. 2019;1:38–52. Russian. DOI: 10.21638/11701/spbu19.2019.103.
4. Butov IS. [Germans-settlers of the Saratov province in the anti-aeroplane campaign of 1914–1916: unknown pages of the First world war]. *Modern Science*. 2019;10(1):72–79. Russian.
5. Butov IS. The case of unrecognized «aeroplanes» in the Amur General- government in 1914–1915. *Modern Scientific Thought*. 2019;5:95–104. Russian.
6. Andreeva NS. [«In the name of its past, in the name of ever-present loyalty...» (the Baltic knights and the Russian government. From the history of relationships. 1914–1917)]. In: Mikhailova ER, editor. *Russkoe proshloe. Istoriko-dokumental'nyi al'manakh. Kniga 8* [Russian past. Historical and documentary almanac. Volume 8]. Saint Petersburg: Publishing House of the Saint Petersburg University; 1998. p. 203–214. Russian.
7. Vasil'ev MV. [«Visual observation from the Church bell tower» (German aviation in the sky of Pskov region in 1914)]. *Pskov*. 2016;45:187–198. Russian.
8. Vasil'ev MV. [«Oddly dressed people... something looked at on a large paper»]. *Rodina*. 2013;8:146–147. Russian.
9. Mihajlov AA. *Pskov v gody Pervoi mirovoi voyny, 1914–1915* [Pskov during the First world war, 1914–1915]. Pskov: Dom pechati; 2012. 342 p. Russian.
10. Butov IS. In search of rumours about aeroplanes in the Minsk Governorate in 1914 (on the basis of the records from the National Historical Archives of Belarus). *Archivarius*. 2019;17:118–131. Russian.
11. Hutarev-Garnishevskij VV. *Prizraki izmeny. Russkie spetssluzhby na Baltike v vospominaniyakh podpolkovnika V. V. Vladimirova, 1910–1917* [The ghosts of infidelity. Russian special services in the Baltic in the memoirs of Lieutenant Colonel V.V. Vladimirov, 1910–1917]. Moscow: Rodina; 2019. 304 p. Russian.
12. Kryvitski MA. Official reports of the Minsk and Dwinsk chiefs of police about consequences of raids of the German aircraft in the years of World War I. *Archivarius*. 2013;1:32–43. Russian.
13. Hajrulin MA. *Legendarnyi «Il'ya Muromets». Pervyi tyazhelyi bombardirovshchik* [The Legendary «Ilya Muromets». The first heavy bomber]. Moscow: Jeksmo Jauza; 2018. 205 p. Russian.
14. Finne KN. *Russkie vozdushnye bogatyri I. I. Sikorskogo* [Russian air heroes of I. I. Sikorsky]. Moscow: AST; 2005. 222 p. Co-published by the «Kharvest». Russian.
15. Astashov AB. *Frontovaya povsednevnost' rossiiskikh soldat, avgust 1914 – fevral' 1917 g.* [Frontline everyday life of Russian soldiers, August 1914 – February 1917] [dissertation]. Moscow: Russian State University for the Humanities; 2018. 363 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 21.02.2020.

Received by editorial board 21.02.2020.

«НОМЕНКЛАТУРНЫЙ ЭМБРИОН»: ЗАРОЖДЕНИЕ СОВЕТСКОЙ НОМЕНКЛАТУРНОЙ СИСТЕМЫ В ССРБ – БССР (1920–1924)

С. А. ЕЛИЗАРОВ¹⁾

¹⁾Гомельский государственный технический университет им. П. О. Сухого,
пр. Октября, 48, 246746, г. Гомель, Беларусь

Рассматривается процесс зарождения в 1920–1924 гг. номенклатурной системы в Советской Белоруссии как имманентного феномена советской модели модернизации общества с присущей ей монополизацией властных полномочий единолично правящей коммунистической партии. Более детально эти вопросы изучены применительно к органам государственной власти и управления, где в наиболее явном виде реализовался номенклатурный принцип подмены выборов назначенчеством. Партийная номенклатура, с одной стороны, являлась логичным порождением этой модели, с другой – позволила ей не только сохраняться длительное время, но и с разной степенью эффективности решать стратегические и тактические задачи развития. Сделан вывод, что к концу 1924 г. были созданы все основные предпосылки для организационного оформления классической советской номенклатурной системы. Во-первых, в этот период закрепляется принцип монополии большевистской партии в определении кадрового состава органов государственной власти и управления, включая выборные должности. Во-вторых, происходит формирование системы органов учета и распределения партийных кадров и фактическое распространение механизма кадрового регулирования на все структуры власти. В-третьих, определяется перечень должностей, дающих с точки зрения высшего партийно-советского руководства возможность управления всеми сферами жизни общества и контроля над ними в движении к социалистическому идеалу.

Ключевые слова: Советская Белоруссия; номенклатура; коммунистическая партия; партийные комитеты; органы власти и управления; кадровая политика; партийный учет; распределительная работа.

«НАМЕНКЛАТУРНЫ ЭМБРЫЁН»: ЗАРАДЖЭННЕ САВЕЦКАЙ НАМЕНКЛАТУРНАЙ СІСТЭМЫ Ў ССРБ – БССР (1920–1924)

С. А. ЕЛИЗАРАЎ^{1*}

^{1*}Гомельскі дзяржаўны тэхнічны ўніверсітэт імя П. В. Сухого, пр. Кастрычніка, 48, 246746, г. Гомель, Беларусь

Разглядаецца працэс зараджэння ў 1920–1924 гг. наменклатурнай сістэмы ў Савецкай Беларусі як іманентнага феномена савецкай мадэлі мадэрнізацыі грамадства з уласцівай ёй манапалізацыяй уладных паўнамоцтваў камуністычнай партыі, якая правіць аднаасобна. Больш дэталёва гэтыя пытанні вывучаны ў дачыненні да органаў дзяржаўнай улады і кіравання, дзе ў найбольш відавочным выглядзе рэалізаваўся наменклатурны прынцып падмены выбараў прызначэнствам. Партыйная наменклатура, з аднаго боку, з’яўлялася лагічным параджэннем гэтай мадэлі, з другога – дазволіла ёй не толькі захоўвацца працяглы час, але і з рознай ступенню эфектыўнасці вырашаць

Образец цитирования:

Елизаров С.А. «Номенклатурный эмбрион»: зарождение советской номенклатурной системы в ССРБ – БССР (1920–1924). Журнал Белорусского государственного университета. История. 2020;3:34–43.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2020-3-34-43>.

For citation:

Elizarov SA. «Nomenclature embryo»: the birth of the Soviet nomenclature system in SSRB – BSSR (1920–1924). *Journal of the Belarusian State University. History*. 2020;3:34–43. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2020-3-34-43>.

Автор:

Сергей Александрович Елизаров – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры социально-гуманитарных и правовых дисциплин гуманитарно-экономического факультета.

Author:

Sergey A. Elizarov, doctor of science (history), full professor; professor at the department of social-humanitarian and legal disciplines, economics and humanities faculty.

стратэгічныя і тактычныя задачы развіцця. Зроблен вывад, што да канца 1924 г. былі створаны ўсе асноўныя перадавыя ўмовы для арганізацыйнага афармлення класічнай савецкай наменклатурнай сістэмы. Па-першае, у гэты перыяд замацоўваецца прынцып манополіі бальшавіцкай партыі ў вызначэнні кадравага складу органаў дзяржаўнай улады і кіравання, уключаючы выбарныя пасады. Па-другое, адбываецца фарміраванне сістэмы органаў уліку і размеркавання ўсіх партыйных кадраў і фактычнае распаўсюджванне механізма кадравага рэгулявання на ўсе структуры ўлады. Па-трэцяе, вызначаецца пералік пасадаў, якія з пункта гледжання вышэйшага партыйна-савецкага кіраўніцтва даюць магчымасць кіравання ўсімі сферамі жыцця грамадства і кантролю за імі ў руху да сацыялістычнага ідэалу.

Ключавыя словы: Савецкая Беларусь; наменклатура; камуністычная партыя; партыйныя камітэты; органы ўлады і кіравання; кадравая палітыка; партыйны ўлік; размеркавальная праца.

«NOMENCLATURE EMBRYO»: THE BIRTH OF THE SOVIET NOMENCLATURE SYSTEM IN SSRB – BSSR (1920–1924)

S. A. ELIZAROV^a

^a*Sukhoi State Technical University of Gomel, 48 Kastychnika Avenue, Homiel 246746, Belarus*

The article considers the process of origin in 1920–1924 of the nomenclature system in the Soviet Belarus as an immanent phenomenon of the Soviet model of modernization of society with its inherent monopolization of power of the monopolistically ruling Communist party. These issues are considered in more detail in relation to public authorities and management, where the nomenclature principle of substitution of elections by appointment is most clearly implemented. The party nomenclature, on the one hand, was a logical product of this model; on the other hand, it allowed it not only to persist for a long time, but also to solve both strategic and tactical development tasks with varying degrees of efficiency. The author comes to the conclusion that by the end of 1924, all the basic prerequisites for the organizational design of the classical Soviet nomenclature system were created. Firstly, during this period, the principle of monopoly of the Bolshevik party in determining the personnel composition of state authorities and management, including the occupation of elected positions, was consolidated. Secondly, a system of accounting and distribution bodies for all party cadres is being formed and this mechanism is actually being extended to all power structures. Third, a list of positions is being formed that, from the point of view of the highest party and Soviet leadership, enable it to manage and control all spheres of society's life in its movement towards the socialist ideal.

Keywords: Soviet Belarus; nomenclature; Communist party; party committees; government and management bodies; personnel policy; party accounting; distribution work.

Введение

В любой политической системе, при любой форме государственного устройства реализация инициатив, программ, планов, стратегических и тактических решений высших органов власти зависит от кадрового состава исполнителей. Он определяется соответствующим механизмом кадрового регулирования, который практически сводится к двум главным вариантам – выборность и назначение вне выборных процедур. Для советской практики (при формализации механизма выборов) был характерен второй вариант, получивший воплощение в таком феномене, как *партийная номенклатура* (более точно – номенклатура партийных комитетов), первоначально означавшая перечень должностей (в том числе и выборных), назначение на которые, а также и смещение с них проводится по решению различного уровня органов монополю правящей коммунистической партии.

Изучение проблемы роли, места, организации и механизма функционирования партийной номен-

клатуры в истории советского общества представляет не только академический, но и практический интерес: насколько советские номенклатурные традиции оказались живучи, в какой степени присутствуют в менталитете современных руководителей разного уровня, как сильно проявляются в кадровых практиках постсоветских государств, в какой мере полезны или вредны для разработки и реализации национально-государственных вариантов модернизационных процессов (учитывая, что все аналогичные процессы в СССР планировались и осуществлялись именно номенклатурой) и т. п.

Интерес исследователей к изучению номенклатуры партийных органов как феномена советской политической системы начинается с работ М. Джиласа [1] и М. С. Восленского [2], рассматривавших ее как «новый класс» – советский правящий класс. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. в научном дискурсе превалировал политологический подход, обуслов-

ленный отсутствием серьезных профессиональных исторических исследований, основанных на оригинальных архивных материалах. Научный исторический анализ советской партийной номенклатуры запаздывал по объективным причинам: требовалось время для выявления и осмысления комплекса архивных документов. Уже к середине 1990-х гг. были опубликованы первые крупные работы, посвященные историческим аспектам формирования и развития номенклатурной системы, ее роли в кадровой политике в СССР [3–7].

С конца 1990-х гг. это направление исторических исследований (в том числе в последние годы активно разрабатывается региональный аспект проблемы) становится довольно популярным среди российских историков [8–18]. В англоязычной историографии номенклатурная система традиционно анализируется в общем контексте генезиса советской политической системы [19–21].

В белорусской историографии специальные исследования этой проблемы отсутствуют, а ученые лишь рассматривают номенклатурный феномен как историческую данность при изучении различных аспектов советского прошлого, прежде всего

для обоснования тезиса об антидемократичном, репрессивном характере советской политической системы [22; 23].

При этом в современной историографии главным образом уделяется внимание вопросам функционирования уже сложившегося номенклатурного механизма и лишь фрагментарно представлен материал, касающийся процессов зарождения его основных элементов в первые послереволюционные годы. В связи с вышесказанным автор предпринял попытку проанализировать процессы зарождения партийной номенклатуры в условиях Советской Белоруссии в 1920–1924 гг., выявить теоретические и организационные предпосылки ее появления. Номенклатура в статье рассматривается прежде всего как институализация монополии коммунистической партии на власть, как механизм регулирования состава руководящих кадров и обеспечения партийным органам ведущей роли в системе принятия и реализации управленческих решений. Более детально проблема исследуется применительно к органам государственной власти и управления, где в наиболее явном виде реализовался номенклатурный принцип подмены выборов назначенчеством.

Методология исследования

В данной работе автор руководствовался прежде всего принципом холизма, рассматривая советскую номенклатуру (номенклатуру партийных комитетов по кадрам органов государственной власти и управления) как имманентный феномен советской модели модернизации общества с присущей ей монополизацией властных полномочий единолично

правлящей коммунистической партии. Автор исходит из того, что партийная номенклатура, с одной стороны, являлась логичным порождением этой модели, с другой – позволила ей не только сохраняться длительное время, но и с разной степенью эффективности решать как стратегические, так и тактические задачи общественного развития.

Результаты и их обсуждение

С первых дней советской власти большевики, формируя новый госаппарат, целенаправленно стремились обеспечить себе руководящие посты во вновь создававшейся советской системе государственных органов власти и управления, а также взять под свой контроль вопросы кадровой политики. Это было закономерным следствием одного из основополагающих принципов большевистского партийного строительства – неразрывного единства политической и организационной работы, – который последовательно отстаивал лидер партии В. И. Ленин. С установлением советской системы органов власти и управления возникла проблема регулирования отношений между структурами правящей большевистской партии и госаппаратом. Партийные комитеты начинают все более подменять органы государственной власти, происходит интенсивный процесс сращивания функций партийного и государственного аппаратов, что приводило к конфликтам и в центре, и на местах. На VIII съезде РКП(б) (18–23 марта

1919 г.) утвердили ставший классическим в советской теории государственного строительства принцип: «Смешивать функции партийных коллективов с функциями государственных органов, каковыми являются Советы, ни в коем случае не следует. <...> Свои решения партия должна проводить через советские органы, в рамках Советской Конституции. Партия старается руководить деятельностью Советов, но не заменять их»¹. Однако на практике трактовки этого положения различались. Часть членов большевистской партии и партийных руководителей «второго плана» утверждали, что партийное руководство госорганами должно ограничиваться постановкой политических задач, подготовкой директив, идейным обеспечением и организацией контроля за выполнением партийных решений, но без вмешательства в сам процесс деятельности госаппарата, в том числе в подбор кадров. В свою очередь руководящее коммунистическое большинство во главе с В. И. Лениным последовательно проводило линию

¹Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. 1917–1924. М. : Политиздат, 1970. С. 108.

на прямое регулирование кадрового состава органов государственной власти и управления партийными структурами как ключевого средства реализации партийных решений. Так, на VIII съезде РКП(б) было прямо заявлено, что задача большевистской партии – завоевать «безраздельное политическое господство в Советах» и установить «фактический контроль над всей их работой», выдвигая «на все советские посты своих наиболее стойких и преданных членов»². На IX съезде РКП(б) (29 марта – 5 апреля 1920 г.) В. И. Ленин в очередной раз выступил с резкой критикой попыток отделить политическую работу от организационной: «...никакой политики нельзя провести, не выражая ее в назначении и перемещении. <...> Точно разделить политбюро и оргбюро, разграничить их деятельность трудно. Всякий вопрос может стать политическим, даже назначение коменданта. <...> Предположим, что оргбюро вы отделите от политического руководства. Я спрашиваю, в чем же будет состоять тогда политическое руководство? Кто же руководит, как не люди, и как же руководить, как не распределять?»³

Формирование номенклатурной системы начинается с организации системы учета и распределения большевистских кадров. В ЦК РКП(б) по решению VIII съезда РКП(б) в апреле 1919 г. был создан Учетно-распределительный отдел (Учраспред) в составе Секретариата ЦК. В его функции входил учет партийных работников и последующее их распределение на ответственные посты в партийных, профсоюзных, государственных, хозяйственных организациях и учреждениях [16].

После восстановления в августе 1920 г. самостоятельной КП(б)Б в структуре ее ЦБ (Центральное бюро) был создан собственный Учраспред. В это время в республике повсеместно ощущался острый дефицит кадров как «ответственных руководителей» (председателей и заведующих отделами ревкомов и исполкомов, других советских учреждений), для которых обязательным становится членство в большевистской партии, так и рядовых советских служащих (технических и канцелярских работников). ЦБ КП(б)Б признавалось, что в первые месяцы после освобождения белорусских земель от польской оккупации «ЦБ питалось теми работниками, которые направлялись главным образом ЦК РКП и военно-политическими организациями»⁴. Еще в большей степени, чем в Минске, дефицит кадров ощущался в уездах.

К октябрю 1920 г. ЦК РКП(б) направил в распоряжение ЦБ КП(б)Б 150 человек, еще 127 человек при-

были по другим каналам. Из них 117 были распределены в уезды, а остальные – в Минск⁵. При этом обеспеченность такими работниками белорусских партийных и советских органов (в сравнении с Литвой и занятыми Красной армией польскими территориями) выглядела вполне удовлетворительной по одной причине: благодаря возможности использовать в белорусских структурах власти и управления русскоговорящие кадры. Заведующий Учраспредом ЦК РКП(б) А. О. Альский в сентябре 1920 г. в письме к секретарю ЦБ КП(б)Б В. Г. Кнорину прямо указывал: «Ваше положение было наиболее выигрышным, так как в Белоруссии могли быть использованы товарищи из наших внутренних губерний, говорящих исключительно на русском языке. <...> В связи с направлением к вам пачками коммунистов литовцев, белорусов и поляков у нас создается впечатление, что у вас работников достаточно, во всяком случае больше, чем в любой области РСФСР»⁶.

Подобного рода решение кадровой проблемы вызвало критику со стороны ряда белорусских руководителей. В январе 1921 г. к В. И. Ленину с докладной запиской «по полномочию группы ответственных белорусских коммунистов» обратился А. Л. Бурбис (заместитель наркома земледелия ССРБ). Вся политика партийных и советских центральных и республиканских органов на белорусской территории характеризовалась им как «политика, враждебная всему белорусскому», осуществлявшаяся «пришлым элементом», оказавшимся у власти в Беларуси в результате октябрьских событий 1917 г. Подобная практика продолжалась и в дальнейшем, следствием чего, по мнению А. Л. Бурбиса, стало то, что «не оказалось на месте необходимых кандидатур на ответственные посты и естественно у власти очутились те же почти наезжие коммунисты, как их называет белорусский народ, что и раньше». Как выход, предлагалось «мобилизовать для работы в Белоруссии белорусских политических работников – коммунистов, знакомых с краем и искусственно рассеянных по всей России»⁷. Аналогично (практически слово в слово) кадровая политика в отношении Беларуси оценивалась в знаменитом «заявлении 32-х» от 1 февраля 1921 г., направленном в ЦБ КП(б)Б (копия – в ЦК РКП(б)) «от группы белорусских коммунистов»⁸.

После V съезда КП(б)Б (15–20 октября 1921 г.) Учраспред был преобразован в Учетно-статистический (в некоторых документах – Учетно-распределительный) подраздел (Учстат) Организационно-

²Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. 1917–1924. М.: Политиздат, 1970. С. 108.

³Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55 т. Т. 40. Декабрь 1919 – апрель 1920. М.: Изд-во полит. лит., 1974. С. 237, 262–263.

⁴Нац. арх. Респ. Беларусь (НАРБ). Ф. 4п. Оп. 1. Д. 33. Л. 157.

⁵Там же. Л. 145 об.

⁶Там же. Л. 157.

⁷Там же. Д. 433. Л. 15–16.

⁸Там же. Д. 471. Л. 4–5.

инструкторского отдела ЦБ КП(б)Б. Его возглавил М. Мирский. На местах данной работой занимались учетно-статистические (учетно-распределительные) подотделы оргинструкторских отделов укомов и райкомов партии.

В это время распределительная работа проводилась главным образом лишь по конкретным запросам отдельных парторганизаций и учреждений. При распределении коммуниста прежде всего требовалось учитывать характер его прошлой работы, возраст, образование, уровень «политического развития» и административно-организаторские способности⁹. За сентябрь – ноябрь 1921 г. в распоряжение ЦБ КП(б)Б прибыло 280 человек, в том числе из Москвы – 88, из российских губерний – 84, из других республик (главным образом Украины) – 27, из Польши – 5, из уездов ССРБ – 53, из Красной армии – 23. Основная часть (83 человека) была распределена в белорусские наркоматы, в уезды направлено 26 человек¹⁰.

К декабрю 1921 г. на учете в ЦБ КП(б)Б находилось 270 ответственных работников. Для удобства Учстат ЦБ КП(б)Б разработал собственные категории учета: партийная (54 человека), советская (151 человек), профессиональная (37 человек), военная (25 человек) и кооперативная (3 человека). В свою очередь партийная делилась на организационную, агитационно-пропагандистскую и журнальную; советская – на хозяйственно-экономическую и административную; профессиональная – на организационную и культурно-просветительскую; военная – на командную, политическую и хозяйственно-административную; кооперативная – на организационную и финансовую.

В октябре 1921 г. В. И. Ленин направил в ЦК предложение «об изучении состава ответственных работников – коммунистов с точки зрения их пригодности к работе разного масштаба и разного рода»¹¹. Это предложение вошло в принятое по докладу В. М. Молотова постановление Пленума ЦК РКП(б) от 8 октября 1921 г. об учете ответственных работников и порядке их распределения. Реализация постановления поручалась В. М. Молотову и Л. М. Кагановичу [14, с. 6].

В 1922 г. Учраспред ЦК РКП(б) разработал инструкцию по учету ответственных работников, в соответствии с которой и в ССРБ возобновили учет данной категории коммунистов¹². Формально дело касалось лишь членов коммунистической партии, но фактически эта работа распространялась на всех лиц, занимавших в течение шести месяцев одну из руководящих должностей. Учет ответственных

работников проводился местными партийными комитетами (от укомов до ЦК) в соответствии с тремя утвержденными масштабами (учетными сетками): губернским, уездным и волостным. Инструкцией определялся конкретный перечень должностей каждого из масштабов, самостоятельно изменить который местные парторганы не имели права. Так, по категории «советская административная работа» к ответственным работникам губернского масштаба относились председатели, члены президиумов и заведующие отделами губисполкомов, уездного масштаба – занимавшие аналогичные должности работники уисполкомов, а волостного – председатели, секретари и члены волысполкомов, финансовые и продовольственные инспекторы волысполкомов.

Все назначения и перемещения ответственных работников губернского и уездного масштабов проводились только по постановлению коммунистического губкома. Губкомы имели право снимать с должностей работников различных ведомств, но при этом требовалось согласие самого ведомства либо прямая санкция ЦК РКП(б). Распределением рядовых работников в пределах уезда могли самостоятельно заниматься укомы, а также вышестоящие партийные органы вплоть до ЦК¹³.

По состоянию на сентябрь 1922 г. на учете в ЦБ КП(б)Б находилось 35 работников губернского масштаба, в том числе секретарь ЦБ КП(б)Б В. А. Богущкий, председатель ЦИК и СНК ССРБ А. Г. Червяков, все наркомы ССРБ, председатель белорусского ГПУ Я. К. Ольский, председатель Революционного трибунала Белоруссии (начальник Главмилиции) Е. М. Кроль, заведующий орготделом ЦБ КП(б)Б Я. А. Левин и др. Еще 35 человек стояли на учете как резерв работников губернского масштаба.

Список работников уездного масштаба включал 15 человек: секретарей, заведующих организационными и агитационно-пропагандистскими отделами укомов и райкомов партии, председателей уисполкомов. Группа резерва работников уездного масштаба насчитывала 18 человек, к ней относились заведующий Учстатом ЦБ КП(б)Б М. Л. Ростовский, заведующие уездными отделами народного образования и др.¹⁴

С лета 1918 г. появляется и вторая линия формирования состава будущей партийной номенклатуры: выделяется особая категория работников по оплате труда – «ответственные политические работники», в число которых включались «профессиональные, партийные, кооперативные, советские и хозяйственные работники, принимающие ответственное участие в деле профессионального,

⁹НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 727. Л. 160.

¹⁰Там же. Д. 191. Л. 36, 40.

¹¹Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55 т. Т. 44. Июнь 1921 – март 1922. М. : Изд-во полит. лит., 1970. С. 134.

¹²Сборник инструкций по учету и распределению партработников. М. : Главполитпросвет, 1923. С. 4–12.

¹³Там же. С. 23–28.

¹⁴НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 445. Л. 7–8, 22–23.

партийного, кооперативного, советского и хозяйственного строительства, несущие ответственность не только за техническое исполнение возложенных на них обязанностей, но являющихся ответственными за идейное и политическое направление и проведение возложенных на них функций»¹⁵. В 1921 г. положение Совета профессиональных союзов Белоруссии об оплате труда ответственных работников из числа кадров советских административно-управленческих органов относилось к этой категории членов волостных и уездных исполкомов, президиумов уисполкомов и горисполкомов, заведующих отделами уисполкомов, ответственных политических инструкторов уисполкомов, губернских и уездных инспекторов труда, членов президиумов ЦИК и СНК ССРБ, наркомов и их заместителей, уполномоченных РСФСР при СНК ССРБ¹⁶.

Вслед за РСФСР с конца 1921 г. ССРБ переходит на 17-разрядную тарифную сетку, официально отменявшую отдельный тариф «ответственный». Теперь ответственные административно-управленческие работники советских госорганов получали оплату по тарифам 12–17-го разрядов: члены высшего советского республиканского руководства (члены президиумов ЦИК и СНК ССРБ, члены коллегий наркоматов), члены президиумов и рядовые члены уисполкомов и горисполкомов, заведующие отделами уисполкомов, губернские и уездные инспекторы труда¹⁷. В дальнейшем еще не раз уточнялась конкретная разбивка и состав ответственных политработников.

В первое послевоенное время учетная работа на местах находилась в зачаточном состоянии. В штате учетно-статистического подотдела орготдела каждого укома партии числился лишь один работник – заведующий. Заведующие орготделами и учстатами часто менялись, к тому же «в большинстве случаев не были даже достаточно знакомы с самой постановкой дела, инструкциями ЦК и т. п.», а сами партийные комитеты относились к работе уездных учстатов «чрезвычайно невнимательно»¹⁸. Заведующие учстатами практически не играли никакой роли в распределительной работе парткомов, в лучшем случае лишь предоставляя сведения о кандидатах на ту или иную должность¹⁹.

Тем не менее со временем партийные руководители на местах начинают все более внимательно относиться к подбору руководителей учетно-распределительной работы. Так, в июне 1923 г. Борисовский уком дал такую характеристику заведующему учстатом

А. М. Малиновскому: «Преданный делу работник... после определенного периода на этой работе сумеет самостоятельно руководить делом...». Минский уком так охарактеризовал заведующего учстатом С. С. Наждак: «...стаж имеет небольшой, но подает надежды месяца через 3–4 быть хорошей работницей по учету...». Минский горрайком отмечал, что заведующий учстатом горрайкома В. А. Вальчак «имеет стаж партийной работы, на должности зав. учстатом – недавно... при большем опыте и практике выработается весьма ценный работник по учету»²⁰.

Механизм собственно распределительной работы был следующий. В начале 1922 г. распределением как прибывавших в республику, так и поступающих в распоряжение ЦБ КП(б)Б партработников фактически занимался только заведующий Учстатом ЦБ КП(б)Б. Сами же сотрудники подотдела (шесть человек) были перегружены иной работой, часто не связанной с непосредственными их обязанностями. По этой причине существующий порядок претерпел изменения и распределительные функции были переданы заведующему Организационно-инструкторским отделом ЦБ КП(б)Б (в 1922 г. – В. А. Богуцкий и Я. А. Левин). Сам же Учстат ЦБ КП(б)Б занимался главным образом налаживанием учета, ограничиваясь лишь «некоторой подготовительной работой в смысле состояния личных дел и партдокументов прибывающих и учета спроса работников»²¹. Аналогичный порядок существовал и на уездном уровне.

За май – сентябрь 1922 г. в распоряжение ЦБ КП(б)Б прибыло 788 человек, из них 209 – из-за пределов республики (в том числе 66 человек от ЦК РКП(б)), остальные – из различных структур белорусского партийного, советского, профсоюзного, хозяйственного и кооперативного аппаратов. Большинство (267 человек) направили для руководящей работы в хозяйственные и кооперативные учреждения, 153 человека – в советские административные органы, 142 – в партийные органы (от укомов до ЦБ КП(б)Б), 81 человек уехал за пределы республики, остальные были распределены в учебные и лечебные заведения, Красную армию, профсоюзные органы и т. п.²²

В свою очередь в распоряжение укомов и райкомов за этот же период прибыло 590 коммунистов: 173 – по направлению ЦБ КП(б)Б, остальные – из различных органов и организаций республики. Основная их часть (360 человек) также пополнила советские органы власти и управления, хозяйственный и кооперативный аппараты, еще 110 человек были перенаправлены в распоряжение ЦБ КП(б)Б,

¹⁵НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 441. Л. 96.

¹⁶Там же. Ф. 265. Оп. 1. Д. 381. Л. 77–77 об.

¹⁷Там же. Д. 346. Л. 72.

¹⁸Там же. Д. 727. Л. 299, 325.

¹⁹Там же. Д. 445. Л. 6 об, 79.

²⁰Там же. Д. 1350. Л. 64.

²¹Там же. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 727. Л. 302, 311.

²²Подсчитано автором по: НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 727. Л. 62–90.

17 – в Красную армию, остальные – в профсоюзы, органы здравоохранения и просвещения²³.

В первой половине 1920-х гг. распределительная работа парткомов носила столь массовый характер, что изучать персональные учетные документы просто не было времени: в 1923 г. почти во всех парторганизациях практически каждый член партии проходил через распределительный механизм (в Витебске из 1443 членов распределено 1258, в Бобруйске – 335 из 529, в Червенском уезде – 228 из 250 и т. п.). Проверявший учетно-распределительную работу Временного белорусского бюро (Белбюро) ЦК РКП(б) инструктор Учраспреда ЦК РКП(б) Виноградов информировал секретаря ЦК РКП(б) В. М. Молотова, что за апрель – декабрь 1923 г. парторганами в Советской Белоруссии было распределено 2584 человека (из них 1702 – аппаратом Белбюро, остальные – уездными парткомами), при этом «значительная группа товарищей... подвергалась перемещению несколько раз (7–8)»²⁴. В результате, по оценке белорусского Учстата, «подбор работников зачастую производится на глаз», а «недостаточная систематичность в изучении рядовых товарищей» приводит к «довольно частым неудачным назначениям на работу, требующим впоследствии переброек»²⁵.

В прямой и незавуалированной форме претензии руководства большевистской партии на тотальный контроль за назначением, перемещением и смещением всех управленческих кадров были зафиксированы XII съездом РКП(б) (17–25 апреля 1923 г.). В докладе И. В. Сталина, выступившего на съезде с отчетом об организационной работе ЦК РКП(б), ленинская идея о единстве политической и организационной работы получила четкую, ставшую классической формулировку: «...ясно, что руководящая роль партии должна выразиться не только в том, чтобы давать директивы, но и в том, чтобы на известные посты ставились люди, способные понять наши директивы и способные провести их честно. <...> После того как дана правильная политическая линия, необходимо подобрать работников так, чтобы на постах стояли люди, умеющие осуществлять директивы, могущие понять директивы, могущие принять эти директивы, как свои родные, и умеющие проводить их в жизнь. В противном случае политика теряет смысл, превращается в махание руками»²⁶.

Эта позиция была закреплена в резолюции съезда по организационному вопросу, где заявлялось о необходимости усиления «партийного руководства в деле подбора руководителей советских, в частно-

сти хозяйственных и других органов, что должно осуществляться при помощи правильно и всесторонне поставленной системы учета и подбора руководителей и ответственных работников советских, хозяйственных, кооперативных и профессиональных организаций»²⁷.

Непосредственное появление номенклатуры как перечня основных руководящих должностей, назначение на которые, а также перемещение по ним осуществляется партийными органами, обычно связывают с постановлением оргбюро ЦК РКП(б) (ноябрь 1923 г.), в котором прямо указывалось: «Назначение и перемещение руководящего состава ответственных работников государственных и хозяйственных органов производится с утверждения ЦК, а на местах – соответствующими наркоматами и проводится через коллегии соответствующих наркоматов или через исполкомы». Предлагалось установить, во-первых, перечень должностей, назначения на которые «всегда обязательно утверждаются ЦК», а во-вторых, перечень должностей, назначения на которые осуществляются ведомствами после предварительного уведомления Учраспреда ЦК РКП(б). Все остальные ответственные работники могли назначаться и перемещаться самими ведомствами с последующим уведомлением Учраспреда ЦК РКП(б). Это деление и стало основой появления первой, второй и в дальнейшем третьей номенклатур. Касательно использования беспартийных на руководящих должностях указывалось на необходимость привлечения из них «вполне лояльных советской власти». Руководство учетом беспартийных ответственных работников возлагалось на Учраспред ЦК РКП(б), в качестве «подсобных» ему в ведомствах необходимо было сформировать «небольшие, но качественно хорошо подобранные учетные аппараты». Этот порядок распространялся на местные партийные организации и местные государственные и хозяйственные органы²⁸.

Соответственно и в БССР с января 1924 г. началась перестройка системы организации учетно-распределительной работы. Возглавлял учет и распределение кадров Учетно-распределительный отдел (Учраспред) оргбюро ЦК КП(б)Б. В округах учетно-распределительной работой занимались учетно-статистические отделы (учстаты) орготделов окружкомов КП(б)Б. Райкомы специальных структур не имели и первоначально могли распределять только рядовых работников (как командированных окружками в районы, так и состоящих в районных парторганизациях)²⁹.

²³Подсчитано автором по: НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 727. Л. 64–93.

²⁴НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 1048. Л. 115.

²⁵Там же. Л. 89.

²⁶Двенадцатый съезд РКП(б). 17–25 апреля 1923 г. Стенографический отчет. М.: Изд-во полит. лит., 1968. С. 62–63.

²⁷Там же. С. 705.

²⁸НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 2549. Л. 218–221.

²⁹Там же. Д. 1350. Л. 138.

До конца 1924 г. в БССР учет партийных, советских, хозяйственных и других ответственных работников осуществлялся по прежним масштабам (губернский, уездный, волостной), приспособленным к условиям республики. При отсутствии в БССР губернского звена административно-территориального деления к категории «работник губернского масштаба» относились те советские кадры, которые по своим основным характеристикам занимали руководящие должности в центральных республиканских органах власти и управления. В частности, в эту категорию в 1924 г. включались председатель и секретарь СНК БССР, все наркомы и их заместители, председатель республиканского Госплана. В категорию «работник уездного масштаба» входили члены коллегий республиканских наркоматов, все председатели уисполкомов и их заместители, большинство заведующих отделами уисполкомов, часть председателей воисполкомов (другая их часть относилась к работникам волостного масштаба)³⁰.

На 1 февраля 1924 г. по «укрупненной БССР» было учтено 123 ответственных работника губернского масштаба, 717 – уездного, 716 – волостного. Портрет среднестатистического ответственного работника губернского масштаба выглядел следующим образом: мужчина в возрасте от 31 до 40 лет, коммунист, еврей, белорус или русский, служащий с низшим либо средним образованием. Работник уездного масштаба отличался от него возрастом (от 24 до 30 лет), а волостного – возрастом (от 24 до 30 лет), социальным происхождением (крестьянин), образованием (низшее) и национальностью (белорус)³¹.

Временем практического перехода к номенклатурной системе в БССР можно считать осень 1924 г. Для организации учетно-распределительной работы местных партийных органов на сове-

щании заведующих учстатами окружкомов КП(б)Б (28–30 октября 1924 г.) было принято положение «О распределительной работе парткомов Белоруссии». Партийные организации нацеливались прежде всего на регулирование «насыщенности партийными работниками отдельных отраслей работы... чтобы обеспечить партийное влияние во всех отраслях работы». Выдвижение на ответственные должности беспартийных допускалось лишь как исключение при условии отсутствия квалифицированных работников – коммунистов и сохранения «партийного влияния» в учреждении. Партийные комитеты имели право смещать работников с занимаемых ими должностей в пределах своих организаций, направлять работников в нижестоящие и иные организации. Положением была предпринята попытка дифференциации кадровой ответственности партийных органов по вертикали. Кадровые изменения среди работников губернского масштаба и работников ниже губернского масштаба, но занимавших должности по первой номенклатуре, проводились постановлением ЦК КП(б)Б. Секретариат ЦК КП(б)Б решал вопросы кадров уездного масштаба и ниже, включенных во вторую номенклатуру. Работников третьей (ведомственной) номенклатуры распределял Учраспред ЦК КП(б)Б в общем порядке организационной работы. Окружкомы распределяли работников уездного и волостного масштабов, а также работников рядового масштаба, но выполнявших работу уездного масштаба. Райкомы занимались перемещением рядовых работников³². Вскоре появился и первый вариант белорусских номенклатур по образцу номенклатур ЦК РКП(б) с распределением должностей по четырем основным группам: партийная, советская, хозяйственно-кооперативная и профсоюзная.

Заключение

Таким образом, к концу 1924 г. были созданы все основные предпосылки для организационного оформления номенклатурного механизма кадровой работы.

Во-первых, закрепляется принцип монополии большевистской партии в определении кадрового состава органов государственной власти и управления, включая выборные должности. На теоретическом уровне утвердился тезис о неразрывном единстве политической и организационной работы, на практике это реализовывалось через занятие руководящих должностей в государственном аппарате (в том числе и выборных) только по решению большевистских парткомов.

Назначенчество на выборные должности либо в прямой (через механизм кооптации), либо

в скрытой форме («рекомендации») утверждается в качестве главного элемента всей кадровой политики, ключевого средства реализации «руководящей роли коммунистической партии» и проведения решений партийных органов на всех уровнях органов государственной власти и управления. Эту практику не отрицали даже сторонники сохранения демократических механизмов формирования партийной и советской властной иерархии («децисты», «рабочая оппозиция»): их претензии касались лишь степени централизации назначенчества, высокой концентрации этих функций в руках центрального партийного аппарата в ущерб местного.

Во-вторых, в 1918–1924 гг. происходит формирование системы органов учета и распределения партийных кадров и фактическое распространение ме-

³⁰ НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 1048. Л. 4–5, 7–8.

³¹ Там же. Д. 1352. Л. 139–141.

³² Там же. Д. 2550. Л. 150–152.

ханизма кадрового регулирования на все структуры государственной власти и управления. Первоначально большевики возглавили Советы путем выборов, эти выборные советские руководители формировали властные аппараты, ориентируясь прежде всего на членов своей партии. С появлением особых учетно-распределительных органов эта практика, обрстая партийными решениями и инструкциями, все больше приобретает строгие организационные формы и иерархичность.

В-третьих, формируется перечень должностей, дающих с точки зрения высшего партийно-советского руководства возможность управления всеми сферами жизни общества и контроля над ними в движении к социалистическому идеалу. Идет поиск наиболее эффективной системы градации таких должностей, распределение их на различные группы и подгруппы, определение сфер кадровой ответственности между управленческими структурами в большевистской партийной иерархии.

Параллельно формируется перечень должностей, относящихся по оплате труда к категории ответственных политических руководителей. Можно сказать, что и сам процесс складывания номенклатурной системы начинался именно с выделения этой категории работников и их особого тарифного регулирования.

Перечисленные процессы были общими для всех советских республик, где правящие коммунистические партии являлись лишь национальными реги-

ональными организациями РКП(б), построенной на принципах строгой партийной иерархии и подчиненности сверху донизу. КП(б)Б в этом отношении не проявляла никакой оппозиционности к решениям руководящих органов РКП(б), дисциплинировано, в меру своих возможностей и умения выполняя их. Зарождение номенклатурного механизма в советской Беларуси началось позднее, чем в РСФСР, но связано это было главным образом с особенностями процесса формирования белорусской государственности: ССРБ и КП(б)Б по существу создавались дважды – в 1919 и 1920 гг. с перерывом на польскую оккупацию белорусской территории, что затягивало во времени все организационные моменты, в том числе и создание системы учета и распределения кадров в республике. Кроме того, до весны 1922 г. главным источником пополнения руководящих кадров органов власти и управления различного характера и уровня были прибывавшие из-за пределов республики партийные работники. В целом для функционирования учетно-распределительной работы в ССРБ – БССР в 1919–1924 гг. были характерны общие для парторганизаций всех советских республик проблемы: текучесть и малочисленность кадров учетно-распределительных органов, недооценка этой работы руководителями парткомов, загрузка учетно-распределительных органов работой, выходящей за пределы их функций, распределение большого числа работников рядового масштаба и, как следствие, формализация самого процесса учета и распределения.

Библиографические ссылки

1. Джилас М. *Лицо тоталитаризма*. Щетинин ПА, Полак ЕА, Кириллова ОА, переводчики. Москва: Новости; 1992. 543 с.
2. Восленский МС. *Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза*. Москва: Советская Россия; 1991. 623 с. Совместное издание с МП «Октябрь».
3. Джавланов ОТ, Михеев ВА. *Номенклатура: эволюция отбора. Историко-политологический анализ*. Москва: Луч; 1993. 138 с.
4. Коржихина ТП, Фигатнер ЮЮ. Советская номенклатура: становление, механизмы действия. *Вопросы истории*. 1993;7:25–38.
5. Нефедов ВН. *Номенклатура империи: исследование кризиса*. Нижний Новгород: Издательство Волго-Вятского кадрового центра; 1994. 81 с.
6. Гимпельсон ЕГ. *Формирование советской политической системы, 1917–1923 гг.* Москва: Наука; 1995. 229 с.
7. Свириденко ЮП, Пашин ВП. *Коммунистическая номенклатура: истоки, сущность, содержание*. Москва: ГАСБУ; 1995. 172 с.
8. Мохов ВП. *Элитизм и история: проблемы изучения советских региональных элит*. Пермь: Издательство Пермского государственного технического университета; 2000. 204 с.
9. Гимпельсон ЕГ. *Советские управленцы, 20-е годы. Руководящие кадры государственного аппарата СССР*. Москва: ИРИ РАН; 2001. 225 с.
10. Павлова ИА. *Механизм власти и строительство сталинского социализма*. Новосибирск: Издательство СО РАН; 2001. 460 с.
11. Пашин ВП, Богданов СВ, Зюбан ОП. *Партийная номенклатура в СССР (1917–1930-е годы): зарождение, развитие, безраздельное могущество*. Белгород: Белгородская областная типография; 2004. 243 с.
12. Гаман-Голутвина ОВ. *Политические элиты России. Вехи исторической эволюции*. Москва: РОССПЭН; 2006. 446 с.
13. Чистиков АН. *Партийно-государственная бюрократия Северо-запада Советской России 1920-х годов*. Санкт-Петербург: Европейский Дом; 2007. 294 с.
14. Воробей АП. Основные тенденции формирования системы номенклатурных кадров в 1920-е годы. *Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки*. 2012;2:5–11.

15. Коновалов АБ. *Партийная номенклатура Сибири в системе региональной власти (1945–1991)*. Кемерово: Кузбассвуиздат; 2006. 635 с.
16. Зеленев МВ. Становление аппарата ЦК и института секретаря ЦК РСДРП(б) – РКП(б) в 1917–1922 гг. В: *Ученые записки. Том 7*. Нижний Новгород: Издательство Волго-Вятской академии государственной службы; 2007. с. 105–115.
17. Карелин ЕГ. *Региональный механизм власти и управления Западной области Советской России (1917–1937 гг.)*. Москва: РОССПЭН; 2014. 422 с.
18. Туфанов ЕВ. *Кадры региональных управленцев в 1920–1930-е годы: становление и функционирование (на материалах Северного Кавказа)*. Ставрополь: ТЭСЭРА; 2018. 206 с.
19. Tucker RC. *Political culture and leadership in Soviet Russia: from Lenin to Gorbachev*. Brighton: Wheatsheaf Books; 1987. X, 214 p.
20. Lane D, editor. *Elites and political power in the USSR*. Hampshire: Edward Elgar; 1988. 299 p.
21. Brown A, editor. *Political leadership in the Soviet Union*. Basingstoke: Macmillan; 1989. XI, 245 p.
22. Касцюк МП. *Бальшавіцкая сістэма ўлады на Беларусі*. Мінск: Экаперспектыва; 2000. 307 с.
23. Протьюко ТС. *Становление советской тоталитарной системы в Беларуси (1917–1941 гг.)*. Минск: Тесей; 2002. 688 с.

References

1. Djilas M. *Litso totalitarizma* [The face of totalitarianism]. Shchetinin PA, Polak EA, Kirillova OA, translators. Moscow: Novosti; 1992. 543 p. Russian.
2. Voslenskii MS. *Nomenklatura. Gospodstvuyushchii klass Sovetskogo Soyuza* [Nomenclature. The ruling class of the Soviet Union]. Moscow: Sovetskaya Rossiya; 1991. 623 p. Co-published by the MP «Oktyabr». Russian.
3. Dzhevlanov OT, Mikheev VA. *Nomenklatura: evolyutsiya otbora. Istoriko-politologicheskii analiz* [Nomenclature: evolution of selection. Historical and political analysis]. Moscow: Luch; 1993. 138 p. Russian.
4. Korzhikhina TP, Figatner YuYu. [Soviet nomenclature: formation, mechanisms of action]. *Voprosy istorii*. 1993;7:25–38. Russian.
5. Nefedov VN. *Nomenklatura imperii: issledovanie krizisa* [The nomenclature of the empire: a study of the crisis]. Nizhny Novgorod: Izdatel'stvo Volgo-Vyatskogo kadrovogo tsentra; 1994. 81 p. Russian.
6. Gimpel'son EG. *Formirovanie sovetskoi politicheskoi sistemy, 1917–1923 gg.* [Formation of the Soviet political system, 1917–1923]. Moscow: Nauka; 1995. 229 p. Russian.
7. Sviridenko YuP, Pashin VP. *Kommunisticheskaya nomenklatura: istoki, sushchnost', sodержanie* [Communist nomenclature: origins, essence, content]. Moscow: GASBU; 1995. 172 p. Russian.
8. Mokhov VP. *Elitizm i istoriya: problemy izucheniya sovetskikh regional'nykh elit* [The elitism and history: the problem of study of Soviet regional elites]. Perm: Izdatel'stvo Permskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta; 2000. 204 p. Russian.
9. Gimpel'son EG. *Sovetskie upravlyentsy, 20-e gody. Rukovodyashchie kadry gosudarstvennogo apparata SSSR* [Soviet managers, 20s. Leading personnel of the state apparatus of the USSR]. Moscow: Institut rossiiskoi istorii RAN; 2001. 225 p. Russian.
10. Pavlova IA. *Mekhanizm vlasti i stroitel'stvo stalinskogo sotsializma* [The mechanism of power and the construction of Stalinist socialism]. Novosibirsk: Publishing house of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; 2001. 460 p. Russian.
11. Pashin VP, Bogdanov SV, Zyuban OP. *Partiinaya nomenklatura v SSSR (1917–1930-e gody): zarozhdenie, razvitie, bezrazdel'noe mogushchestvo* [The party nomenclature in the Soviet Union (1917–1930s): birth, development, undivided power]. Belgorod: Belgorodskaya oblastnaya tipografiya; 2004. 243 p. Russian.
12. Gaman-Golutvina OV. *Politicheskie elity Rossii. Vekhi istoricheskoi evolyutsii* [Political elites of Russia. Milestones of historical evolution]. Moscow: ROSSPEN; 2006. 446 p. Russian.
13. Chistikov AN. *Partiino-gosudarstvennaya byurokratiya Severo-zapada Sovetskoi Rossii 1920-kh godov* [The party-state bureaucracy of the North-West of Soviet Russia in the 1920s]. Saint Petersburg: Evropeiskii Dom; 2007. 294 p. Russian.
14. Vorobey AP. The main trends of forming the system of executives in the 1920s. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. 2012;2:5–11. Russian.
15. Konovalov AB. *Partiinaya nomenklatura Sibiri v sisteme regional'noi vlasti (1945–1991)* [Party nomenclature of Siberia in the system of regional power (1945–1991)]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat; 2006. 635 p. Russian.
16. Zelenov MV. [Formation of the apparatus of the Central Committee and the institute of the secretary of the Central Committee of the RSDLP(b) – RCP(b) in 1917–1922]. In: *Uchenye zapiski. Tom 7* [Scientific notes. Volume 7]. Nizhny Novgorod: Izdatel'stvo Volgo-Vyatskoi akademii gosudarstvennoi sluzhby; 2007. p. 105–115. Russian.
17. Karelin EG. *Regional'nyi mekhanizm vlasti i upravleniya Zapadnoi oblasti Sovetskoi Rossii (1917–1937 gg.)* [Regional mechanism of power and management of the Western region of Soviet Russia (1917–1937)]. Moscow: ROSSPEN; 2014. 422 p. Russian.
18. Tufanov EV. *Kadry regional'nykh upravlentsev v 1920–1930-e gody: stanovlenie i funktsionirovanie (na materialakh Severnogo Kavkaza)* [Cadres of regional managers in the 1920s and 1930s: formation and functioning (based on the materials of the North Caucasus)]. Stavropol: TESERA; 2018. 206 p. Russian.
19. Tucker RC. *Political culture and leadership in Soviet Russia: from Lenin to Gorbachev*. Brighton: Wheatsheaf Books; 1987. X, 214 p.
20. Lane D, editor. *Elites and political power in the USSR*. Hampshire: Edward Elgar; 1988. 299 p.
21. Brown A, editor. *Political leadership in the Soviet Union*. Basingstoke: Macmillan; 1989. XI, 245 p.
22. Kascjuk MP. *Bal'shavickaja sistjema wldy na Belarusi* [The bolshevik system of state power in Belarus]. Minsk: Jekaperspektyva; 2000. 307 p. Belarusian.
23. Prot'ko TS. *Stanovlenie sovetskoi totalitarnoi sistemy v Belarusi (1917–1941 gg.)* [Formation of the Soviet totalitarian system in Belarus (1917–1941)]. Minsk: Tesey; 2002. 688 p. Russian.

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

УСЕАГУЛЬНАЯ ГІСТОРЫЯ

WORLD HISTORY

УДК 94(47).083

К ВОПРОСУ О СТЕРЕОТИПАХ В ОЦЕНКАХ СТОЛЫПИНСКОЙ АГРАРНОЙ РЕФОРМЫ

А. М. КАПИТОНЕНКОВ¹⁾

¹⁾Независимый исследователь, г. Апрелевка, Московская обл., Россия

На основании речей, циркуляров и личной переписки П. А. Столыпина, а также других материалов раскрываются цели, содержание и методы проведения масштабных аграрных преобразований начала XX в., которые вошли в историю под названием «Столыпинская аграрная реформа». Несмотря на более чем столетнюю традицию изучения и обширную историографию, аграрные преобразования П. А. Столыпина остаются предметом острых научных и политических дискуссий. В исследовании рассмотрены наиболее распространенные стереотипные представления о Столыпинской аграрной реформе и ее оценки, показана их несостоятельность.

Ключевые слова: Столыпинская аграрная реформа; аграрное законодательство; сельское хозяйство; крестьянство; сельская община; землепользование; землеустройство.

ДА ПЫТАННЯ АБ СТЭРЭАТЫПАХ У АЦЭНКАХ СТАЛЫПІНСКАЙ АГРАРНАЙ РЭФОРМЫ

А. М. КАПІТОНЕНКАЎ^{1*}

^{1*}Незалежны даследчык, г. Апрэлеўка, Маскоўская вобл., Расія

На аснове прамоў, цыркуляраў і асабістай перапіскі П. А. Сталыпіна, а таксама іншых матэрыялаў раскрываюцца мэты, змест і метады правядзення маштабных аграрных пераўтварэнняў пачатку XX ст., якія ўвайшлі ў гісторыю пад

Образец цитирования:

Капитоненков АМ. К вопросу о стереотипах в оценках Столыпинской аграрной реформы. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2020;3:44–53. <https://doi.org/10.33581/2520-6338-2020-3-44-53>.

For citation:

Kapitonенkov AM. On the issue of stereotypes in the assessments of Stolypin agrarian reform. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2020;3:44–53. Russian. <https://doi.org/10.33581/2520-6338-2020-3-44-53>.

Автор:

Алексей Михайлович Капитоненков – независимый исследователь.

Author:

Alexey M. Kapitonенkov, independent researcher. kapi-ale79@mail.ru

назвай «Сталыпінская аграрная рэформа». Нягледзячы на больш чым стагадовую традыцыю вывучэння і вялікую гістарыяграфію, аграрныя пераўтварэнні П. А. Сталыпіна застаюцца прадметам вострых навуковых і палітычных дыскусій. У даследаванні разглядаюцца найбольш пашыраныя стэрэатыпныя ўяўленні пра Сталыпінскую аграрную рэформу і яе ацэнкі, паказана іх неабгрунтаванасць.

Ключавыя словы: Сталыпінская аграрная рэформа; аграрнае заканадаўства; сельская гаспадарка; сялянства; сельская абшчына; землекарыстанне; землеўладкаванне.

ON THE ISSUE OF STEREOTYPES IN THE ASSESSMENTS OF STOLYPIN AGRARIAN REFORM

A. M. KAPITONENKOV^a

^a*Independent researcher, Aprelevka, Moscow region, Russia*

The article, based on speeches, circulars and personal correspondence of P. A. Stolypin, as well as other materials, reveals the goals, content and methods of large – scale agrarian reforms of the beginning of the 20th century, which went down in history as the Stolypin agrarian reform. Despite more than a century of study and a huge historiography, P. A. Stolypin's agrarian transformations continue to be the subject of acute scientific and political discussions. At the same time, P. A. Stolypin's agrarian transformations have always been and still remain one of the most politicized topics in Russian history, and this has fully affected their study. This study shows the inconsistency of a number of stereotypical ideas that prevent an unbiased approach in evaluating the reform.

Keywords: Stolypin agrarian reform; agrarian legislation; agriculture; peasantry; rural community; land use; land management.

Личность и реформаторская деятельность П. А. Столыпина не обделены вниманием исследователей. Еще при жизни Петра Аркадьевича проводимые им преобразования стали предметом острых научных и политических дискуссий. В итоге за прошедшие десятилетия вокруг Столыпинской аграрной реформы сложился ряд стереотипных представлений, которые прочно укоренились в массовом сознании, проникли в научную литературу, школьные и вузовские учебники.

За последние 20–25 лет немало сделано для преодоления стереотипов и мифов, связанных со Столыпинской аграрной реформой. В работах Э. М. Щагина, В. Г. Тюкавкина, И. И. Климина, М. А. Давыдова и других исследователей представлен новый, свободный от прежних идеологических установок анализ целей и результатов аграрных преобразований начала XX в. Однако по-прежнему в ряде исследований сохраняются стереотипные оценки.

Один из наиболее распространенных стереотипов заключается в том, что П. А. Столыпин в ходе реформирования российской деревни якобы ставил главной целью полное разрушение общины. В советской историографии, которая находилась в жестких рамках марксистско-ленинской методологии, безусловное господство получил тезис о крахе Столыпинской аграрной реформы. В качестве неоспоримого доказательства этого утверждения приводились данные, легко воспринимавшиеся общественным сознанием, согласно которым

из общины, несмотря на все старания правительства, вышла только четверть крестьян. Аналогичные оценки весьма широко распространены и в работах современных исследователей. Так, известный историк-аграрник А. М. Анфимов нисколько не сомневался в «крахе реформы, направленной на буржуазную перестройку российской деревни» [1, с. 264]. С. В. Максимов полагает, что, «хотя реформа и была воспринята частью крестьянства, большинство сельского населения за 10 лет ее проведения не сочло для себя нужным, а главное, возможным выйти из общины. Не помогли здесь ни пропаганда, ни административное воздействие на общину» [2, с. 135]. А. В. Ефременко, выдвинувший концепцию земской альтернативы Столыпинской реформе, утверждает, что «с точки зрения аграрного развития того времени реформа была всего лишь случайностью», она «не являлась объективно необходимой, что принципиально исключало саму возможность превращения ее в развитую действительность» [3, с. 25–26]. Подобного мнения придерживается и Н. А. Дунаева: «Вместо изменения системы землепользования внутри общины, что действительно назрело и было необходимо, правительство стало на путь полного уничтожения этого социального института» [4, с. 85].

Однако такой односторонний подход говорит о поверхностном суждении и неправильном понимании стратегических целей столыпинского реформирования. В своих речах на заседаниях 2-й Государственной думы и Государственного совета

П. А. Столыпин, отвечая на критику выбранного курса, неоднократно разъяснял позицию правительства, истинные предпосылки к аграрной реформе и ее цели. Так, еще на посту саратовского губернатора во всеподданнейшем отчете за 1904 г. П. А. Столыпин обозначил общие черты будущей земельной реформы, в результате которой, «наряду с общиной, где она жизненна, появился бы самостоятельный зажиточный поселянин, устойчивый представитель земли» [5, с. 71].

Весьма полная формулировка основных целей реформирования была представлена П. А. Столыпиным в его выступлении во 2-й Государственной думе 10 мая 1907 г.: «...цель у правительства вполне определена: правительство желает поднять крестьянское землевладение, оно желает видеть крестьянина богатым, достаточным... Но для этого необходимо дать возможность способному, трудолюбивому крестьянину, то есть соли земли русской, освободиться от тех тисков, от тех теперешних условий жизни, в которых он в настоящее время находится. Надо дать ему возможность укрепить за собой плоды трудов своих и представить их в неотъемлемую собственность. Пусть собственность эта будет общая там, где община еще не отжила, пусть она будет подворная там, где община уже не жизненна, но пусть она будет крепкая, пусть она будет наследственная» [6, с. 93–94].

Эту мысль П. А. Столыпин развивал и в речи перед депутатами 3-й Государственной думы в начале декабря 1908 г.: «В основу закона 9 ноября положена определенная мысль, определенный принцип. <...> В тех местностях России, где личность крестьянина получила уже определенное развитие, где община, как принудительный союз, ставит преграду для его самостоятельности, там необходимо дать крестьянину свободу приложения своего труда к земле, там необходимо дать ему свободу трудиться, богатеть, распоряжаться своей собственностью; надо дать ему власть над землею, надо избавить его от кабалы отживающего общинного строя. <...> Закон вместе с тем не ломает общины в тех местах, где хлебопашество имеет второстепенное значение, где существуют другие условия, которые делают общину лучшим способом использования земли» [7, с. 61]. Эти слова П. А. Столыпина не допускают двойного толкования: его подход к проблеме общины являлся продуманным, дифференцированным, реформатор учитывал региональную специфику огромной страны. При этом нет никаких оснований сомневаться в искренности слов П. А. Столыпина.

В своей речи в Государственном совете 15 марта 1910 г. глава правительства, весьма оптимистично оценивая успехи реформирования, отметил, что «при такой же успешной работе, еще через 6–7 таких же периодов, таких же трехлетий, общины в России – там, где она уже отжила свой век, – почти уже не будет» [6, с. 248]. Как можно видеть, П. А. Столы-

пин снова говорил не о всей стране, а только о тех регионах, где община уже изжила себя и являлась тормозом для агротехнического прогресса крестьянского хозяйства. Кроме того, в своей речи премьер в очередной раз обращал внимание на невозможность и нежелание правительства «производить какую-либо насильственную ломку».

Таким образом, П. А. Столыпин никогда не выступал за немедленный и повсеместный слом общины, он последовательно высказывался за сохранение различных форм крестьянского землевладения и землепользования. Реформаторский курс П. А. Столыпина не являлся слепой атакой на общину, безоглядно ломавшей традиционные устои русской деревни и противоречащей желаниям крестьянства. Напротив, известные современные исследователи крестьянской общины О. Г. Вронский [8] и Д. В. Ковалев [9; 10] отмечают в аграрном законодательстве П. А. Столыпина ряд серьезных правовых компромиссов и уступок по отношению к общине, учет особенностей крестьянского правосознания. Премьер, прекрасно понимая нецелесообразность скорейшего и полного распада общины, считал необходимым сохранить ее там, где она была жизнеспособна, где переход к индивидуальному хозяйству не принес бы крестьянам больших выгод. Этим была обусловлена неравномерность в выходе крестьян из общины, что подтверждает правоту П. А. Столыпина. Указ от 9 ноября 1906 г. использовался крестьянами там, где община разлагалась, и не был востребован в регионах, где община еще не достигла такой стадии. В этой связи О. Г. Вронский отмечает, что «если бы правительство действительно вступило на путь повсеместной ликвидации общинного землевладения, то оно должно было бы ввести в закон требование обязательного выдела наделной земли к одному месту, а также предельно упростить процедуру выхода из общины отдельных домохозяев и целых обществ», чего сделано не было [8, с. 232].

Программа реформирования, предложенная П. А. Столыпиным, не предполагала унифицированного подхода ко всем крестьянам. Им предоставлялся весьма широкий выбор новых условий хозяйствования, не ограниченных лишь хуторами, создание которых предполагалось только в тех случаях, когда это было возможно, исходя из местных условий. О невозможности разбить все крестьянские земли на хуторские участки говорил в своей речи в Государственной думе 24 октября 1908 г. товарищ министра внутренних дел А. И. Лыкошин, подчеркивая при этом, что «такой мысли никогда не приводилось ни в Указе 9 ноября, ни в соображениях к нему» [11, с. 252]. Сам П. А. Столыпин в письме к В. Н. Коковцову от 7 июля 1907 г. отмечал: «Никогда и никто не предлагал нашим посланцам силком навязывать хутора...» [12, с. 158]. Местные условия в ходе Столыпинской аграрной реформы, как резонно заметил Д. В. Ковалев, не просто учитывались,

«но и оказывали решающее влияние на их масштабы, характер, динамику и логику развития на различных этапах реформирования» [9, с. 82].

Указ от 9 ноября 1906 г., положивший начало коренному переустройству деревни, предоставлял право свободного выхода из общины тем крестьянам, которых сковывали рамки общины и которые желали из нее выйти, чтобы более рационально и эффективно хозяйствовать на собственной земле. Как отмечал известный экономист-аграрник Л. Н. Литошенко, «чувство собственности, сменившее неопределенные права временного пользования, само по себе удесят�еряло силы мелких землевладельцев» [13, с. 141]. Не менее показательно в этом плане мнение подмосковного крестьянина С. Т. Семенова, который на основании собственных наблюдений и практического опыта писал, что выделы из общины «дают труженику землю свободную, и на такой земле есть возможность проявить всю ту хозяйственную самостоятельность, на которую только человек и способен. При свободной земле могут беспрепятственно развиваться те творческие задатки человека, которыми богат и русский крестьянин и которым гнет мирского большинства не давал хода» [14, с. 85].

Не следует забывать тот факт, что распад общины начался по инициативе самих крестьян задолго до Столыпинской аграрной реформы. Усиление противоречий между крестьянами, развитие индивидуализма способствовали трансформации общинного строя и изменению жизни в деревне: многие крестьяне переставали нуждаться в общине как в институте, который уже не гарантировал им достойного существования, тормозил развитие хозяйства, стесняя личную свободу наиболее предприимчивых земледельцев. Так, по подсчетам известного исследователя социальной истории России Б. Н. Миронова, за период после реформы 1861 г. к началу столыпинских преобразований около 3,7 млн дворов, или 39 % всех крестьян – членов передельных общин, разочаровались в традиционных общинных порядках или полностью утратили доверие к ним [15, с. 231]. При этом в некоторых губерниях (Витебской, Волынской, Псковской и др.) еще до реформы были отмечены массовые расселения крестьян на хутора [15, с. 212]. Известный историк В. Г. Тюкавкин сделал аналогичный вывод: предпосылки реформы были созданы гораздо раньше, что связано с отказом многих общин от традиционной земельно-распределительной функции (в 58 % общин 40 губерний Центральной России не проводилось переделов после отмены крепостного права) [16, с. 185]. На это обстоятельство обращали внимание и дореволюционные исследователи [17].

Следовательно, для многих крестьян община была в тягость и они воспринимали прогрессивные

инновации. На таких крестьян, а вовсе не на кулаков, как о том в один голос утверждала советская историография, и была сделана ставка в правительственной программе реформирования. Эта мысль отражена П. А. Столыпиным и в цитированном выше отчете за 1904 г., и в его интервью корреспонденту газеты «Волга» [5, с. 485].

Указ от 9 ноября, отвечая назревшим потребностям крестьянства или, как говорил П. А. Столыпин, «потребности самой жизни», лишь ускорял процесс распада общины в тех регионах, где она уже фактически не существовала. Тем самым создавался альтернативный тип крестьянского хозяйства и домохозяина, более успешного и приспособленного к новым реалиям¹. Более того, по обоснованному замечанию известного историка Э. М. Щагина, для П. А. Столыпина и его соратников по реформированию разрушение общины ни в экономическом, ни в политическом плане не являлось самоцелью, а было лишь одним из средств осуществления аграрных преобразований, направленных на создание мелких собственников с устойчивым хозяйством [18, с. 80–81].

Еще один распространенный стереотип состоит в том, что правительство П. А. Столыпина якобы проводило реформу в порядке административного нажима и насилия над крестьянами. Подобный упрек в адрес П. А. Столыпина является не менее традиционным для российской историографии. Случаи насилия над крестьянами упоминались многими исследователями и в дореволюционной литературе, и в научных трудах, вышедших позднее. Действительно, местные чиновники, желая искусственно форсировать ход реформы, прибегали к мерам давления, принуждая крестьян подавать заявления о выходе из общины и землеустройстве. В этом никаких сомнений быть не может.

Тем не менее реформаторский курс П. А. Столыпина изначально не предполагал применения принудительных мер к крестьянам. На это П. А. Столыпин обращал внимание в циркуляре губернаторам от 26 августа 1907 г.: «Правительство непреклонно решило дать возможность населению владеть и пользоваться землею в лучших условиях, чем ныне. Сделать это решено безо всякого насилия, так как в таком деле насилие исключает успех. Решено лишь дать возможность каждому свободно владеть своим участком, создать мелкую личную собственность. <...> ...где община жизненна, там она и сохраняется» [5, с. 171–172].

Не менее отчетливо позиция правительства была отражена в уже цитированной выше речи премьера в Государственном совете, в которой он еще раз напоминал, что политика правительства не направлена на насильственное разрушение общины: «Не вво-

¹Павлова О. В. Аграрная реформа в Тверской деревне (1906–1917 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. : 07.00.02. Тверь, 2006. С. 18.

дя, силою закона, никакого принуждения к выходу из общины, правительство считает совершенно недопустимым установление какого-либо принуждения, какого-либо насилия, какого-либо гнета чужой воли над свободной волей крестьянства в деле устройства его судьбы, распоряжения его надельной землей. Это главная коренная мысль, которая легла в основу нашего законопроекта» [6, с. 247].

Правительство было обеспокоено произволом местных властей и, со своей стороны, принимало все необходимые меры по пресечению подобных случаев, требуя исключить любое давление на крестьян и тщательно следить за правильным применением указа от 9 ноября 1906 г. В связи с этим в циркулярном письме от 21 января 1909 г. П. А. Столыпин разъяснял, что «вся сущность закона 9 ноября основывается исключительно только на добровольном сознании населением выгод для него от перехода к личной земельной собственности и не дает никаких прав администрации оказывать в этом отношении какое-либо давление на население. <...> Органы правительства могут лишь разъяснять населению смысл перехода к лучшим формам землевладения, ознакомлять крестьян с порядком этого перехода и его практическими и юридическими последствиями, требовать от должностных лиц исправного исполнения их обязанностей по этому рода делам, но отнюдь не могут понуждать этих лиц и вообще кого бы то ни было к переходу к личной собственности, составляющему по Указу 9 ноября 1906 г. право крестьян, воспользоваться или не воспользоваться коим всецело зависит от личного усмотрения каждого отдельного крестьянина» [5, с. 230].

Таким образом, П. А. Столыпин был непримиримым противником каких-либо принудительных мер, неоднократно указывал на их недопустимость и незаконность. Подобные меры противоречили основополагающей идее столыпинского аграрного законодательства, которое не являлось инструментом принудительной ликвидации общины, а обеспечивало крестьянам право добровольного перехода от общинного владения к личному, но не обязывало их к этому. Непременный член Калужской уездной землеустроительной комиссии Г. А. Ермолов, опровергая обвинения в насилии, писал: «...едва ли может подлежать сомнению, что в таком громадном деле, как землеустройство, деле, затрагивающем внутреннюю жизнь крестьян, невозможно было бы достигнуть каких-либо благоприятных результатов путем насилия. Я еще могу поверить, что единичные дела могли быть проведены таким образом, но, чтобы где-либо это было введено в систему и чтобы эта система дала благие результаты и оказалась жизненной, – это может утверждать лишь лицо, совершенно незнакомое ни с бытом, ни с характером крестьян» [19, с. 45]. В наши дни обоснованность тезиса о повсеместном принуждении весьма убедительно показана в одной из работ

историка М. Д. Карпачева, который, исследовав цели и результаты Столыпинской аграрной реформы на материалах Воронежской губернии, констатировал отсутствие фактов принудительного роспуска общины в губернии [20, с. 74]. Даже такой убежденный критик реформы, как В. П. Данилов, в одной из последних своих работ вынужден был признать, «что принудительность все-таки не приняла всеобщего и исчерпывающего характера, реформаторы не встали на путь безудержного форсирования развала общинного уклада (как это случилось в годы сталинской коллективизации)» [21, с. 637].

Итак, тезис о крахе реформы по причине неполного разрушения общины является несостоятельным. П. А. Столыпин, прекрасно понимая, что далеко не все крестьяне желают перехода к единоличному хозяйству, вовсе не собирался в приказном порядке сделать всех крестьян частными землевладельцами. Насильно из общины никого не выгоняли, крестьянам предоставлялась полная свобода в выборе формы землепользования. В связи с этим оценивать конечные результаты реформы по количеству крестьянских дворов, покинувших общину, а также по количеству созданных хуторских хозяйств, как это делают многие исследователи, ошибочно. Подобный подход является в корне неверным, и от него необходимо отказаться.

Выход крестьян из общины и укрепление надельной земли в личную собственность – лишь начальный этап реформирования, на что неоднократно указывал П. А. Столыпин. Так, например, в циркуляре губернаторам от 19 июня 1910 г. П. А. Столыпин подчеркивал, «что в землеустроительных начинаниях правительства укрепление надельной земли в личную собственность является лишь переходною ступенью, конечная же цель их заключается в устранении чересполосности и других недостатков существующего землепользования» [22, с. 704].

На втором этапе, начавшемся после издания закона 29 мая 1911 г., главным стержнем в реализации реформы выступало землеустройство, в ходе которого каждый домохозяин без предварительного укрепления надела при проведении землеустроительных работ становился собственником своего участка, получая на руки удостоверительный акт на землю. Поэтому неудивительно, что на данном этапе количество заявлений об укреплении снижалось, что давало повод противникам реформы утверждать о ее провале и игнорировать итоги и значение землеустройства, в особенности группового. Например, уже упомянутый А. М. Анфимов падение числа выходов из общины называл «катастрофическим для столыпинских реформаторов» [1, с. 122]. Между тем землеустройство занимало в реформировании гораздо более значимое место, чем простое закрепление наделов в личную собственность. Оно имело огромное значение в контексте рационализации крестьянских хозяйств, важным шагом на пути

к поднятию культуры земли, а именно эта цель являлась ключевой в реформировании. Недаром в докладе, прочитанном в Вольном экономическом обществе в начале апреля 1917 г., известный знаток аграрного строя России Б. Д. Бруцкус, отмечая несомненный успех столыпинского землеустройства, призывал Временное правительство и в дальнейшем не отказываться «от этой важной для сельского хозяйства меры единственно потому, что ее выдвинул старый режим» [23, с. 21].

Снижение числа выходов из общины сопровождалось ростом прошений о землеустройстве, число которых в 1913 г. в пять раз превышало число ходатайств за 1907 г. и в три раза – за 1908 г. По сравнению с 1910 и 1911 гг. число ходатайств увеличилось на 70 и 63 % соответственно. Характерно, что рост числа ходатайств наблюдался во всех губерниях, где были учреждены землеустроительные комиссии². Например, в Тверской губернии количество ходатайств за 1912–1913 гг. составляло 51 % от их общего числа³. В Московской губернии за 9 месяцев 1912 г. выдвинулось в 30 раз больше хозяйств, чем в 1908 г., и на 67 % больше, чем в 1909 г.⁴ В итоге площадь завершенных и подготовительных землеустроительных работ с учетом землеустройства на землях Крестьянского банка и в Сибири охватывала огромную территорию, равную площади современных Франции, Бельгии, Швейцарии и Австрии, вместе взятых [24, с. 805]. Впечатляющий рост объемов производимых землеустроительных работ сопровождался улучшением их качества.

Таким образом, темпы проведения реформы не только не замедлились, но даже ускорились, в связи с чем никак нельзя говорить о ее провале после 1910 г. Оценивать результаты Столыпинской аграрной реформы следует исключительно на основании количества заявлений о выходе из общины и ходатайств о землеустройстве. В таком случае становится очевидным, что реформа не исчерпала свой потенциал, а, по сути, только набирала ход. Об этом умалчивала одиозная советская историография, ибо, если не было спада реформы, все разговоры о ее крахе лишались твердой почвы.

В проведенном исследовании не находит также подтверждения тезис о повсеместном применении принуждения в отношении крестьян. Как было показано, злоупотребления на местах наблюдались лишь в отдельных районах, происходили вопреки указаниям правительства и объяснялись главным образом некомпетентностью, карьеристскими устремлениями и личными качествами местных чиновников [16, с. 156], что при грандиозном масштабе преобразований являлось вполне закономерным.

Очень важно отметить, что многие упоминаемые в трудах историков примеры массового силового давления на крестьян приводятся без достаточной доказательной базы, очень часто даже без единой ссылки на источники. Так, для С. А. Сафронова вывод об административно-принудительном характере реформы является очевидным и не требующим каких-либо доказательств [25, с. 455]. П. Н. Зырянов, подчеркивавший в своих работах насильственный характер реформы, «многообразное и неустанное, законное и незаконное давление центральных и местных властей на общину», в качестве доказательства также приводил лишь один пример [26, с. 134–135; 27, с. 59–60]. Историк А. П. Корелин писал, что, «несмотря на массивное административное давление, а может быть отчасти и в результате его, значительные массы крестьян выступили против насильственного разрушения общины», и тут же следовала оговорка, что «открытых выступлений было не так много» [28, с. 105].

Насильственный и антикрестьянский (как считали советские исследователи) характер реформы должен был вызвать массовые протесты крестьян и волну аграрных беспорядков. Известный советский историк С. М. Дубровский на основании данных Департамента полиции (который, безусловно, фиксировал все случаи крестьянских выступлений), привел статистические подсчеты, которые однозначно свидетельствуют о том, что массовых протестов крестьян против Столыпинской аграрной реформы не было [29]. Так, в монографии ученого представлена информация об общем количестве крестьянских выступлений в 1890–1917 гг. [29, с. 518, табл. 212], а также данные по выступлениям крестьян непосредственно против реформы [29, с. 551, табл. 222]. Сопоставление этих сведений позволяет сделать однозначный вывод о том, что в общем количестве крестьянских выступлений протесты против реформы были крайне незначительными, несмотря на то что сам С. М. Дубровский считал иначе. Также историк привел данные о характере крестьянских выступлений, указывающие на то, что подавляющее большинство аграрных волнений было направлено против помещиков [29, с. 536, табл. 218].

В российской историографии, особенно советского периода, наблюдалась тенденция к преувеличению масштабов неприятия реформы крестьянами. Так, Г. А. Герасименко писал, что «столкновения и конфликты имели место во всех регионах страны безотносительно к тому, какая система землепользования там преобладала» [33, с. 173]. Однако это утверждение историка является необоснованным и опровергается донесениями губернаторов, предо-

²Комитет по землеустроительным делам. Краткий очерк за десятилетие. 1906–1916. Петербург : Т-во Р. Годице и А. Вильборг, 1916. С. 60.

³Павлова О. В. Аграрная реформа в Тверской деревне (1906–1917 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. : 07.00.02. Тверь, 2006. С. 18.

⁴Личное крестьянское землевладение в Московской губернии в 1907–1912 гг. М. : Тип. Рус. т-ва, 1913. С. 26.

ставленными в Земский отдел МВД в августе – ноябре 1911 г., согласно которым в 22 из 47 случаев в губерниях Европейской России массовых протестов, вылившихся в серьезные конфликты и беспорядки, зафиксировано не было [31, с. 209–210]. Происходившие выступления крестьян зачастую объяснялись не протестами против реформы как таковой, а спорами и разногласиями между общинниками и выделяющимися. Вполне понятно, что раздел земли для крестьян являлся вопросом крайне болезненным. При этом, вопреки устоявшимся представлениям, противоречия между крестьянами не носили массового характера. В начале 1909 г. в Санкт-Петербурге состоялся съезд непременных членов губернских присутствий и землеустроительных комиссий. Материалы съезда передают весьма целостную картину настроений крестьян и их восприятия проводимой реформы. Так, непременный член Нижегородского губернского присутствия отмечал, что «ни враждебного отношения, ни тем более открытого насилия со стороны общинников к выделившим и укрепившим землю не наблюдалось...»⁵. Земский начальник Холмского уезда Псковской губернии докладывал, что «отношение крестьян к укрепившим свои наделы и к хуторянам самое дружелюбное, причем последние пользуются особым уважением общинников, сознающих прекрасно всю выгоду хуторского хозяйства, но вместе с тем еще недостаточно решительными, чтобы последовать их примеру»⁶.

Одним из заблуждений критиков реформы является утверждение о том, что выход крестьян из общины совершался повсеместно в административном порядке по постановлениям земских начальников. Между тем материалы по Калужской губернии говорят об обратном: подавляющее большинство выделяющихся домохозяев (74 %) получили согласие сельских сходов, и лишь 26 % крестьян укрепили землю на основании постановлений земских начальников [32, с. 159]. В Витебской губернии эти цифры были еще более внушительными: 85 % укреплений состоялось по приговорам обществ⁷. Некоторое увеличение числа протестов в годы Первой мировой войны было связано с тем, что общинники выступали против проведения землеустройства в условиях, когда огромное число домохозяев находились на фронте, и требовали переноса этих работ на мирное время. Продолжение реформы в условиях военного времени воспринималось общинниками как дело сомнительное и несправедливое⁸. Не желая нарушать интересы крестьян, главноуправляющий землеустройством и земледелием А. В. Криво-

шеин 29 апреля 1915 г. издал циркуляр о временном приостановлении землеустроительных работ до возвращения находящихся в действующей армии домохозяев. Очевидно, что в понимании П. А. Столыпина и его единомышленников ни о каком насилии в данном случае речь идти не может.

Кроме того, выводы, к которым пришел Г. А. Герасименко, строились во многом на материалах оппозиционной дореволюционной печати, страницы которой просто пестрели от критических публикаций и заметок, многие факты в которых сильно искажались.

Общую тональность таких материалов исчерпывающе охарактеризовал публицист Б. Юрьевский: «Любой, даже непроверенный слух о неудачной землеустроительной работе моментально комментируется в самых различных органах печати, переносится в ежемесячные журналы, в коих производится тщательная сводка таких неудачных примеров, приведенных в газетах. Между тем как об удачно исполненных работах оппозиционная печать сведений никогда, конечно, не дает. Для непосвященных в дело широких слоев общества не трудно при таких условиях сделать вывод, что землеустройство проводится в большинстве случаев крайне неудачно» [33, с. 6].

Таким образом, реформа, вопреки распространенному убеждению, не вызывала у крестьян массового отторжения. Крестьянские выступления в большинстве случаев были спровоцированы революционной пропагандой, носили единичный характер и не отражали настроения всего крестьянства. Естественно, у крестьян, которые узнавали о реформе по ложным слухам, формировались настороженность и недоверие к правительственным начинаниям. Например, под влиянием революционной пропаганды часть крестьян Чистопольского уезда Казанской губернии считали, что нужно любыми способами настраивать односельчан против землеустройства [34, с. 239]. Тем не менее Б. Д. Бруцкус был не столь далек от истины, когда писал, что реформа «ни разу не вызвала ни одной серьезной вспышки народного недовольствия» [35, с. 131].

Если принять во внимание, что более 25 % домохозяев заявили о своем желании выйти из общины, 47 % крестьян ходатайствовали о проведении землеустройства и при этом около половины всех поступивших прошений не были вовремя удовлетворены землеустроительными комиссиями, становится очевидным, что правительству абсолютно незачем было форсировать ход реформы, прибегая к принудитель-

⁵Труды съезда непременных членов губернских присутствий и землеустроительных комиссий 10–23 января 1909 г. СПб. : Тип. МВД, 1909. С. 263.

⁶Там же. С. 264.

⁷Там же. С. 259.

⁸Шевелева О. В. Сельскохозяйственное развитие Великорусской провинции и Столыпинская аграрная реформа в годы I мировой войны (по материалам Тульской губернии) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Тула, 2008. С. 22.

ным мерам. И без того производство работ, несмотря на увеличение к 1914 г. штата землемеров почти в 10 раз (с 650 до 6397 человек), значительно отставало от количества ходатайств, удовлетворения которых крестьянам приходилось ожидать иногда по нескольку лет. Например, в 1913 г. удалось закончить работы только для трети всех ходатайствующих.

В целом перестройка аграрных отношений осуществлялась на здоровой и добровольной основе. При прямом или косвенном давлении местных властей общину покинуло предположительно не более 20–25 % домохозяев [31, с. 162]. Разумеется, это не могло оказать существенного влияния на общий ход реформы. Несмотря на все издержки (на которые указывал и сам реформатор), подавляющее большинство крестьян перешло к новым формам хозяйствования исключительно по внутреннему убеждению, осознавая выгоду такого шага и, как совершенно справедливо отмечал П. А. Столыпин, «безрассудно было бы думать, что такие ре-

зультаты достигнуты по настоянию правительственных чинов» [6, с. 252].

Таким образом, все претензии, которые предъявлялись к аграрной реформе П. А. Столыпина: ее искусственный характер, насильственное разрушение общины, несоответствие преобразований традициям и менталитету крестьянства и т. п., – выдвигались и в отношении аналогичных реформ в других странах Европы и также оказались несостоятельными [15, с. 239]. По замыслу П. А. Столыпина, столь грандиозная по своим масштабам земельная реформа должна была проводиться в течение 6–7 трехлетий, т. е. примерно 20 лет. Учитывая, что Первая мировая война приостановила реализацию реформы, а после февральских событий 1917 г. она была и вовсе прекращена постановлением Временного правительства, было бы уместнее говорить лишь о промежуточных результатах, которые, учитывая короткие сроки преобразований, несомненно, оказались весьма значительными.

Библиографические ссылки

1. Анфимов АМ. *Столыпин и российское крестьянство*. Москва: Институт российской истории РАН; 2002. 299 с.
2. Максимов СВ. *Столыпинское землеустройство (1906–1916 гг.)*. Арзамас: Издательство АГПИ имени А. П. Гайдара; 1999. 167 с.
3. Ефременко АВ. *Земская агрономия и ее роль в эволюции крестьянской общины*. Ярославль: Ремдер; 2002. 532 с.
4. Дунаева НА. *Модернизационные процессы в поволжской деревне в 1907–1917 гг.* Ульяновск: Качалин Александр Васильевич; 2012. 282 с.
5. Столыпин ПА. *Грани таланта политика*. Пожигайло ПА, редактор. Москва: РОССПЭН; 2006. 623 с.
6. Столыпин ПА. *Нам нужна Великая Россия... Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете, 1906–1911 гг.* Фельштинский ЮГ, составитель. Москва: Молодая гвардия; 1991. 411 с.
7. Столыпин ПА. *Программа реформ. Документы и материалы. Том 1*. Пожигайло ПА, редактор. Москва: РОССПЭН; 2002. 764 с.
8. Вронский ОГ. *Государственная власть России и крестьянская община в годы «великих потрясений» (1905–1917)*. Москва: МПГУ; 2000. 417 с.
9. Ковалев ДВ. *Аграрные преобразования и крестьянство столичного региона в первой четверти XX в. (на материалах Московской губернии)*. Москва: МПГУ; 2004. 305 с.
10. Ковалев ДВ. Правовые компромиссы в земельной политике П. А. Столыпина. *Вопросы истории*. 2018;7:43–49.
11. Лежнева ОН, составитель. *Дебаты о земле в Государственной Думе (1906–1917 гг.)*. Документы и материалы. Москва: [б. и.]; 1995. 395 с.
12. Столыпин ПА. *Переписка*. Пожигайло ПА, редактор. Москва: РОССПЭН; 2004. 704 с.
13. Литошенко ЛН. *Социализация земли в России*. Новосибирск: Сибирский хронограф; 2001. 536 с.
14. Семенов СТ. *Крестьянское переустройство. Три статьи*. Москва: Типо-литография товарищества И. Н. Кушнерева и К^о; 1915. 87 с.
15. Миронов БН. *Российская империя: от традиции к модерну. Том 2*. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин; 2015. 896 с.
16. Тюкавкин ВГ. *Великорусское крестьянство и Столыпинская аграрная реформа*. Москва: Памятники исторической мысли; 2001. 304 с.
17. Лосицкий АЕ. *К вопросу об изучении степени и форм распада общины. Укрепления наделов в полную собственность. Удостоверительные акты. Выходы на хутора и отруба*. Москва: Печатня С. П. Яковлева; 1916. 57 с.
18. Шагин ЭМ. *Столыпинская аграрная реформа: ее результаты и судьба*. В: Шагин ЭМ. *Очерки истории России, ее историографии и источниковедения (конец XIX – середина XX в.)*. Москва: Гуманитарный издательский центр «Владос»; 2008. с.79–94.
19. Трухачев СФ, редактор. *Землеустройство в Калужском уезде*. Калуга: Типография Калужской губернской земельной управы; 1915. 47 с.
20. Карпачев МД. *Столыпинские аграрные реформы в восприятии Воронежского крестьянства. Исторические записки*. 1996;1:66–80.
21. Данилов ВП. *Судьбы сельского хозяйства в России (1861–2001 гг.)*. В: Данилов ВП. *История крестьянства России в XX в. Избранные труды. Часть 2*. Москва: РОССПЭН; 2011. с. 630–648.
22. Гутерц АВ, составитель. *Столыпинская реформа и землеустроитель А. А. Кофод. Документы, переписка, мемуары*. Москва: Русский путь; 2003. 744 с.

23. Бруцкус БД. *К современному положению аграрного вопроса*. Петербург: Типография В. Ф. Киришбаума; 1917. 32 с.
24. Давыдов МА. *Двадцать лет до Великой войны: российская модернизация Витте – Столыпина*. 2-е издание. Санкт-Петербург: Алетей; 2016. 1080 с.
25. Сафронов СА. П. А. Столыпин: реформатор на фоне аграрной реформы. Том 2. Красноярск: Сибирский федеральный университет; 2015. 457 с.
26. Зырянов ПН. *Крестьянская община Европейской России, 1907–1914 гг.* Москва: Наука; 1992. 256 с.
27. Зырянов ПН. *Петр Столыпин. Политический портрет*. Москва: Высшая школа; 1992. 159 с.
28. Корелин АП. Реформы П. А. Столыпина: исторический опыт и уроки. *Труды Института российской истории*. 1997;11:88–115.
29. Дубровский СМ. *Столыпинская земельная реформа. Из истории сельского хозяйства и крестьянства России в начале XX в.* Москва: Издательство Академии наук СССР; 1963. 599 с.
30. Герасименко ГА. *Борьба крестьян против столыпинской аграрной политики*. Саратов: Издательство Саратовского университета; 1985. 342 с.
31. Климин ИИ. *Столыпинская аграрная реформа и становление крестьян-собственников в России*. Санкт-Петербург: Клио; 2002. 335 с.
32. Панасюк ВВ. Столыпинская аграрная реформа и российская провинция (по материалам Калужской губернии). *Российская история*. 2017;1:157–167.
33. Юрьевский Б. *Правительство и земля*. Санкт-Петербург: Сельский вестник; 1912. 69 с.
34. Кабытов ПС. Власть и крестьянство Поволжья в период проведения Столыпинской земельной реформы. В: Юрченков ВА, редактор. *Крестьянство и власть Среднего Поволжья. Материалы VII межрегиональной научно-практической конференции историков-аграрников Среднего Поволжья; 21-23 мая 2003 г.; Саранск, Россия*. Саранск: НИИГН при Правительстве Республики Мордовия; 2004. с. 234–243.
35. Бруцкус БД. *Аграрный вопрос и аграрная политика*. Петербург: Право; 1922. 234 с.

References

1. Anfimov AM. *Stolypin i rossiiskoe krest'yanstvo* [Stolypin and the Russian peasantry]. Moscow: Institute of the Russian History, Russian Academy of Science; 2002. 299 p. Russian.
2. Maksimov SV. *Stolypinskoe zemleustroistvo (1906–1916 gg.)* [Stolypin land management (1906–1916)]. Arzamas: A. P. Gaidar Arzamas State Pedagogical Institute; 1999. 167 p. Russian.
3. Efremenko AV. *Zemskaya agronomiya i ee rol' v evolyutsii krest'yanskoi obshchiny* [Zemstvo agronomy and its role in the evolution of the peasant community]. Yaroslavl: Remder; 2002. 532 p. Russian.
4. Dunaeva NA. *Modernizatsionnye protsessy v povolzhskoi derevne v 1907–1917 gg.* [The processes of modernization in the Volga village in the years 1907–1917]. Ulyanovsk: Kachalin Aleksandr Vasil'evich; 2012. 282 p. Russian.
5. Stolypin PA. *Grani talanta politika* [Facets of political talent]. Pozhigajlo PA, editor. Moscow: ROSSPEN; 2006. 623 p. Russian.
6. Stolypin PA. *Nam nuzhna Velikaya Rossiya... Polnoe sobranie rechei v Gosudarstvennoi dume i Gosudarstvennom sovete, 1906–1911 gg.* [We need a Great Russia... Complete collection of speeches in The state Duma and State Council, 1906–1911]. Felshtinskii YuG, compiler. Moscow: Molodaya gvardiya; 1991. 411 p. Russian.
7. Stolypin PA. *Programma reform. Dokumenty i materialy. Tom 1* [Reform programme. Documents and materials. Volume 1]. Pozhigajlo PA, editor. Moscow: ROSSPEN; 2002. 764 p. Russian.
8. Vronskij OG. *Gosudarstvennaya vlast' Rossii i krest'yanskaya obshchina v gody «velikikh potryasenii» (1905–1917)* [The state power of Russia and the peasant community during the «great upheavals» (1905–1917)]. Moscow: Moscow State Pedagogical University; 2000. 417 p. Russian.
9. Kovalev DV. *Agrarnye preobrazovaniya i krest'yanstvo stolichnogo regiona v pervoi chetverti XX v. (na materialakh Moskovskoi gubernii)* [Agrarian transformations and peasantry of the capital region in the first quarter of the 20th century (based on the materials of the Moscow province)]. Moscow: Moscow State Pedagogical University; 2004. 305 p. Russian.
10. Kovalev DV. Legal trade-offs in the land policy of P. A. Stolypin. *Voprosy istorii*. 2018;7:43–49. Russian.
11. Lezhneva ON, compiler. *Debaty o zemle v Gosudarstvennoi Dume (1906–1917 gg.)*. *Dokumenty i materialy* [Debates on land in The state Duma (1906–1917). Documents and materials]. Moscow: [s. n.]; 1995. 395 p. Russian.
12. Stolypin PA. *Perepiska* [Correspondence]. Pozhigajlo PA, editor. Moscow: ROSSPEN; 2004. 704 p. Russian.
13. Litoshenko LN. *Sotsializatsiya zemli v Rossii* [Socialization of land in Russia]. Novosibirsk: Sibirskii khronograf; 2001. 536 p. Russian.
14. Semenov ST. *Krest'yanskoe pereustroistvo. Tri stat'i* [Peasant perestroika. Three articles]. Moscow: Tipo-litografiya tovarishchestva I. N. Kushnerev i K^o; 1915. 87 p. Russian.
15. Mironov BN. *Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modernu. Tom 2* [The Russian Empire: from tradition to modern. Volume 2]. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin; 2015. 896 p. Russian.
16. Tjukavkin VG. *Velikorusskoe krest'yanstvo i Stolypinskaya agrarnaya reforma* [The great Russian peasantry and the Stolypin agrarian reform]. Moscow: Pamyatniki istoricheskoi mysli; 2001. 304 p. Russian.
17. Losickij AE. *K voprosu ob izuchenii stepeni i form raspadeniya obshchiny. Ukrepleniya nadelov v polnuyu sobstvennost'. Udostoveritel'nye akty. Vykhoty na khutora i otruba* [On the question of studying the degree and forms of community disintegration. Fortifications of allotments in full ownership. Certificates of identification. Access to the farm and cut]. Moscow: Pechatnya S. P. Yakovleva; 1916. 57 p. Russian.
18. Shchagin EM. [Stolypin's agrarian reforms: its results and the fate of]. In: Shchagin EM. *Ocherki istorii Rossii, ee istoriografii i istochnikovedeniya (konets XIX – seredina XX v.)* [Essays on the history of Russia, its historiography and source studies (late 19th – middle of 20th century)]. Moscow: Gumanitarnyi izdatel'skii tsentr «Vlados»; 2008. p. 79–94. Russian.
19. Truhachev SF, editor. *Zemleustrojstvo v Kaluzhskom uезде* [Land management in the Kaluga district]. Kaluga: Tipografiya Kaluzhskoi gubernskoi zem upravy; 1915. 47 p. Russian.

20. Karpachev MD. [Stolypin agrarian reforms in the perception of the Voronezh peasantry]. *Istoricheskie zapiski*. 1996;1:66–80. Russian.
21. Danilov VP. [The fate of agriculture in Russia (1861–2001)]. In: Danilov VP. *Istoriya krest'yanstva Rossii v XX v. Izbrannye trudy. Chast' 2* [History of the peasantry of Russia in the 20th century. Selected works. Part 2]. Moscow: ROSSPEN; 2011. p. 630–648. Russian.
22. Guterc AV, compiler. *Stolypinskaya reforma i zemleustroitel' A. A. Kofod. Dokumenty, perepiska, memuary* [Stolypin reform and land surveyor A. A. Kofod. Documents, correspondence, memoirs]. Moscow: Russkii put'; 2003. 744 p. Russian.
23. Bruckus BD. *K sovremennomu polozheniyu agrarnogo voprosa* [To the present state of the agrarian question]. Peterburg: Tipografiya V. F. Kirshbauma; 1917. 32 p. Russian.
24. Davydov MA. *Dvadsat' let do Velikoi voyny: rossiiskaya modernizatsiya Vitte – Stolypina*. [Twenty years before the Great War: the Russian modernization of Witte-Stolypin]. 2nd edition. Saint Petersburg: Aleteiya; 2016. 1080 p. Russian.
25. Safronov SA. *P. A. Stolypin: reformator na fone agrarnou reformy. Tom 2* [P. A. Stolypin: reformer against the background of agrarian reform. Volume 2]. Krasnoyarsk: Siberian Federal University; 2015. 457 p. Russian.
26. Zyrjanov PN. *Krest'yanskaja obshchina Evropeiskoi Rossii, 1907–1914 gg.* [Peasant community of European Russia, 1907–1914]. Moscow: Nauka; 1992. 256 p. Russian.
27. Zyrjanov PN. *Petr Stolypin. Politicheskii portret* [Peter Stolypin. Political portrait]. Moscow: Vysshaya shkola; 1992. 159 p. Russian.
28. Korelin AP. [P. A. Stolypin's reforms: historical experience and lessons]. *Trudy Instituta rossiiskoi istorii*. 1997;11: 88–115. Russian.
29. Dubrovskij SM. *Stolypinskaya zemel'naya reforma. Iz istorii sel'skogo khozyaistva i krest'yanstva Rossii v nachale XX v.* [Stolypin land reform. From the history of agriculture and peasantry in Russia at the beginning of the 20th century]. Moscow: Publishing House by the Academy of Sciences of USSR; 1963. 599 p. Russian.
30. Gerasimenko GA. *Bor'ba krest'yan protiv stolypinskoj agrarnoi politiki* [The struggle of the peasants against Stolypin's agrarian policy]. Saratov: Publishing House by the Saratov University; 1985. 342 p. Russian.
31. Klimin II. *Stolypinskaya agrarnaya reforma i stanovlenie krest'yan-sobstvennikov v Rossii* [Stolypin agrarian reform and the formation of peasant proprietors in Russia]. Saint Petersburg: Klio; 2002. 335 p. Russian.
32. Panasjuk VV. Stolypin's land reform and Russian reions (the case of Kaluga province). *Rossiiskaya istoriya*. 2017;1:157–167. Russian.
33. Juryevskij B. *Pravitel'stvo i zemlya* [The government and the land]. Saint Petersburg: Sel'skii vestnik; 1912. 69 p. Russian.
34. Kabytov PS. [Power and peasantry of the Volga region during the Stolypin land reform]. In: Jurchenkov VA, editor. *Krest'yanstvo i vlast' Srednego Povolzh'ya. Materialy VII mezhhregional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii istorikov-agrarnikov Srednego Povolzh'ya; 21–23 maya 2003 g.; Saransk, Rossiya* [Peasantry and power of the Middle Volga region. Materials of the VII interregional scientific and practical conference of agricultural historians of the Middle Volga region; 2003 May 21–23; Saransk, Russia]. Saransk: Research Institute of Humanities under the Government of the Republic of Mordovia; 2004. p. 234–243. Russian.
35. Bruckus BD. *Agrarnyi vopros i agrarnaya politika* [Agrarian question and agricultural policy]. Peterburg: Pravo; 1922. 234 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 14.01.2020.

Received by editorial board 14.01.2020.

К столетию создания БГУ

Да стагоддзя стварэння БДУ

BELARUSIAN STATE UNIVERSITY CELEBRATES 100th ANNIVERSARY

УДК 94(476)«639»:930.1(476)+930.1(476):94(092)ШЧАРБАКОЎ

«ПЕРВОБЫТНО-КОММУНИСТИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО И ЕГО РАСПАД»: ДОИСТОРИЧЕСКОЕ ПРОШЛОЕ ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ СОГЛАСНО КОНЦЕПЦИИ В. К. ЩЕРБАКОВА

А. В. ВАЙТОВИЧ¹⁾, П. С. КУРЛОВИЧ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Анализируется концепция первобытно-коммунистического общества, которая была изложена известным ученым и организатором науки 1930-х гг., первым деканом исторического факультета Белорусского государственного университета В. К. Щербаковым в работе «Очерк истории Беларуси» (1934). Эта книга стала первой в отечественной исто-

Образец цитирования:

Вайтовіч АУ, Курловіч ПС. «Першабытна-камуністычнае грамадства і яго распад»: дагістарычнае мінулае тэрыторыі Беларусі паводле В. К. Шчарбакова. *Часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Гісторыя*. 2020;3:54–63. <https://doi.org/10.33581/2520-6338-2020-3-54-63>.

For citation:

Vaitovich AU, Kurlovich PS. «The primitive communist society and its decomposition»: the prehistorical past of the territory of Belarus by V. K. Shcharbakou. *Journal of the Belarusian State University. History*. 2020;3:54–63. Belarusian. <https://doi.org/10.33581/2520-6338-2020-3-54-63>.

Авторы:

Александра Владимировна Вайтович – кандидат исторических наук; доцент кафедры археологии и специальных исторических дисциплин исторического факультета.

Полина Сергеевна Курлович – кандидат исторических наук; доцент кафедры археологии и специальных исторических дисциплин исторического факультета.

Authors:

Aliaksandra U. Vaitovich, PhD (history); associate professor at the department of archaeology and special historical disciplines, faculty of history.

vaitovich.aliaksandra@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-8082-4215>

Palina S. Kurlovich, PhD (history); associate professor at the department of archaeology and special historical disciplines, faculty of history.

kurlovichp@bsu.by

<https://orcid.org/0000-0002-8987-0162>

риографii попыткой систематичеcки осветить начальный период истории нашей страны в марксистском ключе. Исследователь не ставил перед собой цель подготовить полноценную археологическую публикацию. Создавая синтетический обзор истории Беларуси, В. К. Щербаков включил в него лишь отдельные темы, связанные с первобытной и раннесредневековой археологией. Методологические подходы ученого к изучению древней истории находились в русле теоретических разработок советской исторической науки 1920-х – начала 1930-х гг. и на момент выпуска работы уже не соответствовали новым идеологическим установкам. Осуществленное авторами статьи определение вклада В. К. Щербакова в интерпретацию первобытной истории Беларуси позволяет лучше понять историю белорусской археологической и исторической мысли межвоенного периода.

Ключевые слова: Василий Карпович Щербаков; первобытный коммунизм; 1930-е гг.; Белорусский государственный университет; историческая школа Покровского; археология Беларуси.

«ПЕРШАБЫТНА-КАМУНІСТЫЧНАЕ ГРАМАДСТВА І ЯГО РАСПАД»: ДАГІСТАРЫЧНАЕ МІНУЛАЕ ТЭРЫТОРЫІ БЕЛАРУСІ ПАВОДЛЕ В. К. ШЧАРБАКОВА

А. У. ВАЙТОВІЧ¹*, П. С. КУРЛОВІЧ¹*

¹* *Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь*

Аналізуецца канцэпцыя першабытна-камуністычнага грамадства, выкладзеная вядомым навукоўцам, арганізатарам навукі 1930-х гг., першым дэканам гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта В. К. Шчарбаковым у працы «Нарыс гісторыі Беларусі» (1934). Гэта кніга стала першай у айчынай гістарыяграфіі спробай сістэматычнага асвятлення пачатковага перыяду гісторыі нашай краіны ў марксісцкім ключы. Даследчык не ставіў перад сабой мэты падрыхтаваць паўнаўвартасную археалагічную публікацыю. Ствараючы сінтэтычны агляд гісторыі Беларусі, ён уключыў у яго толькі асобныя тэмы, датычныя першабытнай і раннесярэднявековай археалогіі. Метадалагічныя падыходы навукоўца да вывучэння старажытнасці знаходзіліся ў рэчышчы тэарэтычных распрацовак савецкай гістарычнай навукі 1920-х – пачатку 1930-х гг. і на момант выхаду працы ўжо не адпавядалі новым ідэалагічным устаноўкам. Здзейсненае аўтарамі артыкула вызначэнне ўнёску В. К. Шчарбакова ў справу інтэрпрэтацыі першабытнай гісторыі Беларусі дазваляе лепш зразумець гісторыю беларускай археалагічнай і гістарычнай думкі міжваеннага часу.

Ключавыя словы: Васіль Карпавіч Шчарбакоў; першабытны камунізм; 1930-я гг.; Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт; гістарычная школа Пакроўскага; археалогія Беларусі.

«THE PRIMITIVE COMMUNIST SOCIETY AND ITS DECOMPOSITION»: THE PREHISTORICAL PAST OF THE TERRITORY OF BELARUS BY V. K. SHCHARBAKOU

A. U. VAITOVICH^a, P. S. KURLOVICH^a

^a*Belarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

Corresponding author: A. U. Vaitovich (vaitovich.aliaksandra@gmail.com)

The article is devoted to the analysis of the concept of the «primitive communist society» set out by the famous scientist and organizer of science in the 1930s, the first dean of the historical faculty of Belarusian State University V. K. Shcharbakou in his «Essay on the history of Belarus» (1934). This book was the first attempt in native historiography to systematically illuminate the initial period of the history of our country in a marxist manner. The researcher did not set himself the goal of preparing a full-fledged archaeological publication. Creating a synthetic review of the history of Belarus, he included in it only certain topics related to primitive and early medieval archaeology. The scientist's methodological approaches to the study of ancient history corresponded to the theoretical developments of Soviet historical science in the 1920s – at the beginning of the 1930s, and the work no longer match the new «settings» by the time of release. The authors of the article determined the contribution of V. K. Shcharbakou to the interpretation of the primitive history of Belarus, which allows to understand better the history of Belarusian archaeological and historical thought of the interwar period.

Keywords: Vasily Karpavich Shcharbakou; primitive communism; 1930s; Belarusian State University; Pokrovsky historical school; archaeology of Belarus.

Уводзіны

Асоба Васіля Карпавіча Шчарбакова (1898–1938) – акадэміка, дырэктара Інстытута гісторыі Беларускай акадэміі навук, першага дэкана гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта – звычайна застаецца па-за ўвагай даследчыкаў, якія вывучаюць гісторыю беларускай археалагічнай думкі. Між тым у 1934 г. вядомы беларускі археолаг А. М. Ляўданскі рэкамендаваў яго толькі што апублікаваную кнігу па гісторыі Беларусі ў якасці асноўнага дапаможніка па курсе «Гісторыя даславава грамадства», які чытаў для першакурснікаў гістарычнага факультэта БДУ [1, с. 18–19]. У гістарыяграфіі 1980-х і пазнейшых гадоў за В. К. Шчарбаковым замацавалася рэнаме аўтара прац па гісторыі першабытна-абшчыннага ладу на тэрыторыі Беларусі¹ [2, с. 114–115]. На працягу апошніх дзесяцігоддзяў асобныя палажэнні канцэпцыі даследчыка, датычныя дагістарычнага мінулага нашай краіны, неаднаразова станавіліся аб’ектам асэнсавання гісторыкаў [3, с. 247–248, 251; 4, с. 6]. Разам з тым дэталёвы разгляд унёску В. К. Шчарбакова ў справу інтэрпрэтацыі першабытнай даўніны дагэтуль не здзейснены. Не быў прааналізаваны і археалагічны складнік канцэпцыі першабытна-камуністычнага грамадства. З улікам гэтых акалічнасцей уяўляецца мэтазгодным паўторны зварот да творчай спадчыны аднаго з самых тытулаваных беларускіх гісторыкаў і арганізатараў навукі першай паловы 1930-х гг.

Жыццёваму шляху і навуковай дзейнасці В. К. Шчарбакова прысвечана даволі прадстаўнічая бібліяграфія² [2, с. 114–115; 5, с. 26–27; 4; 6]. Ураджэнец Аршаншчыны, ён ужо ў юнацкія гады захапіўся палітычнай дзейнасцю. Пасля заканчэння Грамадзянскай вайны нядаўні выпускнік Рагачоўскай настаўніцкай семінарыі адвучыўся ў Вышэйшай партыйнай школе ў Харкаве і пачаў узыход па прыступках партыйнай лесвіцы. Неўзабаве Васіль Карпавіч зацікавіўся і навуковай працай, заняўшыся вывучэннем гісторыі кастрычніцкіх падзей на тэрыторыі Украіны. У канцы 1920-х гг. ён узначаліў Чарнігаўскі інстытут народнай адукацыі, а ў 1930 г. быў запрошаны ў Мінск, дзе адразу атрымаў шэраг высокіх пар-

тыйных і акадэмічных пасадаў. Новаабраны акадэмік Беларускай акадэміі навук заняўся падрыхтоўкай публікацый па гісторыі сялянскага руху эпохі феадалізму, гісторыі Кастрычніцкай рэвалюцыі на Беларусі, гістарыяграфіі і крыніцазнаўстве. У 1934 г. В. К. Шчарбакову, ужо прызначанаму дэканам гістарычнага факультэта БДУ, спецыяльным рашэннем СНК і ЦК КП(б)Б было даручана напісаць усеагульны курс беларускай гісторыі ў святле сталінскіх устаноў. У тым жа годзе першая частка запланаванага двухтомніка пад назвай «Нарыс гісторыі Беларусі» выйшла з друку. Гэта была вяршыня партыйнай і навуковай кар’еры гісторыка. У 1935 г. кніга падверглася разгромнай крытыцы, а ў 1937 г. яе аўтар трапіў у жорны рэпрэсій.

Напісанне В. К. Шчарбаковым абагульняючай працы па беларускай гісторыі супала з завяршэннем дыскусій савецкіх навукоўцаў аб сацыяльна-эканамічных фармацыях і ўкараненнем сфармуляванай тэарэтыкамі Дзяржаўнай акадэміі гісторыі матэрыяльнай культуры «пяцічленкі» [7, с. 139–142; 8, с. 162–163; 9, с. 79–80]. У адпаведнасці з найноўшай марксісцкай схемай развіцця грамадства даследчык падзяліў гісторыю Беларусі на чатыры перыяды («сацыяльныя арганізмы»): першабытны камунізм, феадалізм, капіталізм, перыяд дыктатуры пралетарыяту і сацыялістычнага будаўніцтва (асобна агаворвалася адсутнасць рабаўладальніцкага этапу) [10, с. 19–23]. В. К. Шчарбакоў першым з айчынных гісторыкаў выкарыстаў вучэнне аб сацыяльна-эканамічных фармацыях для асвятлення беларускай мінуўшчыны, у тым ліку яе самай старажытнай эпохі. Гэты факт неаднаразова падкрэсліваўся як сучаснікамі Васіля Карпавіча [11, с. 182], так і сённяшнімі даследчыкамі (гл., напрыклад, [3, с. 247–248; 2, с. 114–115; 4, с. 8]). Аднак у навуковай літаратуры да гэтага часу не ўздымалася пытанне аб адметнасцях першай практычнай рэалізацыі фармацыйнага падыходу да разгляду дапісьмовага і дадзяржаўнага перыяду гісторыі Беларусі. Асэнсаванню гэтай малавядомай старонкі айчыннай гістарыяграфіі і прысвечаны далейшы артыкул.

Асноўная частка

Тэрмін «першабытны камунізм» з’явіўся ў чарнавых запісах К. Маркса ў 1858 г. [12, с. 10]. Незалежна ад нямецкага філосафа і грамадскага дзеяча ў 1877 г. Л. Г. Морган ахарактарызаваў адмысловыя адносіны ў першабытным грамадстве як камуністычныя. Ідэі Л. Г. Моргана атрымалі развіццё ў кнізе Ф. Энгельса

«Паходжанне сям’і, прыватнай уласнасці і дзяржавы» (1884). На працягу 1898–1919 гг. згаданы тэрмін неаднаразова выкарыстоўваўся У. І. Леніным [12, с. 9; 13, с. 144–145; 14, с. 36]. Праблемы першабытнасці набылі надзвычайную ідэалагічную актуальнасць у 1920-х гг., калі, у святле марксісцкай тэорыі, пер-

¹ Дулеба Г. І. Вёска Дубраўка, Дубраўскі сельсавет. Радзіма Шчарбакова В. К. // Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Віцебская вобласць: энцыклапедыя / С. В. Марцэлеў (гал. рэд.). Мінск, 1985. С. 106; Возвращенные имена. Сотрудники АН Беларуси, пострадавшие в период сталинских репрессий / под ред. А. С. Махнач. Минск: Наука и техника, 1992. С. 118–119.

² Там же; Институт истории Национальной академии наук Беларуси в лицах (1929–2008 гг.): биобиблиогр. справ. / под ред. Г. В. Корзенко [и др.]. Минск: Беларус. наука, 2008. С. 48–53; Национальная академия наук Беларуси: персональный состав. 1928–2015 / сост. Т. С. Буденкова [и др.]. Минск: Беларус. наука, 2015. С. 278.

шабытны камунізм пачалі ўспрымаць як гістарычны доказ магчымасці існавання бяскласавога грамадства ў будучым. Перад навукоўцамі паўстала неабходнасць вызначэння канкрэтнага зместу «першабытна-камуністычнага перыяду». Задача ўскладнялася тым, што ў працах заснавальнікаў марксізму адсутнічалі разважанні аб асаблівасцях і храналагічных межах ранніх этапаў гісторыі чалавецтва [12, с. 25; 15, с. 89]. На працягу 1920-х гг. абмеркаванні гэтых пытанняў вяліся пераважна ў асяродку этнолагаў, на рубяжы 1920–30-х гг. да дыскусіі далучыліся і археолагі. У зацятых спрэчках вырашалася, ці існаваў у архаічных супольнасцях першабытна-камуністычны лад. Было зламана нямала коп'яў пры вызначэнні ступені дасягання паняцця «фармацыя» да першабытнасці. Агучваліся розныя меркаванні па праблеме крыніц развіцця і прычын заняпаду дакласавога грамадства. Нарэшце, не было аднадушства і ў дачыненні да сацыялагічнай перыядызацыі далёкага мінулага [16, с. 18–19; 9, с. 74, 77–85; 15, с. 90–92; 17, с. 273–274].

Такі імпэт да вызначэння зместу тэрміна «першабытны камунізм» панаваў амаль выключна ў вузкіх навуковых колах Масквы і Ленінграда. Большасць савецкіх спецыялістаў-практыкаў імкнуліся пазбягаць звароту да тэарэтычных пытанняў. Напрыклад, у працах украінскіх даследчыкаў 1930-х гг. разглядаемае паняцце ўвогуле не выкарыстоўвалася [15, с. 92]. Іншая сітуацыя складвалася ў беларускім навуковым асяродку. Ужо ў 1923 г. буйны арганізатар навукі, сацыёлаг і гісторык першабытнай культуры С. З. Кацэнбоген вызначыў першабытны камунізм як «общинный строй первобытной жизни». Навуковец акрэсліў асноўныя характарыстыкі гэтага перыяду гісторыі чалавецтва, а таксама раскрытыкаваў распаўсюджаную практыку « доказываць перавагі грядущего коммунистического общества ссылками на первобытный коммунизм» [18, с. 33–35]. У 1933 г. «першабытна-камуністычны спосаб вытворчасці» згадаў у адным са сваіх артыкулаў акадэмік Беларускай акадэміі навук, бібліяст і ўсходазнаўца М. М. Нікольскі [19, с. 115].

Менавіта да першабытнага камунізму як найбольш актуальнай на той момант тэорыі дагістарычнага мінулага і звярнуўся В. К. Шчарбакоў. Імкнучыся стварыць ідэалагічна вывераную канцэпцыю гісторыі Беларусі³, ён вылучыў этап «першабытна-камуністычнага грамадства» і датаваў яго часам ад 25 тыс. гадоў да н. э. да пачатку 2-га тыс. н. э. На думку акадэміка, супольнасцям, якія пражывалі на тэрыторыі нашай краіны на працягу гэтага перыяду, былі ўласцівыя вельмі прымітыўная тэхніка і нізкая прадукцыйнасць працы, адсутнасць прыватнай уласнасці і існаванне калектыўнага карыстання ўсімі сродкамі вытворчасці, першабытна-камуністычны

характар вытворчасці і размеркавання (калі прадукцыйныя сілы грамадства былі вельмі слабыя, а сам чалавек амаль цалкам залежаў ад прыроды) [10, с. 19–21]. Акрамя таго, перыяд першабытнага камунізму навуковец падзяліў на шэраг этапаў, такіх як першабытнае «стада»⁴ (адзначалася, што ў межах тагачаснай Беларусі гэты этап не быў зафіксаваны), дарадавая камуна, радавая камуна, разлажэнне радавога грамадства [10, с. 24–50].

Згодна з меркаваннем В. К. Шчарбакова, асновай грамадскага ладу самых старажытных супольнасцей на тэрыторыі краіны з'яўлялася дарадавая камуна (першабытная група, «узросна-палавая камуна»). Да ліку асаблівасцей гэтага пачатковага этапу айчыннай гісторыі, які пачаўся каля 25 тыс. гадоў да н. э. і завяршыўся 4–3 тыс. гадоў да н. э., адносілася адсутнасць прыватнай уласнасці і эксплуатацыі чалавека чалавекам, а таксама калектыўны спосаб вытворчасці. Навуковец суаднёс перыяд дарадаввой камуны з эпохай палеаліту і сцісла акрэсліў тэрыторыю рассялення, гаспадарчыя заняткі і матэрыяльную культуру першабытнага насельніцтва. Ён адзначыў, што рэдкія і малалікія супольнасці засялялі паўднёвыя і паўднёва-ўсходнія рэгіёны Беларусі і займаліся арганізаваным паляваннем і збіральніцтвам. На старонках «Нарыса гісторыі Беларусі» былі згаданы найбольш вывучаныя палеалітычныя стаянкі краіны (Бердыж, Юравічы і Клеявічы) і пералічаны выяўленыя на помніках аб'екты, артэфакты і археалагічныя матэрыялы [10, с. 24–29].

Наступны этап развіцця першабытнага грамадства на тэрыторыі Беларусі, паводле В. К. Шчарбакова, быў звязаны з зараджэннем і развіццём радавой камуны (радавога грамадства). Гэты перыяд «значнага ўдасканалення тэхнічных прылад і ўскладнення грамадскіх адносін», на думку навукоўца, цягнуўся з 4-га – 3-га тыс. да н. э. да IX–XI стст. н. э. Даследчык сцвярджаў, што асноўнымі рысамі грамадства на працягу больш чым 4 тыс. гадоў з'яўляліся ўзаемадапамога на аснове калектыўнай гаспадаркі, кругавая парада, кроўная помста, культ продкаў, калектыўнае валоданне зямлёй [10, с. 30–31].

На думку В. К. Шчарбакова, пераход ад «узросна-палавой» да радавой камуны адбыўся ў эпоху неаліту. Вызначальнымі рысамі гэтага перыяду былі названы распаўсюджанне новых спосабаў апрацоўкі каменя (пілаванне, свідраванне), выраб глінянага посуду, узнікненне ткацтва, дамештыкацыя жывёл (сабакі, козы, авечкі і інш.), пераход да аселага ладу жыцця і вынаходніцтва матыжнага спосабу апрацоўкі зямлі. Акрамя таго, навуковец згадаў «некалькі соцень» неалітычных стаянак, адкрытых на тэрыторыі краіны [10, с. 29–31].

³ Кажучы пра тэрыторыю Беларусі, В. К. Шчарбакоў, як правіла, меў на ўвазе выключна тэрыторыю БССР. Толькі ў адзінкавых выпадках гісторык згадаў археалагічныя помнікі на тэрыторыі Заходняй Беларусі [10, с. 32, 35].

⁴ Менавіта такі русізм быў выкарыстаны ў разглядаемай працы [10, с. 29].

Далейшае развіццё радавога грамадства, паводле В. К. Шчарбакова, было абумоўлена распаўсюджаннем металічных вырабаў. Гісторык адзначаў, што імпартаваныя з Прыбалтыкі і Міжземнамор'я прылады з бронзы («рэшткі бронзавай культуры») былі знойдзены археолагамі ў басейнах усіх асноўных рэк Беларусі. Пры гэтым ён сцвярджаў, што бронзавыя вырабы не адыгрывалі значнай ролі ў сацыяльна-эканамічным жыцці першабытнага насельніцтва [10, с. 32].

Непараўнальна большае значэнне для развіцця старажытнага грамадства, на думку В. К. Шчарбакова, мела ўзнікненне і распаўсюджанне чорнай металургіі і металаапрацоўкі. Аўтар «Нарыса гісторыі Беларусі» даволі падрабязна апісаў працэс атрымання крыц і вырабу прылад з крычнага жалеза. Асабліваю ўвагу ён звярнуў на выпадкі выяўлення беларускімі навукоўцамі плавільных печаў эпохі жалезнага веку [10, с. 32]. Пачатак 1-га тыс. н. э. даследчык назваў часам з'яўлення гарадзішчаў – «умацаваных цэнтраў жыцця родаў» [10, с. 33]. Усяго, паводле даных В. К. Шчарбакова, на тэрыторыі Беларусі было зарэгістравана каля 800 умацаваных паселішчаў, а таксама прыблізна 3000 курганных могілнікаў [10, с. 33].

Пераходзячы да разгляду эпохі рассялення славянскага насельніцтва, навуковец падкрэсліў, што вывучэнне гэтага перыяду абавязана галоўным чынам на «пісьмовыя апавяданні». Тым не менш В. К. Шчарбакоў не абмежаваўся выкарыстаннем выключна пісьмовых крыніц. Даследчык датаваў з'яўленне славян на тэрыторыі Беларусі першымі стагоддзямі новай эры і акрэсліў абшар іх пражывання прасторай паміж Нёманам, Бярэзінай і Прыпяццю. Паўночнымі суседзямі славян былі названы літоўскія і фінскія плямёны. Перамяшчэнне славянскіх супольнасцей у межах Беларусі навуковец звязаў з прасоўваннем з поўначы на поўдзень готаў. Завяршэнне славянскай каланізацыі тэрыторыі краіны было аднесена да VII–VIII стст. н. э. [10, с. 34–35].

Істотная ўвага звярталася аўтарам на вызначэнне асаблівасцей грамадскага ладу славянскага насельніцтва. Паводле В. К. Шчарбакова, у IV–X стст. беларускія землі былі падзелены паміж шматлікімі «радавымі аб'яднаннямі» – групамі людзей, звязаных кроўна-роднаснай сувяззю, якія мелі агульную гаспадарку і вялі сваё паходжанне ад агульнага продка. Такія аб'яднанні часам падзяляліся на больш дробныя сацыяльныя адзінкі – кроўна-роднасныя сем'і, якія канцэнтраваліся вакол цэнтраў – гарадзішчаў. Навуковец даводзіў, што паасобныя роды, размешчаныя па суседству, з цягам часу пачыналі ствараць саюзы, на чале якіх становіліся князі. Нягледзячы на існаванне «племянных правадыроў», усе ключавыя пытанні вырашаліся на агульных сходах – вечках. На думку гісторыка, менавіта такія рода-племянныя аб'яднаннямі з моцнымі вечавымі парадкамі і з'яўляліся крывічы, радзімічы і дрыгавічы [10, с. 36–37].

Не засталіся праігнараванымі і пытанні гаспадарчай дзейнасці ўсходнеславянскіх плямёнаў. На старонках «Нарыса гісторыі Беларусі» сцвярджалася, што ў IX–X стст. асноўнай галіной гаспадаркі з'яўлялася земляробства (прычым на неўрадлівых глебах Палесся і Падзвіння яно было малараспаўсюджаным). Другім па значэнні гаспадарчым напрамкам называлася жывёлагадоўля, у першую чаргу развядзенне дробнай рагатай жывёлы і свіней (конь быў аднесены да «рэдкай хатняй жывёлы»). Падкрэслівалася таксама істотная роля прысвойваючых форм гаспадаркі. Згадваліся і асобныя віды рамесніцкай дзейнасці (вытворчасць прылад працы, глінянага і драўлянага посуду, ткацтва, выраб лодак і інш.) [10, с. 38–39]. Акрамя таго, аўтар разважаў над асаблівасцямі рэлігійных поглядаў старажытнага славянскага насельніцтва, аднак усе яго рэканструкцыі грунтаваліся выключна на фальклорных матэрыялах і даных пісьмовых крыніц [10, с. 39–41].

Апошняю стадыю першабытнага камунізму – этап разлажэння радавога грамадства – В. К. Шчарбакоў датаваў часам з VII–VIII да IX–XIII стст. Археалагічныя матэрыялы для асвятлення гэтага перыяду навуковец не выкарыстоўваў. Ён меркаваў, што ў канцы 1-га тыс. н. э. ішоў працэс фарміравання класавай вярхушкі, якая прысвойвала дадатковы прадукт і канцэнтравала ў сваіх руках уладу. Даследчык сцвярджаў, што адначасова адбывалася ўзмацненне паасобных сямействаў – прыватных уладальнікаў сродкаў вытворчасці. Наступствамі працэсу паступовага развіцця маёмаснай няроўнасці называлася пераўтварэнне кроўна-роднасных аб'яднанняў у суседскія тэрытарыяльныя абшчыны. Вынік разлажэння радавога грамадства В. К. Шчарбакоў прасочваў у стварэнні палітычных аб'яднанняў – старажытных княстваў. На думку даследчыка, кіруючыя вярхі (князі, дружыннікі і купцы), імкнучыся забяспечыць поспех у эксплуатацыі простага насельніцтва, па галоўных гандлёвых шляхах узводзіла ўмацаваныя пункты – гарадзішчы. Характарыстыка фінальнага этапу першабытнага камунізму на тэрыторыі Беларусі завяршалася кароткім аглядам палітычных падзей IX–XI стст. [10, с. 42–50].

У метадалагічным плане праца В. К. Шчарбакова ўяўляла сабой тыповы ўзор публікацыі так званай гістарычнай школы Пакроўскага. Для гэтай школы быў характэрны сацыялагізатарскі схематызм у адлюстраванні гістарычнага мінулага – падыход, які ў сярэдзіне 1930-х гг. быў абвешчаны антынавуковым і антысавецкім (гл., напрыклад, [20; 16, с. 23]). Ужо адразу пасля выхаду ў свет «Нарыс гісторыі Беларусі» крытыкаваўся за празмернае «сацыялагізіраванне» [11, с. 182]. Прыхільнасць В. К. Шчарбакова да погляду М. М. Пакроўскага лягла ў аснову аднаго з пунктаў абвінавачвання даследчыка ў «практычнай контрэвалюцыйнай

дзеясці»⁵. Згаданыя тэарэтычныя адметнасці працы адзначаліся і ў сучаснай навуковай літаратуры [3, с. 147; 4, с. 8]. Разам з тым дагэтуль не надавалася належнай увагі таму факту, што В. К. Шчарбакоў не толькі выкарыстоўваў метадалагічныя напрацоўкі лідара савецкіх гісторыкаў раннесавецкага часу, але і прыводзіў вытрымкі з яго прац. Так, разглядаючы асаблівасці ледавіковай эпохі, а таксама перыяду славянскай каланізацыі, вучоны тройчы цытаваў М. М. Пакроўскага [10, с. 27, 35, 36]. Ва ўсіх выпадках цытаты былі ўзяты з кнігі «Руская гісторыя ў самым сціслым нарысе»⁶ – найбольш папулярнай працы навукоўца, якая на працягу 1920-х – пачатку 1930-х гг. з’яўлялася афіцыйным школьным падручнікам па гісторыі [20, с. 6; 7, с. 192].

Акадэмік Беларускай акадэміі навук працягваў традыцыі папярэдняга дзесяцігоддзя і ў сваіх падыходах да перыядызацыі эпохі першабытнага камунізму на тэрыторыі Беларусі. Гісторыю «да-класавага грамадства» В. К. Шчарбакоў падзяліў на чатыры перыяды, пры гэтым падкрэсліў, што мясцовыя супольнасці прайшлі ў сваім развіцці толькі тры з іх [10, с. 24–50]. Навуковец не ўдакладняў, на якія публікацыі абапіраўся, тым не менш варта меркаваць, што ў аснову сваёй схемы ён паклаў трохчленную сацыялагічную перыядызацыю старажытнага мінулага чалавецтва (дарадавае грамадства, радавае грамадства, разлажэнне радавога грамадства). Гэта канцэпцыя, папулярная ў 1920-х гг., на момант выхаду «Нарыса гісторыі Беларусі» ўжо была абвешчана незадавальняючай (гл., напрыклад, [21, с. 72–75]). Здзейсненая В. К. Шчарбаковым прывязка вылучаных этапаў да класічнай археалагічнай перыядызацыі (датаванне дарадавага грамадства палеалітам, аднясенне часу ўзнікнення радавога ладу да эпохі неаліту) таксама знаходзілася ў рэчышчы тэарэтычных распрацовак 1920-х гг. і ў 1934 г. ужо састарэла [21, с. 73, 78, 82; 22, с. 179–181; 23, с. 16].

Прыведзеная беларускім навукоўцам характарыстыка грамадскіх адносін дарадавага грамадства («узросна-палавой камуны») грунтавалася пераважна на матэрыялах, апублікаваных у зборніку «Першабытнае грамадства», які выйшаў пад рэдакцыяй М. М. Маторына [24, с. 17, 82–84]. Акрамя таго, В. К. Шчарбакоў актыўна звяртаўся да падручніка П. І. Кушнера (Кнышава) «Нарыс развіцця грамадскіх формаў»⁷, які з’яўляўся базавым дапаможнікам па аднайменным курсе ва ўсіх «камвузах» і «савпартшколах» да канца 1920-х гг. [25]. Менавіта ў гэ-

тай працы можна знайсці адзначаныя В. К. Шчарбаковым адметнасці радавой камуны⁸, а таксама асаблівасці грамадстваў, якія знаходзіліся на этапе разлажэння першабытна-камуністычнага ладу⁹.

В. К. Шчарбакоў не пакінуў па-за ўвагай і спадчыну заснавальнікаў марксізму. Апісваючы родаплемянны быт усходнеславянскага насельніцтва канца 1-га тыс. н. э., навуковец параўноўваў яго з грамадскім ладам індзейскага племені ў Амерыцы, прыводзячы цытату з працы Ф. Энгельса «Паходжанне сям’і, прыватнай уласнасці і дзяржавы» [10, с. 37–38]. Варта заўважыць, што ў вядомым творы нямецкага грамадскага дзеяча і філосафа ішла гаворка пра паўночнаамерыканскіх індзейцаў іракезаў [26, с. 97–98].

Выклікае цікавасць той факт, што пры разглядзе старажытнай гісторыі Беларусі В. К. Шчарбакоў абмежваўся выключна, кажучы тагачаснай мовай, «сацыялагічнай атрыбуцыяй» – аднясеннем канкрэтных супольнасцей, якія вывучаюцца па рэчавых помніках, да пэўнай стадыі грамадскага развіцця. На старонках «Нарыса гісторыі Беларусі» засталіся цалкам праігнараванымі пытанні, якія і ў 1920-х гг., і ў першай палове 1930-х гг. уяўляліся базіснымі для належнага марксісцкага разумення першабытнасці: эвалюцыя форм сям’і і шлюбнай арганізацыі (пераход ад эндагаміі да экзогаміі), развіццё форм сацыяльнай арганізацыі (матрыярхату і патрыярхату)¹⁰ [27, с. 104–116; 21, с. 75; 22, с. 159–160].

Факталагічную аснову абагульняючага нарыса В. К. Шчарбакова склалі вынікі даследаванняў беларускіх археолагаў 1920-х – пачатку 1930-х гг. Аднак у разглядаемай кнізе адсутнічаюць як прозвішчы навукоўцаў, так і спасылкі на іх публікацыі. Аўтар прывёў канкрэтныя звесткі пра гісторыю вывучэння археалагічных аб’ектаў толькі аднойчы – пры апісанні працэсу атрымання жалеза сырадунным спосабам [10, с. 32]. Такая ўвага да праблематыкі чорнай металургіі можа быць патлумачана тым, што ў 1933 г. В. К. Шчарбакоў выступаў навуковым рэдактарам даследавання А. М. Ляўданскага, прысвечанага гісторыі жалезнага промыслу [28].

Асобныя палажэнні «Нарыса гісторыі Беларусі», напрыклад тэзісы аб абмежаваным выкарыстанні каня ў сельскай гаспадарцы, выдавочна, былі ўзяты з публікацыі Б. А. Рыбакова «Радзімічы» [29, с. 107]. Гэта назіранне заслугоўвае асаблівай увагі ў сувязі з тым, што ў другой сваёй манаграфіі 1934 г. В. К. Шчарбакоў назваў працу Б. А. Рыбакова «работай, якая цал-

⁵ З пратакола допыту першага дэкана гістфака БДУ Шчарбакова Васіля Карпавіча // *История создания и становления университета* [Электронный ресурс]. URL: <https://time.bsu.by/ru/bsu-hist/bsu-history/1921-1941/ispytaniya-1930-1941/arkhivnye-dokumenty/552-3-pratakola-dopytu-pershaga-dekana-gistfaka-bdu-shchchar-bakova-vasilya-karpavicha.html> (дата звароту: 12.04.2020).

⁶ *Покровский М. Н.* Русская история в самом сжатом очерке : учебник. 4-е изд. М. : Партиздат, 1933. С. 17–19.

⁷ *Кушнер (Кнышев) И.* Очерк развития общественных форм : учеб. пособие для комвузов, вузов и совпартшкол. 7-е изд., стер. М. : Изд-во Ком. ун-та им. Я. М. Свердлова, 1929. 630 с.

⁸ Там же. С. 136–138, 157–163.

⁹ Там же. С. 213–242.

¹⁰ Там же. С. 145–157, 163–174.

кам прасякнутая буржуазнымі метадалагічнымі ўстаноўкамі, якая і сваім матэрыялам, і сваімі абагульненнямі падмацоўвае палажэнні нацдэмаўскай схемы гістарычнага развіцця Беларусі» [30, с. 104].

Не з'яўляючыся спецыялістам у галіне археалогіі, аўтар «Нарыс гісторыі Беларусі» даволі вольна абыходзіўся з даступнымі яму данымі. Напрыклад, даючы пералік катэгорый археалагічных артэ-фактаў, выяўленых на верхнепалеалітычных ста-янках краіны, ён згадаў шматлікія касцяныя пры-лады працы [10, с. 26], нягледзячы на тое, што яны на беларускіх помніках не былі знойдзены [31, с. 218–219]. Эпоху бронзавага веку на-вуковец атаясамліваў з «бронзавай культурай» [10, с. 32] – таксонам, які прафесійнымі археолагамі не выкарыстоўваўся.

Заклучэнне

«Нарыс гісторыі Беларусі» В. К. Шчарбакова стаў першай у айчыннай гістарыяграфіі спробай сістэматычнага асвятлення пачаткаў гісторыі нашай краіны ў марксісцкім ключы. Навуковец, на практы-цы рэалізуючы фармацыйны падыход да разгляду мі-нулага, вылучыў перыяд першабытна-камуністычнага грамадства і датаваў яго часам ад 25 тыс. гадоў да н. э. да пачатку 2-га тыс. н. э. У межах гэтай працяглай эпохі, у адпаведнасці з сацыялагічным разуменнем перыядызацыі, былі акрэслены і падрабязна раз-гледжаны тры этапы развіцця дакласавага грамад-ства. Для кожнага са згаданых этапаў В. К. Шчарбакоў прапанаваў гістарычныя рэканструкцыі, якія ўлічвалі дасягненні першабытнай і раннесярэднявековай археалогіі Беларусі. Разам з тым аўтар не ставіў перад сабой мэты падрыхтоўкі паўнаважнай археалагічнай публікацыі. Ствараючы сінтэтычны агляд гісторыі Беларусі, ён уключыў у яго толькі некаторыя тэмы, да-тычныя археалогіі, пры гэтым дапусціў шэраг фактыч-ных памылак і недакладнасцей. Метадалагічныя па-дыходы В. К. Шчарбакова да вывучэння старажытнасці знаходзіліся ў рэчышчы тэарэтычных распрацовак са-вецкай гістарычнай навукі 1920-х – пачатку 1930-х гг. і на момант выхаду кнігі ўжо страцілі сваю актуаль-насць.

Тэкст раздзела, прысвечанага першабытна-ка-муністычнаму грамадству, дапаўняўся ілюстрацыямі. Апублікаваўшы выявы археалагічных помнікаў і артэфактаў В. К. Шчарбакоў, не прывёў спасылак на выкарыстаную літаратуру. Тым не менш можна вызначыць, што асноўнай крыніцай ілюстраваных матэрыялаў з'яўляліся тры тамы прац археалагічнай камісіі (секцыі археалогіі Беларускай акадэміі на-вук). Малюнкi былі ўзяты з артыкулаў С. М. Замятніна [32, табл. 1, 4, 6, 7; табл. 2, 18], К. М. Палікарповіча [33, табл. 2, 19, табл. 8, 7, табл. 11, 7, 9, табл. 17, 9, 19], А. М. Ляўданскага [34, мал. 12; 35, мал. 10] і інш. Так-сама ў якасці ілюстрацыі была выкарыстана рэпра-дукцыя вядомага роспісу залы Гістарычнага музея ў Маскве аўтарства В. М. Васняцова «Каменны век. Паляванне на маманта» [10, с. 26].

З аднаго боку, у сярэдзіне – другой палове 1930-х гг. тэорыя першабытнага камунізму неаднаразова выкарыстоўвалася беларускімі даследчыкамі. Так, ва ўжо адзначанай праграме па ўніверсітэцкім курсе «Гісторыя дакласавага грамадства» А. М. Ляўданскі суаднёс асноўныя археалагічныя эпохі з пэўнымі стадыямі «першабытна-камуністычнай (архаічнай) фармацыі» [1, с. 17–18]. Асобныя палажэнні кан-цэпцыі паўтараліся ў артыкуле, прысвечаным праблемам старажытнай гісторыі Беларусі, які быў апублікаваны ў 1938 г. групай супрацоўнікаў Інстытута гісторыі Беларускай акадэміі навук пад рэ-дакцыяй М. М. Нікольскага [36, с. 167, 169, 173–174]. З іншага боку, публікацыі канца 1930-х гг. нельга разглядаць у кантэксце далейшага развіцця напра-цовак беларускага марксісцкага гісторыка. «Нарыс гісторыі Беларусі», напісаны ў сціслыя тэрміны, амаль так жа хутка ўслед за сваім аўтарам на доўгія дзесяцігоддзі трапіў у нябыт.

Разгляд дагістарычнага мінулага, здзейснены В. К. Шчарбаковым, варта ўспрымаць як адметны феномен сваёй эпохі. Яго вывучэнне з'яўляецца істотным чыннікам лепшага разумення гісторыі беларускай археалагічнай і гістарычнай думкі між-ваеннага часу.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Зуева АУ, Курловіч-Бяляўская ПС. А. М. Ляўданскі і Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт. У: Ляўко ВМ, рэдактар. *Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Выпуск 26. Вынікі даследаванняў першабытных і сярэднявековых помнікаў на тэры-торыі Беларусі (да 120-годдзя з дня нараджэння А. М. Ляўданскага)*. Мінск: Беларуская навука; 2015. с. 15–19.
2. Прохоров АА, Яновский ОА, Назаренко АМ, составители. *Исторический факультет БГУ. 80 лет*. Минск: БГУ; 2014. 155 с.
3. Лінднэр Р. *Гісторыкі і ўлада: нацыятворчы працэс і гістарычная палітыка ў Беларусі XIX–XX стст.* 2-е выданне. Санкт-Пецярбург: Неўскі прасцяг; 2005. 540 с.
4. Белозорович ВА. Концепция истории Беларуси в трудах В. К. Щербакова. В: Король АД, редактор. *История и историография: объективная реальность и научная интерпретация*. Минск: БГУ; 2018. с. 5–9.
5. Карев ДВ. *Белорусская историография и формирование исторического сознания белорусов в 1914–1945 гг. (основ-ные тенденции развития в геополитическом контексте эпохи)*. Гродно: ЮрСаПринт; 2016. 112 с.

6. Яновский ОА. Василий Карпович Щербаков. Организатор исторического образования в Беларуси. В: Абламейко СВ, редактор. *Интеллектуальная элита Беларуси. Основоположники белорусской науки и высшего образования (1919–1941 гг.)*. Минск: БГУ; 2017. с. 197–209.
7. Генинг ВФ. *Очерки по истории советской археологии*. Киев: Наукова думка; 1982. 227 с.
8. Формозов АА. *Русские археологи в период тоталитаризма: Историографические очерки*. Москва: Знак; 2006. 344 с.
9. Алымов СС. П. И. Кушнер и развитие советской этнографии в 1920–1950-е гг. Москва: ИЭА; 2006. 278 с.
10. Шчарбакоў ВК. *Нарыс гісторыі Беларусі. Частка 1*. Мінск: Выдавецтва Беларускай акадэміі навук; 1934. 240 с.
11. Хроніка. Над чым працавалі інстытуты БелАН у 1934 г. *Запіскі Беларускай акадэміі навук*. 1935;4:181–186.
12. Тер-Акопян НБ. К истории термина и понятия «первобытный коммунизм». В: Чиколини ЛС, редактор. *История социалистических учений: сб. статей*. Москва: Издательство АН СССР; 1986. с. 3–25.
13. Бромлей ЮВ, редактор. *История первобытного общества. Том 1. Общие вопросы. Проблемы антропосоциогенеза*. Москва: Наука; 1983. 432 с.
14. Семенов ЮИ. О первобытном коммунизме, марксизме и сущности человека. *Этнографическое обозрение*. 1992;3:31–46.
15. Цеунов И. Поняття «первісний комунізм» у радянській археології 20–30-х рр. XX ст. В: Гурьянов ВН, Мищенко ТА, Чубур АА, Шинаков ЕА, Щеглова ОА, редакторы. *Древности Средне-Западной России и сопредельных территорий. Материалы XXXII международной студенческой археолого-этнологической конференции; 21–23 мая 2016 г.; Брянск, Россия*. Брянск: РИО БГУ; 2016: 86–94.
16. Клейн ЛС. *Феномен советской археологии*. Санкт-Петербург: Фан; 1993. 128 с.
17. Метель ОВ. О пользе истории докапиталистических формаций для социалистического строительства: дискуссия о первобытном коммунизме в советской историографии. *Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки*. 2018;1:272–282.
18. Каценбоген СЗ. *Первобытный человек. Опыт социологического анализа этнографического романа Рене Марана «Батуала»*. Минск: Белтрестпечать; 1923. 50 с.
19. Никольский НМ. Как я работал над стабильным учебником древней истории. *Народный учитель*. 1933;4:114–116.
20. Панкратова А. Развитие исторических взглядов М. Н. Покровского. В: Греков Б, Бушуев С, Лебедев В, редакторы. *Против исторической концепции М. Н. Покровского. Часть 1*. Москва: Академия наук СССР; 1939. с. 5–69.
21. Равдоникас ВИ. О периодизации истории доклассового общества. *Проблемы истории докапиталистических обществ*. 1934;7–8:72–87.
22. Равдоникас ВИ. Маркс – Энгельс и основные проблемы доклассового общества. В: Марр Н, Пригожин А, редакторы. *Карл Маркс и проблемы истории докапиталистических формаций. Сборник к 50-летию со дня смерти Карла Маркса*. Москва: Огиз, 1934. с. 118–216. (Известия Государственной академии истории материальной культуры; выпуск 90).
23. Першиц АИ, Итина МА. С. П. Толстов – этнограф, археолог, востоковед. *Этнографическое обозрение*. 1997;1:14–23.
24. Маторин НМ, редактор. *Первобытное общество*. Москва: Журнально-газетное объединение; 1932. 256 с.
25. Гуковский А. П. И. Кушнер. Очерк развития общественных форм. *Историк-марксист*. 1927;4:233–235.
26. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. В: Маркс К, Энгельс Ф. *Собрание сочинений. Том 21*. 2-е издание. Москва: Госполитиздат; 1961. с. 28–178.
27. Ефименко ПП. Маркс и проблемы древнейшего периода первобытнокоммунистического общества. В: Марр Н, Пригожин А, редакторы. *Карл Маркс и проблемы истории докапиталистических формаций. Сборник к 50-летию со дня смерти Карла Маркса*. Москва: Огиз; 1934. с. 91–117. (Известия Государственной академии истории материальной культуры. Выпуск 90).
28. Ляўданскі АН. Да гісторыі жалезнага промыслу на Палесіі: Рудні і месцазнаходжаньні руды. У: Шчарбакоў ВК, рэдактар. *Працы палескай экспедыцыі. Выпуск 2*. Мінск: [б. в.]; 1933. 40 с.
29. Рыбакоў БА. Радзімічы. *Працы секцыі археалогіі Беларускай акадэміі навук*. 1932;3:81–151.
30. Шчарбакоў ВК. *Класавая барацьба і гістарычная навука на Беларусі*. Мінск: Выдавецтва Беларускай акадэміі навук; 1934. 105 с.
31. Палікарповіч КМ. Палеоліт і мэзоліт БССР і некаторых суседніх краін Верхняга Падняпроўя. *Працы секцыі археалогіі Беларускай акадэміі навук*. 1932;3:218–221.
32. Замятнін СМ. Раскопкі Бердыскай палеалітычнай стаянкі ў 1927 г. *Запіскі аддзела гуманітарных навук. Працы Археалёгічнай камісіі*. 1930;2(11):479–490.
33. Палікарповіч КМ. Дагістарычныя стаянкі сярэдняга Сажа. Матар’ялы абследаванняў 1927 г. *Запіскі аддзела гуманітарных навук. Працы Археалагічнай камісіі*. 1930;2(11):383–478.
34. Ляўданскі АН. Археалёгічныя раскопкі ў м. Заслаўі Менскай акругі. *Запіскі аддзела гуманітарных навук. Працы кафедры археалогіі*. 1928;1(5):1–92.
35. Ляўданскі АН. Курганныя магільнікі каля в. Чаркасова Аршанскае акругі. *Запіскі аддзела гуманітарных навук. Працы Археалёгічнай камісіі*. 1930;2(11):57–70.
36. Никольский НМ. Проблемы древней истории Белоруссии. *Вестник древней истории*. 1938;1:164–175.

References

1. Zuyeva AU, Kurlovich-Bialiauskaya PS. A. M. Liaudanski and the Belarusian State University. In: Liauko VM, editor. *Materials on the archaeology of Belarus. Volume 26. The results of investigations of the prehistoric and medieval archeological sites on the territory of Belarus (to the 120th anniversary of the birth of A. M. Levitskiy)*. Minsk: Belaruskaja navuka; 2015. p. 15–19. Belarusian.
2. Prokhorov AA, Yanovsky OA, Nazarenko AM, compilers. *The BSU faculty of history. 80th anniversary*. Minsk: Belarusian State University; 2014. 155 p. Russian and English.

3. Lindnjer R. *Gistoryki i wlada: nacyjatvorchy pracjes i gistorychnaja palityka w Belarusi XIX–XX stst.* [Historians and authorities: the nation-making process and historical politics in Belarus in the 19th and 20th centuries]. 2nd edition. Saint Petersburg: Newski prascjag; 2005. 540 p. Belarusian.
4. Belozorovich VA. [The concept of the history of Belarus in the works of V. K. Shcherbakov]. In: Korol AD, editor. *Istoriya i istoriografiya: ob'ektivnaya real'nost' i nauchnaya interpretatsiya* [The history and historiography: objective reality and scientific interpretation]. Minsk: Belarusian State University; 2018. p. 5–9. Russian.
5. Karev DV. *Belorusskaya istoriografiya i formirovanie istoricheskogo soznaniya belorusov v 1914–1945 gg. (osnovnye tendentsii razvitiya v geopoliticheskom kontekste epokhi)* [Belarusian historiography and the formation of the historical consciousness of Belarusians in 1914–1945 (main development trends in the geopolitical context of the era)]. Hrodna: YurSaP-rint; 2016. 112 p. Russian.
6. Yanovskii OA. [Vasilii Karpovich Shcherbakov. The organizer of the historical education in Belarus]. In: Ablameiko SV, editor. *Intellektualnaya elita Belarusi. Osnovopolozhniki belorusskoi nauki i vysshego obrazovaniya* [Intellectual elite of Belarus. The founders of Belarusian science and higher education (1919–1941)]. Minsk: Belarusian State University; 2017. p. 197–209. Russian.
7. Gening VF. *Ocherki po istorii sovetskoj arheologii* [Essays on the history of Soviet archaeology]. Kyiv: Naukova dumka; 1982. 227 p. Russian.
8. Formozov AA. *Russkie arkeologi v period totalitarizma: istoriograficheskie ocherki* [Russian archaeologists in the period of totalitarianism: historiographical essays]. Moscow: Znack; 2006. 344 p. Russian.
9. Alymov SS. *P. I. Kushner i razvitie sovetskoj etnografii v 1920–1950-e gg.* [P. I. Kushner and the development of Soviet ethnography in the 1920–50s]. Moscow: IEA; 2006. 278 p. Russian.
10. Shcherbakou VK. *Narys gistoryi Belarusi. Chastka 1* [The essay on the history of Belarus. Part 1]. Minsk: Publishing House of the Belarusian Academy of Sciences; 1934. 240 p. Belarusian.
11. [The Chronicle. What the institutes of Belarusian Academy of Sciences worked on in 1934]. *Zapiski Belaruskaj akademii navuk.* 1935;4:181–186. Belarusian.
12. Ter-Akopjan NB. [To the history of the term and concept of «primitive communism»]. In: Chikolini LS, editor. *Istoriya sotsialisticheskikh uchenii* [The history of socialist doctrines]. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of USSR; 1986. p. 3–25. Russian.
13. Bromlei YuV, editor. *Istoriya pervobytnogo obshchestva. Tom 1. Obshchie voprosy. Problemy antroposotsiogeneza* [The history of primitive society. Volume 1. General issues. Problems of anthroposociogenesis]. Moscow: Nauka; 1983. 432 p. Russian.
14. Semenov YuI. [About primitive communism, Marxism and the essence of man]. *Etnograficheskoe obozrenie.* 1992;3:31–46. Russian.
15. Tseunov I. [The concept of «primitive communism» in Soviet archaeology of the 20–30s of the 20th century]. In: Gur'yanov VN, Mishchenko TA, Chubur AA, Shinakov EA, Shcheglova OA, editors. *Drevnosti Sredne-Zapadnoi Rossii i so-predel'nykh territorii. Materialy XXXII mezhdunarodnoi studencheskoi arkeologo-etnologicheskoi konferentsii; 21–23 maya 2016 g.; Bryansk, Rossiya* [Antiquities of the Middle-Western Russia and adjacent territories. Proceedings of the International student archeological and ethnological conference; 2016 May 21–23]. Bryansk: Editorial and publishing department, Bryansk State University; 2016: 86–94. Ukrainian.
16. Klein LS. *Fenomen Sovetskoi arkeologii* [The phenomenon of Soviet archaeology]. Saint Petersburg: Farn; 1993. 128 p. Russian.
17. Metel OV. The benefits of the history of pre-capitalist formations to the socialist construction: the discussion on the primitive communism in the Soviet historiography. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki.* 2018;1:272–282. Russian.
18. Katsenbogen SZ. *Pervobutnyi chelovek. Opyt sotsiologicheskogo analiza etnograficheskogo romana Rene Marana «Batuala»* [Primitive man. The experience of sociological analysis of the ethnographic novel of Rene Maran «Batuala»]. Minsk: Beltrestpechat'; 1923. 50 p. Russian.
19. Nikolskij NM. [How I worked on a stable textbook of ancient history]. *Narodnyi uchitel'.* 1933;4:114–116. Russian.
20. Pankratova A. [The development of historical views of M. N. Pokrovsky]. In: Grekov B, Bushuyev S, Lebedev V, editors. *Protiv istoricheskoi kontseptsii M. N. Pokrovskogo. Chast' 1* [Against the historical concept of M. N. Pokrovsky. Part 1]. Moscow: Academy of Sciences of USSR; 1939. p. 5–69. Russian.
21. Ravdonikas VI. [About the periodization of the history of pre-class society]. *Problemy istorii dokapitalisticheskikh obshchestv.* 1934;7–8:72–87. Russian.
22. Ravdonikas VI. [Marx – Engels and the main problems of pre-class society]. In: Marr N, Prigozhin A, editors. *Karl Marks i problemy istorii dokapitalisticheskikh formatsii. Sbornik k 50-letiyu so dnya smerti Karla Marksa* [Karl Marx and the problems of the history of pre-capitalist formations: a collection for the 50th anniversary of the death of Karl Marx]. Moscow: Ogiz; 1934. p. 118–216. (State Academy of History of Material Culture news; volume 90). Russian.
23. Pershits AI, Itina MA. [S. P. Tolstov is ethnographer, archaeologist, orientalist]. *Etnograficheskoe obozrenie.* 1997;1:14–23. Russian.
24. Matorin NM, editor. *Pervobytnoye obshchestvo* [Primitive society]. Moscow: Zhurnal'no-gazetnoe ob'edinenie; 1932. 256 p. Russian.
25. Gukovskii A. [P. I. Kushner. Essay on the development of social forms]. *Istoriik-marksist.* 1927;4:233–235. Russian.
26. Engels F. [The origin of the family, private property, and the state]. In: Marx K, Engels F. *Sobranie sochinenii. Tom 21* [Collection of the works. Volume 21]. 2nd edition. Moscow: Gospolitizdat; 1961. p. 28–178. Russian.
27. Efimenko PP. [Marx and the problems of the most ancient period of the primitive communist society]. In: Marr N, Prigozhin A, editors. *Karl Marks i problemy istorii dokapitalisticheskikh formatsii. Sbornik k 50-letiyu so dnya smerti Karla Marksa* [Karl Marx and the problems of the history of pre-capitalist formations: a collection for the 50th anniversary of the death of Karl Marx]. Moscow: Ogiz; 1934. p. 91–117. (State Academy of History of Material Culture news; volume 90). Russian.

28. Ljudanski AN. [To the history of the iron industry in Polesie: «Rudnya» and ore locations]. In: Shcharbakou VK, editor. *Pracy paleskaj ekspedycyi. Vypusk 2* [Works of the Polesie expedition. Volume 2]. Minsk: [s. n.]; 1933. 40 p. Belarusian.
29. Rybakou BA. [Radimichi]. *Pracy sekcyi arhealogii Belaruskaj Akadzemii navuk*. 1932;3:81–151. Belarusian.
30. Shcharbakou VK. *Klasavaja barac'ba i gistorychnaja navuka na Belarusi* [Class struggle and historical science in Belarus]. Minsk: Publishing House of the Belarusian Academy of Sciences; 1934. 105 p. Belarusian.
31. Palikarpovich KM. [Paleolithic and Mesolithic of the BSSR and some adjacent countries of the Upper Dnieper]. *Pracy sekcyi arhealogii Belaruskaj Akadzemii navuk*. 1932;3:218–221. Belarusian.
32. Zamiatnin SM. [Excavations of the Berdyzh Paleolithic site in 1927]. *Zapiski addzela gumanitarnykh navuk. Pracy Arhealogichnaj komisii*. 1930;2(11):479–490. Belarusian.
33. Palikarpovich KM. [Prehistoric sites of the Middle Sozh River. Materials of Survey in 1927]. *Zapiski addzela gumanitarnykh navuk. Pracy Arhealogichnaj komisii*. 1930;2(11):383–478. Belarusian.
34. Ljudanski AN. [Archaeological excavations in Zaslavl' of Minsk district]. *Zapiski addzela gumanitarnykh navuk. Pracy kafedry arhealogii*. 1928;1(5):1–92. Belarusian.
35. Ljudanski AN. [Burial mound cemetery near the village Charkasova in Orsha District]. *Zapiski addzela gumanitarnykh navuk. Pracy Arhealogichnaj komisii*. 1930;2(11):57–70. Belarusian.
36. Nikolskij NM. [Problems of the ancient history of Belorussia]. *Vestnik drevnei istorii*. 1938;1:164–175. Russian.

Артыкул паступіў у рэдкалегію 07.05.2020.

Received by editorial board 07.05.2020.

АРХЕОЛОГИЯ

АРХЕАЛОГІЯ

ARCHAEOLOGY

УДК 903.25:739.2(476.5)

КЛАД ВИСОЧНЫХ КОЛЕЦ ИЗ ГОРОДИЩА БОРОНИКИ (ВИТЕБСК)

В. Н. ТАРАСЕВИЧ¹⁾, В. М. ВАСИЛЬЕВ²⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

²⁾Национальный исторический музей Республики Беларусь, ул. К. Маркса, 12, 220030, г. Минск, Беларусь

Исследуются два височных кольца, которые являются частью клада из городища Бороники (Витебск) и хранятся в Национальном историческом музее Республики Беларусь. Отсутствие прямых аналогий и обстоятельства нахождения вещей позволили Г. В. Штыхову очень приблизительно датировать этот комплекс, поэтому цель исследования – уточнение датировки клада. Высказано предположение, что это можно сделать на основе анализа стилистических особенностей колец и таким образом очертить круг традиций, которые могли повлиять на их создание. Установлено, что орнаментальные мотивы, использовавшиеся при изготовлении колец из Бороников, были широко распространены в лесной и лесостепной зонах Центральной и Восточной Европы во время Великого переселения народов. Сделан вывод, что кольца можно датировать промежутком времени с конца V до конца VII – начала VIII в. Результаты исследования могут быть использованы в качестве источника для реконструкции женского ювелирного убора населения Белорусского Подвинья второй половины 1-го тыс. н. э.

Ключевые слова: височные кольца; клад; женский убор; трапезиевидные подвески; спиральная обмотка; очко-видные подвески.

Образец цитирования:

Тарасевич ВМ, Васильев ВМ. Скарб скроневых кольцаў з гарадзішча Баронікі (Віцебск). *Часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Гісторыя*. 2020;3:64–71.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2020-3-64-71>.

For citation:

Tarasevich VN, Vasiliev VM. The hoard of temple rings from the hillfort of Baroniki (Viciebsk). *Journal of the Belarusian State University. History*. 2020;3:64–71. Belarusian.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2020-3-64-71>.

Авторы:

Виктория Николаевна Тарасевич – аспирантка кафедры археологии и специальных исторических дисциплин исторического факультета. Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор А. А. Егорейченко.
Василий Михайлович Васильев – научный сотрудник отдела археологии, нумизматики и оружия.

Authors:

Victoryia N. Tarasevich, postgraduate student at the department of archeology and special historical disciplines, faculty of history.
vikinghouse@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2106-1382>
Vasily M. Vasiliev, researcher at the department of archeology, numismatics and weaponry.
vasilyev_mus@mail.ru

СКАРБ СКРОНЕВЫХ КОЛЬЦАЎ З ГАРАДЗІШЧА БАРОНІКІ (ВІЦЕБСК)

В. М. ТАРАСЕВИЧ^{1*}, В. М. ВАСІЛЬЕЎ^{2*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

^{2*}Нацыянальны гістарычны музей Рэспублікі Беларусь, вул. К. Маркса, 12, 220030, г. Мінск, Беларусь

Даследуюцца два скроневыя кольцы, якія з'яўляюцца часткай рэчавага скарбу з гарадзішча Баронікі (Віцебск) і захоўваюцца ў Нацыянальным гістарычным музеі Рэспублікі Беларусь. Адсутнасць дакладных аналогій і абставіны знаходкі рэчаў дазволілі Г. В. Штыхаву вельмі прыкладна датаваць гэты комплекс, таму мэта даследавання – удакладненне датавання скарбу. Выказана меркаванне, што гэта можна зрабіць на падставе аналізу стылістычных асаблівасцей кольцаў і такім чынам акрэсліць традыцыі, якія маглі паўплываць на іх стварэнне. Устаноўлена, што арнаментальныя матывы, выкарыстаныя пры вырабе кольцаў з Баронікаў, былі шырока распаўсюджаны ў лясной і лесастэпавай зонах Цэнтральнай і Усходняй Еўропы ў часы Вялікага перасялення народаў. Зроблена выснова, што кольцы можна датаваць прамежкам часу ад канца V да канца VII – пачатку VIII ст. Вынікі даследавання могуць быць выкарыстаны як крыніца для рэканструкцыі жаночага ювелірнага ўбору насельніцтва Беларускага Падзвіння другой паловы I-га тыс. н. э.

Ключавыя словы: скроневыя кольцы; скарб; жаночы ўбор; трапецападобныя падвескі; спіральная абмотка; акулярападобныя падвескі.

THE HOARD OF TEMPLE RINGS FROM THE HILLFORT OF BARONIKI (VICIEBSK)

V. N. TARASEVICH^a, V. M. VASILIEV^b

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

^bNational Historical Museum of the Republic of Belarus, 12 Karl Marx Street, Minsk 220030, Belarus

Corresponding author: V. N. Tarasevich (vikinghouse@mail.ru)

The article is devoted to two temple rings, which are a part of the hoard from the hillfort of Baroniki (Viciebsk). Temple rings are now kept in the National Historical Museum of the Republic of Belarus. The absence of direct analogies and the circumstances of finding of things allowed G. V. Shtyhau to date this complex very approximately. Therefore, the aim of the research is to clarify the dating of the hoard. According to the authors, this can be done on the basis of the analysis of the stylistic features of the appearance of the rings and, thus, to identify traditions that could affect their creating. It was established that the «ornamental motifs» used in the making of rings from Baroniki were widespread in the forest and forest steppe zones of Central and Eastern Europe during the Migration Period. Due to this, the rings can be dated from the end of the 5th century to the end of the 7th – beginning of the 8th century. The results of the research can be used as a source for the reconstruction of the women's jewelry attire of the population of the Belarusian Dzvinia Region in the second half of the 1st millennium AD.

Keywords: temple rings; hoard; female attire; trapezoidal pendants; spiral winding; eyeglasses-shaped decor.

Уводзіны

У экспазіцыі Нацыянальнага гістарычнага музея Рэспублікі Беларусь (НГМ РБ) выстаўлены два незвычайныя скроневыя кольцы. Яны былі знойдзены ў 1965 г. падчас археалагічных раскопак гарадзішча Баронікі, якія праводзіліся экспедыцыяй Інстытута гісторыі Акадэміі навук БССР пад кіраўніцтвам Г. В. Штыхава і з'яўляюцца часткай скарбу, што складаўся з трох кольцаў. Гарадзішча знаходзіцца за 5 км ад Ніжняга замка ў Віцебску на левым беразе р. Лучосы (мал. 1).

У паўночна-ўсходняй частцы гарадзішча Г. В. Штыхаў заклаў шурф памерам 1 × 1 м, у цэнтры якога «на глыбіні 0,3–0,4 м... пад дзірваном былі зной-

дзены тры скроневыя кольцы»¹ (тут і далей пераклад наш. – В. Т., В. В.). Абставіны знаходкі кольцаў падштурхоўваюць да думкі, што гэта скарб: «Усе тры кольцы ляжалі разам такім чынам, што ў мяне скла-лася ўражанне аб знаходцы скарбу»². Для высвятлення абставін залягання кольцаў шурф пашырылі да памераў 4 × 4 м. У ім былі выяўлены дзве клінападобныя сякеры, кераміка днепра-дзвінскай культуры, нож з гарбатай спінкай, бочкападобнае праселка і венца гаршка, блізкага да «керамікі з гарадзішча Замкавая гара каля в. Дзядзілавічы на Барысаўшчыне»³, што належыць да банцараўскай культуры.

¹Штыхов Г. В. Отчет об археологических исследованиях в Витебской области и Логойске в 1965 г. // Центр. науч. арх. Нац. акад. наук Беларуси (ЦНА НАН Беларуси). Фонд археол. науч. документации (ФАНД). Оп. 1. Д. 259. С. 17.

²Там же.

³Там же. С. 19.



Мал. 1. Гарадзішча Баронікі на плане г. Віцебска
Fig. 1. Hillfort Baroniki on the plan of Viciebsk

Згодна са справаздачай Г. В. Штыхава, у шурфе не было зафіксавана ніякіх стратыграфічных праслоек, аднак, калі зыходзіць з яго высноў, на гарадзішчы прысутнічаюць два культурна-храналагічныя гарызонты: першы звязаны з днепра-дзвінскай культурай, другі – з керамікай трэцяй чвэрці 1-га тыс. н. э. У справаздачы, на жаль, няма чарцяжоў, якія тычацца гэтага шурфа, таму можна вельмі ўмоўна казаць пра абставіны залягання асобных артэфактаў і іх узаемазвяззі. Гэта дазваляе абапірацца на меркаванне Г. В. Штыхава, паводле якога скарб быў схаваны на фінальным этапе існавання гарадзішча, што, аднак, не выключае, што ён мог трапіць туды і пасля спынення актыўнага выкарыстання гарадзішча. Асноўнай праблемай у датаванні дадзенага комплексу якраз і з’яўляецца яго невідавочная сувязь з археалагічным кантэкстам, таму аўтар раскопак вызначыў час яго паходжання вельмі ўмоўна VII–IX стст.

У 1986 г. у фонды НГМ РБ (тады – Дзяржаўны музей БССР) з трох выяўленых кольцаў былі пера-

дадзены два (прыняты як дзве адзінкі з уліковымі нумарамі КП 40441/1 (далей – кольца 1) і КП 40441/2 (далей – кольца 2)).

Трэба адзначыць, што гэты скарб ніколі не ўводзіўся ў навуковы ўжытак як цэлы комплекс. Адзін прадмет (кольца 3) быў замалёваны, гэты малюнак прыкладзены да навуковай справаздачы Г. В. Штыхава за 1965 г.⁴, ён жа прыведзены ў артыкуле навукоўца за 1966 г. [1, с. 240, рис. 3, 2]. Малюнак кольца 3 таксама публікаваўся ў энцыклапедыі «Археалогія Беларусі»⁵; фота кольца 1 – у каталозе Дзяржаўнага музея БССР⁶, энцыклапедыі «Археалогія і нумізматыка Беларусі»⁷. Кольцы з Баронікаў згадваюцца ў кнізе В. І. Шадыры [2, с. 68]. У альбоме НГМ РБ апублікаваны выявы кольцаў 1 і 2⁸. Да кольца 2 прымацаваны бі-С-падобны трымальнік з трапецападобнымі падвескамі з іншага помніка (гарадзішча Язна Міёрскага раёна Віцебскай вобласці).

Такім чынам, у фондах НГМ РБ захоўваюцца два з трох знойдзеных Г. В. Штыхавым кольца. На мо-

⁴Штыхов Г. В. Отчет об археологических исследованиях в Витебской области и Логойске в 1965 г. // Центр. науч. арх. Нац. акад. наук Беларуси (ЦНА НАН Беларуси). Фонд археол. науч. документации (ФАНД). Оп. 1. Д. 259. Рис. 11.

⁵Штыхаў Г. В. Баронікі // Археалогія Беларусі : энцыклапедыя : у 2 т. Т. 1 / рэдкал.: Т. У. Бялова (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск, 2009. С. 88.

⁶Дзяржаўны музей БССР : каталог / уклад.: І. П. Загрышаў, С. А. Мілючэнкаў. Мінск : Беларусь, 1986. Мал. 38.

⁷Штыхаў Г. В. Баронікі // Археалогія і нумізматыка Беларусі : энцыклапедыя / рэдкал.: В. В. Гетаў і інш. Мінск, 1993. С. 75.

⁸Нацыянальны гістарычны музей Рэспублікі Беларусь : альбом / уклад.: Н. У. Калымага, А. І. Ладзісаў. Мінск : А. А. Аляксееў, 2015. С. 88, мал. 62, 63.

мант іх знаходкі прамых аналогій выяўлена не было. У сувязі з гэтым адказаць на пытанні пра этнакультурную прыналежнасць і храналогію скарбу складана. Аднак Г. В. Штыхаў папярэдне аднёс іх да старажытнасцей балтаў⁹.

Мы сутыкаемся з наступнай **проблемай**: дадзены комплекс цяжка звязаць з пэўным археалагічным кантэкстам, таму гэта ўскладняе яго датаванне. Адсутнасць прамых аналогій не дазваляе надзейна адносіць гэтыя кольца да нейкай культурнай традыцыі.

Мэтай даследавання з'яўляецца ўдакладненне датавання скарбу скроневых кольцаў з гарадзішча Баронікі. Аўтары ставяць перад сабой **задачу** на падставе стылістычных асаблівасцей акрэсліць кола тра-

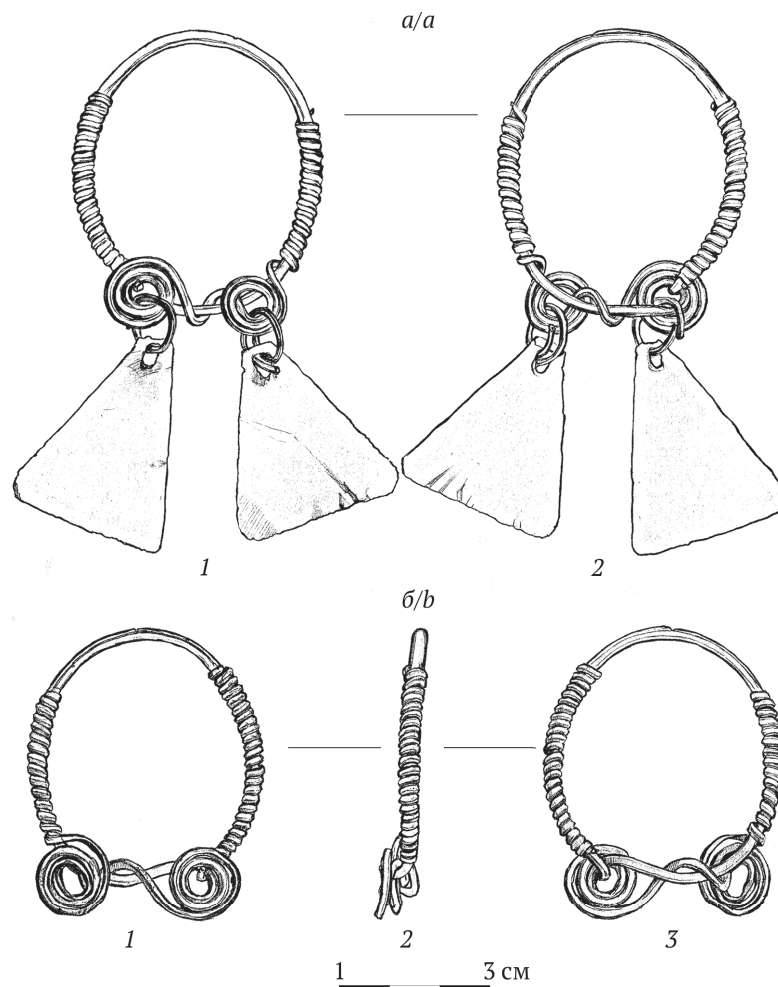
дыцый, якія маглі паўплываць на выгляд кольцаў, што, у сваю чаргу, дапаможа больш дакладна іх датаваць.

Скарб скроневых кольцаў з гарадзішча Баронікі дазваляе пашырыць базу крыніц па жаночых упрыгажэннях другой паловы 1-га тыс. н. э. Дадзеныя кольца змешчаны ў экспазіцыі «Старажытная Беларусь» НГМ РБ, у вітрыне, прысвечанай жалезнаму веку. Вынікі даследавання будуць карыснымі пры ўдакладненні атрыбуты прадметаў і карэкцыі экспазіцыі музея. Уведзеныя ў навуковы ўжытак звесткі пра кольца з'яўляюцца крыніцай для рэканструкцыі жаночага строю насельніцтва Беларускага Падзвіння другой паловы 1-га тыс. н. э.

Вынікі і іх абмеркаванне

Кольцы маюць просты, але арыгінальны выгляд (мал. 2). Яны аднолькавыя па стылі і памеры, адзінае адрозненне паміж імі – гэта «арыентацыя» замкоў:

у двух кольцаў правы замок, у аднаго – левы. Кольцы зроблены з суцэльнага дроту рознага дыяметра і сячэння: дужка – з круглага ў сячэнні дроту, які па-



Мал. 2. Кольцы з гарадзішча Баронікі.

Кольца 1 (а): 1 – вонкавы бок, 2 – унутраны бок;
кольца 2 (б): 1 – вонкавы бок, 2 – від з боку, 3 – унутраны бок

Fig. 2. Temple rings from hillfort Baroniki.

Temple ring 1 (a): 1 – outer side, 2 – inner side;
temple ring 2 (b): 1 – outer side, 2 – a view from a side, 3 – inner side

⁹Штыхов Г. В. Отчет об археологических исследованиях в Витебской области и Логойске в 1965 г. С. 19.

танчаецца і ўтварае акульрападобнае ўпрыгажэнне. Далей дрот у папярочным сячэнні набліжаны да трохвугольніка, яго канцом абматана амаль траціна дужкі. Другі канец дужкі загнуты кручком і выконвае функцыю замка разам з адной адтулінай акульрападобнага дэкору. Іншы канец дужкі таксама абматаны дротам, але большай колькасцю віткоў. На тоўстай частцы дроту заўважныя падоўжныя барозны. У акульрападобным дэкоры ўнізе кольцаў замацаваны трапецападобныя падвескі.

Кольца 1 (гл. мал. 2, а) мае вышыню 61,3 мм, шырыню – 50,6 мм; памеры левай спіралі – 19,7 × 19,9 мм (3 віткі), правай – 12,1 × 13,0 мм (3 віткі). Памеры правага кольца для падвешвання трапецападобнай падвескі – 11,6 × 12,7 × 1,5 мм, левага – 12,0 × 13,0 × 1,5 мм. У сячэнні дрот кольцаў для падвешвання трапецападобных падвесак сплюсчаны, уздоўж яго ідзе баразна (магчыма, ад працягвання праз валачыла). Кольцы для падвескі авальнай формы, яны закручаны прыблізна ў паўтара абароту.

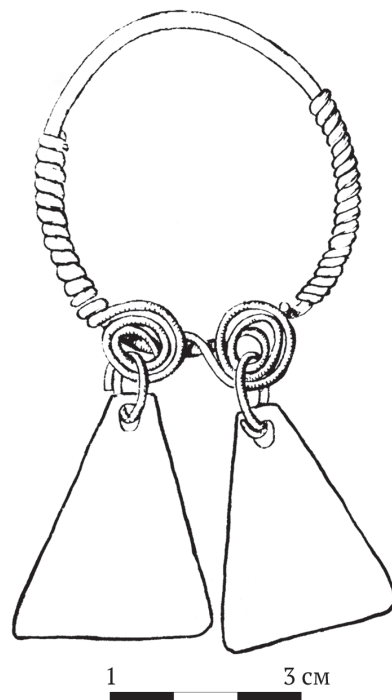
Дыяметр дроту на дужцы зверху – 3 мм. Вышыня левай трапецападобнай падвескі – 41 мм, шырыня яе верхняй часткі – 7,9 мм, ніжняй – 32,5 мм. Вышыня правай трапецападобнай падвескі – 32,3 мм, шырыня яе верхняй часткі – 8 мм, ніжняй – 33,5 мм. Таўшчыня падвесак – 0,4 мм, у верхняй частцы маюцца адтуліны авальнай формы. У верхнім краі, каля адтуліны, трапецападобная падвеска мае «завальцоўку» (загнуты і заплюшчаны верхні край, які рабіўся для большай трываласці падчас выкарыстання). Ніжнія вуглы трапецыі скругленыя.

Кольца 2 (гл. мал. 2, б) мае вышыню 58,2 мм, шырыню – 42,5 мм; памеры левай спіралі – 17,9 × 15,2 × 1,5 мм (4 віткі дроту), правай – 14,3 × 14,0 × 2,0 мм (3 віткі дроту). Дыяметр дроту на дужцы зверху – 2,7 мм.

Кольца 3 таксама мае дзве трапецападобныя падвескі (мал. 3). Выявіць месца яго захавання пакуль не атрымалася.

Кольцы да моманту захавання доўгі час былі ва ўжытку. На іх у акульрападобным дэкоры кожнай спіралі ўнізе маецца заўважная «перацёртасць» дроту. На верхняй дужцы ў кожнага з прадметаў ёсць дзве паралельныя адна адной «баразёнкі» (гл. мал. 2).

У шэрагу публікацый кольцы датуюцца па-рознаму: V–IV стст. да н. э. – у каталозе Дзяржаўнага музея БССР, першай паловай 1-га тыс. н. э. – у альбоме НГМ РБ. У навуковай справаздачы Г. В. Штыхаў адзначаў, што, на думку літоўскіх і латышскіх калег, датаваць гэтыя ўпрыгажэнні магчыма VII–IX стст.¹⁰ У пазнейшых публікацыях даследчык схіляўся да больш вузкіх рамак і суадносіў час з’яўлення гэтых кольцаў з перыядам узнікнення помнікаў ты-



Мал. 3. Кольца 3 з гарадзішча Баронікі.
Крыніца: навуковая справаздача Г. В. Штыхава¹¹
Fig. 3. Temple ring 3 from hillfort Baroniki.
Source: scientific report by G. V. Shtyhaу

пу селішчаў Дзядзілавічы, Калочын і ніжняга слоя Віцебска [1, с. 247].

Падводзячы вынікі сваіх даследаванняў на Бароніках у 2006 г., Г. В. Штыхаў адзначыў наяўнасць трох асноўных керамічных традыцый на гарадзішчы: днепра-дзвінскай, культуры штрыхаванай керамікі і, магчыма, «познезарубінецкай» у тэрміналогіі Л. Д. Побаля [3]. У трэцяй чвэрці 1-га тыс. н. э. гарадзішча выкарыстоўвалася ў якасці сховішча, і прыкладна ў гэты час ці некалькі пазней на пляцоўку гарадзішча трапіў скарб са скроневых кольцаў [3].

У энцыклапедычных артыкулах, прысвечаных гарадзішчу Баронікі, Г. В. Штыхаў датуе скарб VI–VII ці VI–VIII стст.¹² (аднак у подпісе пад фотаздымкам кольца стаіць дата V–IV стст. да н. э.).

Да другой паловы 1-га тыс. н. э. адносіць скроневыя кольцы з Баронікаў В. І. Шадыра, вылучаючы іх у групу III. Даследчык лічыць, што стылістычна гэтыя прадметы нагадваюць серпападобныя скроневыя кольцы з падвескамі культуры смаленска-полацкіх доўгіх курганоў (КСПДК) [2, с. 68].

На сённяшні момант, нягледзячы на спадзяванне Г. В. Штыхава, які меркаваў, што пошук аналогій кольцам з Баронікаў – справа часу, прамыя аналогіі пакуль невядомыя. Такім чынам, пытанне датавання кольцаў застаецца без адказу. Таму аўтары

¹⁰Штыхов Г. В. Отчет об археологических исследованиях в Витебской области и Логойске в 1965 г. Рис. 19.

¹¹Там же. Рис. 11.

¹²Штыхаў Г. В. Баронікі // Археалогія і нумізматыка Беларусі. Мінск, 1993. С. 75 ; Штыхаў Г. В. Баронікі // Археалогія Беларусі. Т. 1. Мінск, 2009. С. 88.

звярнуліся да стылістычных і канструктыўных асаблівасцей кольцаў як магчымага шляху пошуку аналогій.

Спиральная абмотка дужкі кольцаў побач з акулярападобным дэкорам. Нягледзячы на тое што спіраль – вельмі папулярны арнаментальны матыў, бліжэйшымі магчымымі аналогіямі можна лічыць скроневыя кольца, характэрныя для «старажытнасцей антаў» групы I (кольцы з плоскай спіраллю, загнутай унутр), і кольца з пахаванняў культуры ўсходнелітоўскіх курганоў. Узмацняе тыпалагічную роднасць кольцаў з Сярэдняга Падняпроўя і з помнікаў культуры ўсходнелітоўскіх курганоў наяўнасць «нефункцыянальнага» элемента – абмоткі з тонкай металічнай паласы каля спіралі, як, напрыклад, у кольца з г. Дусетаса. Такія кольца датуюцца канцом IV – пачаткам V ст. [4, р. 161, раў. 62].

Падобная абмотка ёсць каля спіральных заканчэнняў і на кольцах з Баронікаў. Спіральная абмотка краёў сустракаецца і на грыўнях, у прыватнасці на грыўні з гарадзішча Вежкі (Дубровенскі раён Віцебскай вобласці)¹³ і на грыўні, якая паходзіць з Гапонаўскага скарбу [5, с. 78, рис. 11, 7; 6, с. 190, рис. 16].

Арнаментальны матыў, блізкі да акулярападобнага дэкору ўнізе на кольцах з Баронікаў, можна заўважыць у двухспіральных акулярападобных упрыгажэннях, да якіх у некаторых выпадках маглі мацавацца трапецападобныя падвескі розных тыпаў. Да разгляду ўпрыгажэнняў з такім дэкорам звярталіся І. А. Гаўрытухін, А. А. Егарэйчанка, Д. Елінкова, В. Е. Радзінкова [6–9].

Існуе два варыянты двухспіральных упрыгажэнняў. Першы – акулярападобныя падвескі, якія маглі быць упрыгажэннем галавы, але, хутчэй за ўсё, ўваходзілі ў склад караляў [6, с. 49]. Такія падвескі маюцца ў складзе скарбаў «старажытнасцей антаў» групы I (Гапонаўскі, Мартынаўскі скарбы), а таксама на тэрыторыі Сярэдняга Падняпроўя і Цэнтральнай Еўропы. Другі варыянт – двухспіральныя падвескі кшталту знойдзенай у грунтовым могільніку Тумяны (Рэспубліка Польшча) у пахаванні 30 [10, с. 322, рис. 19]. Комплекс з гэтага пахавання па пальчатых фібулах магчыма датаваць VII ст. [11, с. 46–48]. Падобныя падвескі знойдзены на паселішчах Растокі (Чэшская Рэспубліка), Гроспруфенінг (Федэратыўная Рэспубліка Германія), Келяры (Рэспубліка Польшча) [8, с. 391, рис. 1, 3, 4]. На тэрыторыі Беларусі такія падвескі выяўлены на гарадзішчы Новае Сяло (Сенненскі раён Віцебскай вобласці), на селішчы Зазоны (Браслаўскі раён Віцебскай вобласці)¹⁴ [12, фото 38]. Хутчэй за ўсё, такія падвескі таксама ўваходзілі ў склад караляў [13, с. 676, гys. 5].

Такім чынам, спіральная абмотка дужкі кольцаў побач з акулярападобным дэкорам у кольцах з Баронікаў стылістычна набліжана да групы I «старажытнасцей антаў». Часам выпадзення скарбаў групы I «старажытнасцей антаў» лічыцца другая – трэцяя чвэрць VII ст., а часам фарміравання жаночага ўбору, прадстаўленага ў гэтых скарбах, – канец VI – першая палова VII ст. [14, с. 246–247]. Другі вектар пошуку магчымых аналогій – гэта тэрыторыя Цэнтральнай Еўропы, дзе двухспіральныя акулярападобныя ўпрыгажэнні датуюцца VI–VII стст.

Трапецападобныя падвескі. Такі элемент упрыгажэнняў вельмі распаўсюджаны і папулярны на тэрыторыі лясной зоны Усходняй і Цэнтральнай Еўропы. Прататыпы трапецападобных падвесак можна знайсці ў зарубінецкай культуры і на тэрыторыі сучаснай Літвы. Для пазнейшага часу (VI–VII стст.) такія падвескі распаўсюдзіліся надзвычайна шырока, ад Верхняй Волгі на паўночным усходзе да сярэдняга Падуняўя на захадзе, у асяроддзі розных этнічных груп: балтаў, фіна-уграў, славян; яны выяўлены на могілніках Аварскага каганата і германскага круга [8, с. 396].

Трапецападобныя падвескі з Баронікаў неарнаментаваныя, па форме набліжаюцца да трохвугольніка. Неарнаментаваная падвеска падобнай формы была знойдзена на селішчы каля гарадзішча Дзядзілавічы (Замкавая гара), якое датуецца трэцяй чвэрцю I-га тыс. н. э.¹⁵ Аналогіі падобным падвескам можна знайсці ў культуры разанска-окскіх курганоў, у мошчынскай культуры, на постгунскіх помніках Верхняга Падоння [15, с. 231, рис. 3, 25–27; 16, с. 236, рис. 5, 3, с. 245, рис. 14, 4; 17, с. 157; 18, с. 298]. Датуюцца такія падвескі шырока: V – пачаткам VII ст. [16, с. 225].

Нягледзячы на іншыя прапорцыі, падвескі з Баронікаў нагадваюць трапецападобныя падвескі КСПДК. Трапецыі гэтай культуры маюць характэрны элемент – «завальцоўку». На падвесках V–VII стст. аўтары гэтай дэталі не заўважылі.

Наяўнасць трапецападобных падвесак на кольцах – з’ява не вельмі частая. Скроневыя кольца з трапецападобнымі падвескамі бытавалі ў асяродку носбітаў культуры КСПДК. Але такія кольца маюць вялікія адрозненні як у тэхналогіі, так і ў знешнім выглядзе. Цікава, што кольца з Баронікаў і кольца КСПДК паходзяць з геаграфічна блізкага рэгіёна. Нельга сцвярджаць, што кольца з Баронікаў – тыпалагічны папярэднік больш позніх кольцаў, але магчыма, што іх вытворцы знаходзіліся пад уплывам падобных эстэтычных традыцый, карані якіх варта шукаць у лясной зоне Усходняй Еўропы.

¹³Каласоўскі Ю. У. Вежкі // Археалогія Беларусі. Т. 1. Мінск, 2009. С. 153–154.

¹⁴Прадмет знаходзіцца ў экспазіцыі вучэбнай лабараторыі музейнай справы гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

¹⁵Митрофанов А. Г. Раскопки в 1962 г. городища и селища на «Замковой горе». Борисовский район // ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. Д. 147. 20 с. + 12 с. ил.

Заклучэнне

Відавочна, што спроба пошуку аналогій, заснаваная толькі на знешнім падабенстве цэлых прадметаў ці іх элементаў, не можа лічыцца дакладным і бясспрэчным спосабам доказу тыпалагічнай блізкасці. Аднак, нягледзячы на тое што тоесныя арнаментальныя матывы ці нейкія знешнія элементы ўпрыгажэнняў маглі з'яўляцца незалежна адно ад аднаго, а эстэтычныя погляды і ювелірныя тэхналогіі развівацца канвергентна, часта здараецца так, што для пэўных эпох на вялікіх тэрыторыях існуе своеасаблівы стыль ці мода. На падставе аналізу стылістычных асаблівасцей кольцаў з гарадзішча Баронікі можна сказаць, што арнаментальныя матывы, выкарыстаныя пры іх вырабе, былі шырока распаўсюджаны ў лясной і лесастэпавай зонах Цэнтральнай і Усходняй Еўропы ў часы Вялікага пера-

сялення народаў. Гэта падабенства можа наблізіць да адказу на пытанне пра магчымую храналогію ўзнікнення скарбу: папярэдне гэта прамежак часу ад канца V да канца VII – пачатку VIII ст.

Адсутнасць прамых аналогій кольцам з Баронікаў можа быць звязана з асаблівасцямі археалагічных крыніц культур Верхняга Падняпроўя і Падзвіння трэцяй чвэрці 1-га тыс. н. э. У матэрыялах паселішчаў гэтага часу ўпрыгажэнні прадстаўлены адзінкавымі знаходкамі ці ў складзе скарбаў. Пахаванні звычайна безынвентарныя. На тэрыторыі Верхняга Падняпроўя і Падзвіння скроневыя кольцы сустракаюцца ў складзе скарбаў (напрыклад, Клішына, Дзямідаўка, Вежкі). Кольцы з Баронікаў пашыраюць уяўленні пра жаночы ювелірны ўбор трэцяй чвэрці 1-га тыс. н. э.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Штыхов ГВ. Сравнительное изучение древнейших городов Полоцкой земли и памятников их окрестностей. В: Исаенко ВФ, редактор. *Древности Белоруссии. Материалы конференции по археологии Белоруссии и смежных территорий* (1966 г.). Минск: Академия наук БССР; 1966. с. 238–252.
2. Шадыра ВІ. *Беларускае Падзвінне (I тысячагоддзе н. э.)*. Мінск: Інстытут гісторыі НАН Беларусі; 2006. 150 с.
3. Штыхаў ГВ. Вынікі даследавання гарадзішча Баронікі пад Віцебскам. *Гістарычна-археалагічны зборнік*. 2007; 23:231.
4. Tautavičius A. *Vidurinis geležies amžius Lietuvoje (V–IX a.)*. Vilnius: Lietuvos pilys; 1996. 376 p.
5. Обломский АМ. Колочинская культура. В: Обломский АМ, Исланова ИВ, редакторы. *Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V–VII вв.)*. Москва: Институт археологии РАН; 2016. с. 10–113.
6. Гавритухин ИО, Обломский АМ. *Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст*. Москва: Институт археологии РАН; 1996. 297 с.
7. Егорейченко АА. Очковидные подвески на территории СССР. *Советская археология*. 1991;2:171–181.
8. Елинкова Д. К изучению женских украшений из могильника с трупосожжениями Пржитутки культуры с керамикой пражского типа. В: Синика ВС, Рабинович РА, редакторы. *Древности. Исследования. Проблемы. Сборник статей в честь 70-летия Н. П. Тельнова*. Кишинев: Приднестровский государственный университет имени Т. Г. Шевченко; 2018. с. 389–407.
9. Родинкова ВЕ. К проблеме выделения балтских элементов в женском уборе «мартыновского» типа. *Краткие сообщения Института археологии*. 2015;240:91–108.
10. Кулаков ВИ. Идентификация находок I–VII вв. из музея «Пруссия», хранящихся в фондах Калининградского областного историко-художественного музея. В: Обломский АМ, редактор. *Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов*. Москва: Институт археологии РАН; 2014. с. 299–340.
11. Гавритухин ИО. Маленькие трапециевидные подвески с полоской из прессованных точек по нижнему краю. *Гістарычна-археалагічны зборнік*. 1997;12:43–58.
12. Подгурский ПН. Археологические исследования в Новом Селе (предварительные результаты). В: Левко ОН, Белевец ВГ, редакторы. *Славяне на территории Беларуси в догосударственный период. Книга 2*. Минск: Беларуская навука; 2016. с. 263–270.
13. Rudnicki M. Zawieszki trapezowate z terenu grupy olsztyńskiej – świadectwo kontaktów ze Słowianami? In: Beljak J, Březinová G, Varsik V, editori. *Archeológia barbarov 2009. Hospodárstvo Germánov. Sídľiskové a ekonomické štruktúry od neskorej doby laténskej po včasný stredovek. Zborník referátov z V. protohistorickej konferencie; 21–25 septembra 2009; Nitra, Slovensko*. Nitra: Instituti Archaeologici Nitriensis Academiae Scientiarum Slovacae; 2010. s. 669–686.
14. Родинкова ВЕ. Женский костюм днепровских племен в эпоху Великого переселения народов: современное состояние исследований. В: Родинкова ВЕ, редактор. *Новые исследования по археологии стран СНГ и Балтии. Материалы школы молодых археологов; 3–12 сентября 2011 г.; Кириллов, Россия*. Москва: Институт археологии Российской академии наук; 2011. с. 239–265.
15. Белоцерковская ИВ. Женский костюм окских финнов V–VII вв. Традиции и новации. В: Обломский АМ, редактор. *Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов*. Москва: Институт археологии РАН; 2014. с. 184–235.
16. Воронцов АМ. Памятники мощинской культуры в третьей четверти I тыс. н. э. В: Обломский АМ, Исланова ИВ, редакторы. *Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V–VII вв.)*. Москва: Институт археологии РАН; 2016. с. 221–260.
17. Обломский АМ. Могильник гуннского времени Ксизово-19. Острая Лука Дона в древности. В: Обломский АМ, редактор. *Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (конец IV – V в.)*. Москва: Институт археологии РАН; 2015. с. 134–165.

18. Обломский АМ. Этнические и социальные компоненты населения Острой Луки Дона в гуннское время (вместо заключения). В: Обломский АМ, редактор. *Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (конец IV – V вв.)*. Москва: Институт археологии РАН; 2015. с. 296–309.

References

1. Shtykhov GV. [A comparative study of the ancient cities of Polack Land and the monuments of their surroundings]. In: Isaenko VF, editor. *Drevnosti Belorussii. Materialy konferentsii po arkheologii Belorussii i smezhnykh territorii (1966)* [Antiquities of Belarus. Materials of the conference on archaeology of Belarus and neighboring territories (1966)]. Minsk: Academy of Sciences of the BSSR; 1966. p. 238–252. Russian.
2. Shadyra BI. *Belaruskae Padzvinne (I tysjachagoddze n. je.)* [Belarusian Dvina Region (the second half of the 1st millennium AD)]. Minsk: Institute of History, National Academy of Sciences of Belarus; 2006. 150 p. Belarusian.
3. Shtyhau GV. [The results of the study of the Baroniki hillfort near Viciebsk]. *Gistarychna-arhealagichny zbornik*. 2007;23:231. Belarusian.
4. Tautavičius A. *Vidurinis geležies amžius Lietuvoje (V–IX a.)*. Vilnius: Lietuvos pilys; 1996. 376 p.
5. Oblomskii AM. [Kolochin culture]. In: Oblomskii AM, Islanova IV, editors. *Rannesrednekovye drevnosti lesnoi zony Vostochnoi Evropy (V–VII vv.)* [Early medieval antiquities of the forest zone of Eastern Europe (5th–7th centuries)]. Moscow: Institute of Archeology, Russian Academy of Sciences; 2016. p. 10–113. Russian.
6. Gavritukhin IO, Oblomskii AM. *Gaponovskii klad i ego kul'turno-istoricheskii kontekst* [Gaponovsky hoard and its cultural and historical context]. Moscow: Institute of Archeology, Russian Academy of Sciences; 1996. 297 p. Russian.
7. Eгореichenko AA. [Ocular-shaped pendants on the territory of the USSR]. *Sovetskaya arkheologiya*. 1991;2:171–181. Russian.
8. Jelinkova D. [On the issue of some female adornments from a cremation cemetery of the Prague-type pottery culture in Přítluky]. In: Sinika VS, Rabinovich RA, editors. *Drevnosti. Issledovaniya. Problemy. Sbornik statei v chest' 70-letiya N. P. Tel'nova* [Antiquities. Research. Problems. Collection of articles in honor of the 70th anniversary of N. P. Tel'nov]. Chisinau: Transnistrian State University named after T. G. Shevchenko; 2018. p. 389–407. Russian.
9. Rodinkova VE. On the problem of identification of the Balts elements in the female jewelry set of the Martynovka type. *Kratkie soobscheniya Instituta arheologii*. 2015;240:91–108. Russian.
10. Kulakov VI. [Identification of finds of the 1st–7th centuries from the Museum «Prussia» stored in the funds of the Kaliningrad Regional Museum of History and Art]. In: Oblomskii AM, editor. *Problemy vzaimodeistviya naseleniya Vostochnoi Evropy v epokhu Velikogo pereseleniya narodov* [Problems of interaction of the population of Eastern Europe during the Great Migration]. Moscow: Institute of Archeology, Russian Academy of Sciences; 2014. p. 299–340. Russian.
11. Gavritukhin IO. [Small trapezoid pendants with a strip of pressed dots along the bottom edge]. *Gistarychna-arhealagichny zbornik*. 1997;12:43–58. Russian.
12. Podgurskii PN. [Archaeological researches in Novoye Selo (preliminary results)]. In: Levko ON, Beliaevs VG, editors. *Slavyane na territorii Belarusi v dogosudarstvennyi period. Kniga 2* [Slavs on the territory of Belarus in the pre-state period. Volume 2]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2016. p. 263–270. Russian.
13. Rudnicki M. Zawieszki trapezowate z terenu grupy olsztyńskiej – świadectwo kontaktów ze Słowianami? In: Beljak J, Březinová G, Varsik V, editori. *Archeológia barbarov 2009. Hospodárstvo Germánov. Sídľiskové a ekonomické štruktúry od neskorej doby laténskej po včasný stredovek. Zborník referátov z V. protohistorickej konferencie; 21–25 septembra 2009; Nitra, Slovensko*. Nitra: Instituti Archaeologici Nitriensis Academiae Scientiarum Slovacae; 2010. s. 669–686.
14. Rodinkova VE. [Women's costume of the Dnieper tribes in the era of the Great Migration: the current state of research]. In: Rodinkova VE, editor. *Novye issledovaniya po arkheologii stran SNG i Baltii. Materialy Shkoly molodykh arkheologov; 3–12 sentyabrya 2011 g.; Kirillov, Rossiya* [New research on archeology of the CIS and Baltic countries. Materials of the School of Young Archaeologists; 2011 September 3–12; Kirillov, Russia]. Moscow: Institute of Archeology, Russian Academy of Sciences; 2011. p. 239–265. Russian.
15. Belotserkovskaya IV. [Women's costume of the Oka Finns of the 5th–7th centuries. Traditions and innovations]. In: Oblomskii AM, editor. *Problemy vzaimodeistviya naseleniya Vostochnoi Evropy v epokhu Velikogo pereseleniya narodov* [Problems of interaction between the population of Eastern Europe during the Great Migration]. Moscow: Institute of Archeology, Russian Academy of Sciences; 2014. p. 184–235. Russian.
16. Vorontsov AM. [The sites of Moshchinskaya culture in the third quarter of the 1st millennium AD]. In: Oblomskii AM, Islanova IV, editors. *Rannesrednekovye drevnosti lesnoi zony Vostochnoi Evropy (V–VII vv.)* [Early medieval antiquities of the forest zone of Eastern Europe (5th–7th centuries)]. Moscow: Institute of Archeology, Russian Academy of Sciences; 2016. p. 221–260. Russian.
17. Oblomskii AM. [Cemetery of the Hunnic time Ksizovo-19. Ostraya Luka of Don in antiquity]. In: Oblomskii AM, editor. *Arkheologicheskii kompleks pamyatnikov gunnskogo vremeni u s. Ksizovo (konets IV – V v.)* [The archaeological complex of sites of the Hunnic time near the village Ksizovo (end of 4th – 5th century)]. Moscow: Institute of Archeology, Russian Academy of Sciences; 2015. p. 134–165. Russian.
18. Oblomskii AM. [Ethnic and social components of the population of Ostraya Luka of Don in the Hunnic time (instead of conclusion)]. In: Oblomskii AM, editor. *Arkheologicheskii kompleks pamyatnikov gunnskogo vremeni u s. Ksizovo (konets IV – V v.)* [The archaeological complex of monuments of the Hunnic time near the village Ksizovo (end of 4th – 5th century)]. Moscow: Institute of Archeology, Russian Academy of Sciences; 2015. p. 296–309. Russian.

Статья поступила в редколлегию 04.11.2019.

Received by editorial board 04.11.2019.

УДК 903.21-035.3«638»(476.7)

ОСТАТКИ ДЕРЕВЯННОГО ЧЕЛНА ИЗ Д. СКОРБИЧИ (ДРУЖБА) В БЕЛОРУССКОМ ПОБУЖЬЕ

В. В. АШЕЙЧИК¹⁾, В. Г. БЕЛЕВЕЦ²⁾

¹⁾Независимый исследователь, г. Минск, Беларусь

²⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

В 2013 г. в ходе разведочных работ у д. Скорбичи (современное название – Дружба) Брестского района на краю песчаного карьера авторами были обнаружены остатки деревянного челна. Древесина сильно разложилась, что не позволило извлечь и законсервировать лодку. Ее размеры составляли приблизительно $3,75 \times 0,65$ м. Челн был выдолблен из цельного ствола сосны. Вероятно, ближе к носу и корме находились поперечные переборки, а по дну вдоль корпуса с внутренней стороны проходило невысокое ребро. Дно и борта были просмолены с внешней стороны. Внутри лодки, на носу и корме, размещались полевые камни, отдельные из которых были обожжены. Ближе к восточному краю объекта найдено пять маленьких затертых обломков стенок от глиняных сосудов периода железного века. По образцам древесины были получены три радиоуглеродные датировки. Две из них показали калиброванный возраст в промежутке от 480 до 210 г. до н. э. Третья отличается от них и после калибровки дает хронологический отрезок около 200 г. до н. э. – 80 г. н. э. По совпадению результатов двух образцов в качестве наиболее вероятной следует принять раннюю датировку. В контексте данных об археологических памятниках, следы которых были в разное время зафиксированы на месте проведения работ в 2013 г., лодку из д. Скорбичи следует связывать с населением поморской культуры.

Ключевые слова: челн-однодревка; ранний железный век; поморская культура; Беларусь.

Благодарность. Публикация подготовлена в ходе реализации исследовательского проекта, профинансированного Национальным научным центром Республики Польша (*Narodowe Centrum Nauki*), № DEC-2014/12/S/HS3/00202.

РЭШТКІ ДРАЎЛЯНАГА ЧОЎНА З-ПАД в. СКОРБІЧЫ (ДРУЖБА) У БЕЛАРУСКІМ ПАБУЖЖЫ

В. У. АШЭЙЧЫК^{1*}, В. Г. БЕЛЯВЕЦ^{2*}

^{1*}Незалежны даследчык, г. Мінск, Беларусь

^{2*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

У 2013 г. падчас разведачных работ каля в. Скорбічы (сучасная назва – Дружба) Брэсцкага раёна на краі пясчанага кар'ера аўтарамі былі адкрыты рэшткі драўлянага чоўна. Драўніна моцна расклалася, што не дазволіла здабыць і законсерваваць лодку. Яе памеры складалі прыблізна $3,75 \times 0,65$ м. Човен быў выдзеўбаны з сцэльнага ствала сосны. Верагодна, бліжэй да носа і кармы знаходзіліся папярочныя пераборкі, а па дне лодкі праходзіла невысокае рабро. Дно і барты былі прасмолены звонку. Унутры чоўна, на носе і карме, размяшчаліся палявыя камяні, асобныя з якіх былі перапалены.

Образец цитирования:

Ашейчик ВУ, Белявец ВГ. Рэшткі драўлянага чоўна з-пад в. Скорбічы (Дружба) у Беларускай Пабужжы. *Часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Гісторыя*. 2020;3:72–82. <https://doi.org/10.33581/2520-6338-2020-3-72-82>.

For citation:

Asheichyk VU, Belavets VG. The remains of a prehistoric dugout from Skorbičy (Družba) Village in the Buh River region. *Journal of the Belarusian State University. History*. 2020;3:72–82. Belarusian. <https://doi.org/10.33581/2520-6338-2020-3-72-82>.

Авторы:

Виталий Владимирович Ашейчик – независимый исследователь.

Вадим Георгиевич Белевец – кандидат исторических наук; доцент кафедры археологии и специальных исторических дисциплин исторического факультета.

Authors:

Vitali U. Asheichyk, independent researcher.

vitali.asheichyk@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-5083-620X>

Vadim G. Belavets, PhD (history); associate professor at the department of archaeology and special historical disciplines, faculty of history.

v.belavets@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-4912-7665>

Бліжэй да ўсходняга краю аб'екта знойдзена пяць маленькіх пацёртых абломкаў сценак ад гліняных пасудзін перыяду жалезнага веку. Па выніках аналізу ўзораў драўніны былі атрыманы тры радыевугляродныя даты. Дзве з іх паказалі калібраваны ўзрост у прамежку ад 480 да 210 г. да н. э. Трэцяя адрозніваецца ад іх і пасля калібравання дае храналагічны адрэзак каля 200 г. да н. э. – 80 г. н. э. Па супадзенні вынікаў двух узораў у якасці найбольш верагоднага трэба прыняць ранняе датаванне. У кантэксце даных аб археалагічных помніках, сляды якіх у розны час былі зафіксаваны на месцы правядзення работ у 2013 г., лодку з в. Скорбічы трэба звязваць з насельніцтвам паморскай культуры.

Ключавыя словы: човен-аднадрэўка; ранні жалезны век; паморская культура; Беларусь.

Падзяка. Публікацыя падрыхтавана падчас рэалізацыі даследчага праекта, фінансаванага Нацыянальным навуковым цэнтрам Рэспублікі Польшча (*Narodowe Centrum Nauki*), № DEC-2014/12/S/HS3/00202.

THE REMAINS OF A PREHISTORIC DUGOUT FROM SKORBIČY (DRUŽBA) VILLAGE IN THE BUH RIVER REGION

V. U. ASHEICHYK^a, V. G. BELIAVETS^b

^aIndependent researcher, Minsk, Belarus

^bBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Corresponding author: V. U. Asheichyk (vitali.asheichyk@gmail.com)

The article discusses the remains of a prehistoric dugout discovered at the edge of a sand quarry near Skorbičy (Družba) Village, Brest District, Belarus in 2013. It was impossible to extract and conserve the boat due to heavy decomposition of wood, but its shape and design features were documented during the archaeological excavations. The boat measured 3.75 × 0.65 m was made from hollowed pine trunk. There were bulkheads near the boat's bow and stern, and there was a low rib along the bottom on the inside. The bottom and boards were most likely tarred on the outside. There were some dozens of fieldstones inside the boat, on its bow and stern. Some of them were burnt. Five small potsherds of the Iron Age were found in the eastern part of the dugout. Three radiocarbon datings were obtained for the samples of wood from the dugout. Two datings are almost identical and date the boat back from 480 to 210 cal BC. The third one is discordant and has calibrated range from 200 BC to 80 AD. Considering the archaeological context and the results of previous investigations of the archaeological sites in Skorbičy, the earlier dating could be assumed. The dugout is most probably connected with the population of the Pomeranian culture.

Keywords: dugout canoe; Early Iron Age; Pomeranian culture; Belarus.

Acknowledgements. The study was financed by the National Science Centre (Poland) as a research project, No. DEC-2014/12/S/HS3/00202.

Уводзіны

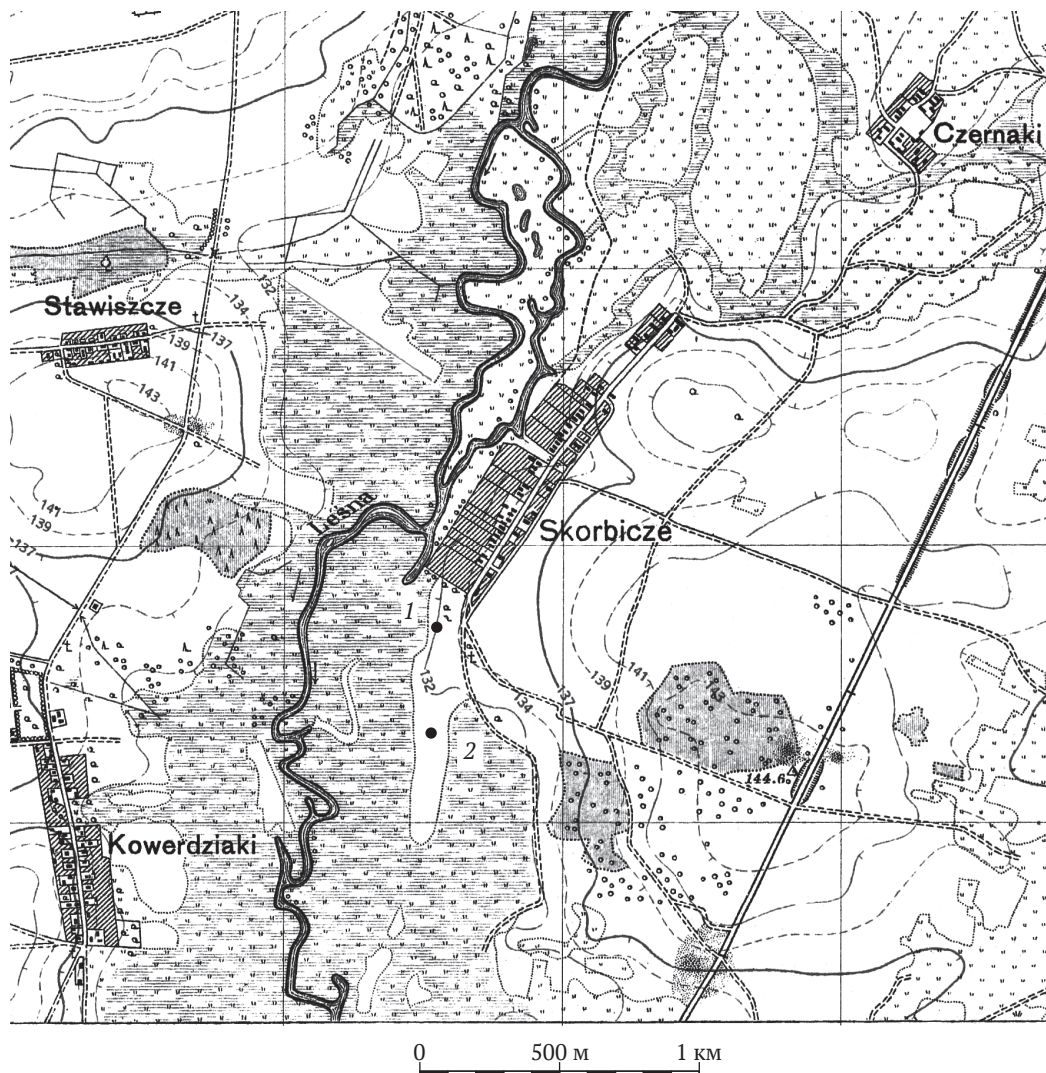
Група помнікаў каля в. Скорбічы (Дружба)¹ займае асаблівае месца ў гісторыі археалагічнага вывучэння заходняй Беларусі. Яны належаць да нешматлікіх археалагічных аб'ектаў, якія сталі вядомымі яшчэ на пачатку вывучэння рэгіёна – у канцы XIX ст. Пасля рэформ 1860-х гг. землі на поўдзень ад вёскі, на высокім участку тэрасы левага берага р. Лясной, былі перададзены сялянам і пачалі актыўна разворавацца. Неўзабаве вынікам гэтых прац стала знішчэнне размешчанага тут раннесярэднявечага кургана могілніка. Інтэнсіўная ворка прывяла таксама да ветравой эрозіі глебы. На разбураных участках помніка мясцовыя жыхары сталі знаходзіць шматлікія ўпрыгажэнні і абломкі посуду розных часоў. Інфармацыя пра гэтыя

знаходкі неўзабаве трапіла да К. Ягміна, які ў 1880 г. аглядзеў выдмы на паўднёвым ускрайку в. Скорбічы² (мал. 1, I). Верагодна, паўторныя зборы тут былі праведзены ў 1882 г. З. Глогерам. Сабраная даследчыкамі калекцыя крамянёвых прылад, керамічных, металічных і шкляных вырабаў пазней паступіла ў Дзяржаўны археалагічны музей у Варшаве (*Państwowe Muzeum Archeologiczne w Warszawie*; далей – ДАМВ), дзе яна захоўваецца і сёння³. Аператыўная і якасная публікацыя матэрыялаў К. Ягміным [3] паспрыяла таму, што помнік у в. Скорбічы набыў шырокую вядомасць. Так, асобныя рэчы з яго былі выкарыстаны А. К. Амбразам у тыпалогіі фібул поўдня еўрапейскай часткі былога СССР [4, с. 67, 73], якая захоўвае актуальнасць і сёння.

¹Назва вёскі была зменена ў 1964 г., сёння гэта в. Дружба Камянецкага раёна Брэсцкай вобласці. Паколькі ў археалагічнай літаратуры трывала замацавалася ранейшая назва, яна захоўваецца аўтарамі ў гэтым артыкуле.

²Каля 150–170 м на поўдзень ад вёскі: «В расстоянии 200 шагов на юг» от дер. Скорбичей» (гл.: Покровский Ф. В. Археологическая карта Гродненской губернии. Вильна: Тип. А. Г. Сыркина, 1895. С. 89–90).

³Нумары скорбіцкай калекцыі ў фондах ДАМВ: РМА I/3812 (МЕМ 26244–26250), IV/5089: 1–62 [1, с. 50–51; 2, с. 22–29].



Мал. 1. Месца выяўлення чоўна каля в. Скорбічы (Дружба) у суаднясенні з картай пачатку 1920-х гг.:
1 – лакалізацыя рэшткаў чоўна, адкрытага ў 2013 г.;
2 – могілнік паморскай культуры, які вывучаў Ю. У. Кухарэнка ў 1958 г.
(картаграфічная аснова: карта польскага Вайсковага геаграфічнага інстытута
(Wojskowy Instytut Geograficzny) 1925 г.)

Fig. 1. Location of the archaeological sites near Skorbičy (Družba) Village mentioned in the study on the map from 1920s: 1 – dugout discovered in 2013; 2 – grave field of the Pomeranian culture excavated by Yu. U. Kukharenko in 1958
(basemap: map by Polish Military Geographical Institute, 1925)

Новы этап вывучэння помнікаў каля в. Скорбічы распаўсюдзіўся ў пасляваенны час. У гэты перыяд тэрыторыя могілніка на паўднёвай ускраіне вёскі была ўжо моцна пашкоджана ямамі. У 1958 г. Ю. У. Кухарэнка правёў тут раскопкі на плошчы 220 м², адкрыўшы разбуранае пахаванне паморска-падклёшавай культуры, нешматлікія абломкі посуду ранняга жалезнага веку і познерымскага часу [5, с. 20, табл. 8, 7–10, табл. 45, 4]. У 1966 г. Ю. У. Кухарэнкам і І. П. Русановай прыкладна праз 1 км на поўнач ад супрацьлеглага, паўночнага краю вёскі вывучалася паселішча з матэрыяламі паморскай і вельбарскай культур,

а таксама Ранняя сярэднявек⁴. У 1980–2000-я гг. комплекс помнікаў каля в. Скорбічы неаднаразова абследаваўся В. С. Вяргей і В. Г. Беяўцом.

Паўторныя публікацыі скорбіцкай калекцыі са збораў ДАМВ, выкананыя ў 1970–80-я гг. Л. Д. Побалем і З. Сульгастоўскай [6, с. 14, 82–84, рис. 4, 9, 10, рис. 52, 53; 7, с. 133], і асабліва вынікі яе вывучэння, прадстаўленыя на пачатку 2000-х гг. В. С. Абухоўскім і Я. Анджэёўскім [1, с. 50–51; 2, с. 22–29], дазволілі скласці больш поўнае ўяўленне пра гэты помнік. Сёння можна сцвярджаць, што на паўднёвых ускраінах в. Скорбічы існаваў шматслойны помнік

⁴Кухаренко Ю. В., Русанова И. П. О полевых работах полесского отряда ИА АН СССР в 1966 г. // Цэнтр. навуц. арх. НАН Беларусі. Фонд археал. навуц. дакументацыі. Воп. 1. Спр. 276. С. 8–15.

з адкладаннямі фінальнага палеаліту і неаліту (гамбургскай культуры (?)) і культуры шарападобных амфар адпаведна, эпохі жалеза, калі тут паслядоўна размяшчаліся грунтовыя могільнікі паморскай, пшэворскай і вельбарскай культур, а пазней – раннесярэдневяковыя курганны могільнік [1, s. 50–51, рyc. 88, 89; 2, s. 22–29, tabl. 3–5] (гл. таксама [8, с. 304–305, рис. 1, В]).

Нягледзячы на тое што помнік унесены ў Спіс гісторыка-культурных каштоўнасцей Рэспублікі Беларусь і на ім была ўстаноўлена адпаведная ахоўная дошка, з канца 1980-х гг. тут распачалася незаконная распрацоўка пясчанага кар’ера, якая неаднаразова забаранялася, а потым узнаўлялася. У 2008 г. з санкцыі аддзела культуры Брэсцкага аблвыканкама пачаў распрацоўвацца новы кар’ер на плошчы 1 га, эксплуатацыю якога пасля адпаведнага звароту Інстытута гісторыі НАН Беларусі ўдалося спыніць толькі ў 2011 г.

У 2013 г. у в. Скорбічы аўтарамі артыкула праводзіліся абследаванні для ацэнкі знішчэнняў, нанесеных помніку ў выніку распрацоўкі кар’ера. Было высветлена, што стары кар’ер засыпаны, яго плошча зраўнавана з часткай навакольнага рэльефу. Новы кар’ер размешчаны на поўдзень ад старога. На момант агляду яго распрацоўка была спыненая,

Вынікі і іх абмеркаванне

Шурфоўка. Падчас абследавання заходняй часткі кар’ера на схіле тэрасы, каля 7–9 м ад поймы р. Лясной, у плямах моцна гумусіраванага грунту была адзначана канцэнтрацыя дастаткова вялікіх палявых камянёў. Перапад вышынь паміж імі і нязнішчаным участкам помніка, які захаваўся каля бетоннай апоры лініі электраперадачы, складаў прыблізна 3,5 м. Вакол камянёў была распачата зачыстка, якая ў далейшым пашырылася да шурфа. Апошні меў памеры 3 × 5 м, быў выцягнуты па лініі захад – ўсход і арыентаваны сценамі па баках свету (мал. 2).

На месцы шурфоўкі зафіксавана наступная стратыграфія. Культурны пласт – моцна гумусіраваны пясчак бурага колеру – быў цалкам знішчаны ва ўсходняй і толькі месцамі захаваўся ў заходняй частцы шурфа. У яго сярэдняй і заходняй частках культурны пласт захаваўся найлепш – на глыбіню 12–15 см. Пад ім залягаў мацярык – дробназярністы пясчак светла-жоўтага колеру з тонкімі глеевымі прапласткамі. Апошнія сведчаць пра тое, што схіл берага р. Лясной, на якім вяліся работы, у старажытнасці пераходзіў затапляўся паводкамі.

Методыка працы. Культурны пласт даследаваўся лапатамі, тонкімі шыракаплошчавымі зачысткамі з далейшай пераборкай грунту на адвале. У залежнасці ад ступені пашкоджання культурнага пласта на розных частках шурфа зачыстка праводзілася на роз-

але, мяркуючы па пашкоджаннях, тут пераходзіла ўзнаўлялася саматужная выбарка пяску мясцовымі жыхарамі.

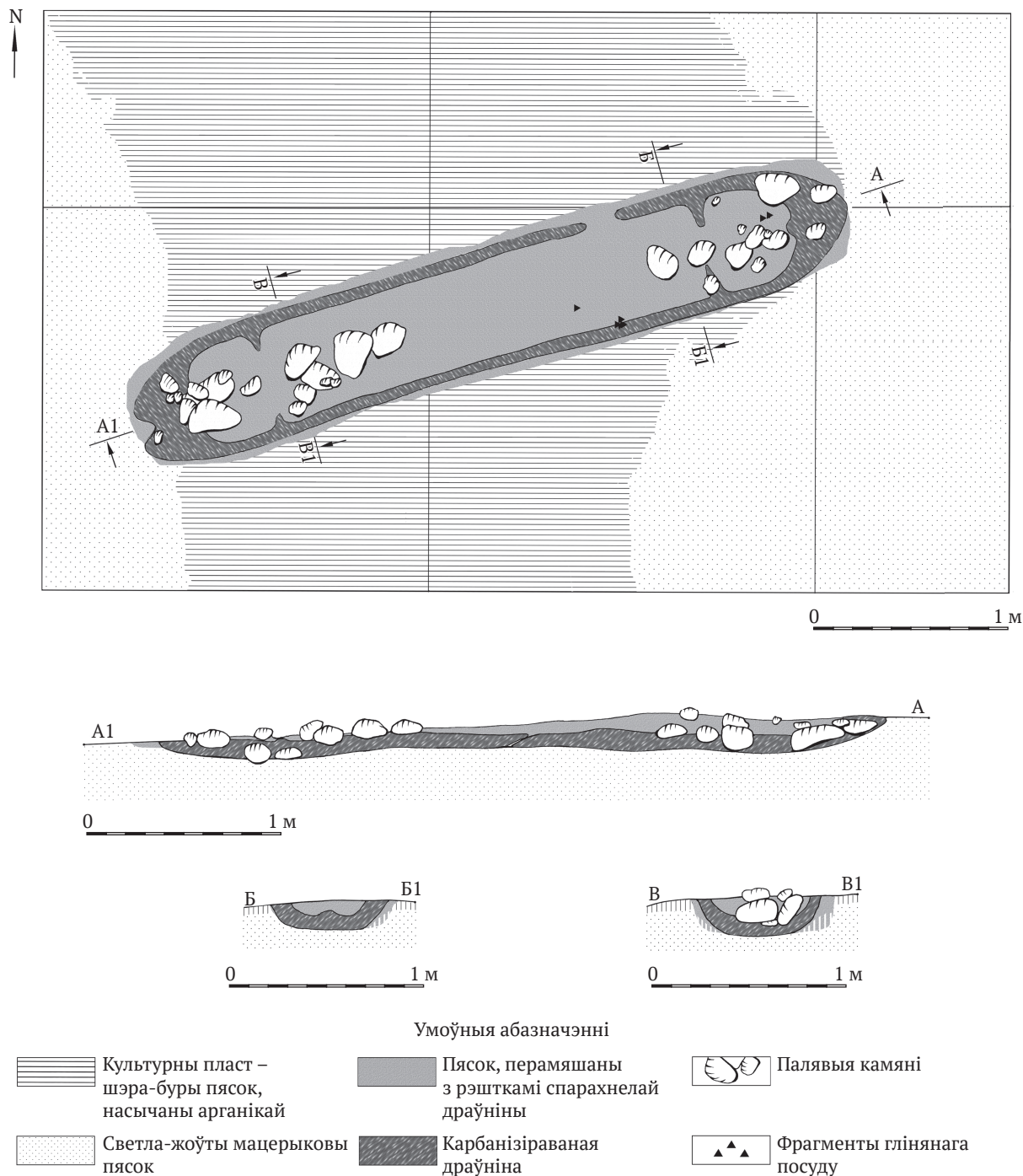
Падчас разведаных прац у паўднёвай і ўсходняй сценах кар’ера прасочваўся амаль цалкам разараны культурны пласт – слой шэра-бурага пяску магутнасцю да 0,35 м. Вакол і ўнутры кар’ера, пераважна ў яго паўднёвай частцы, былі знойдзены нешматлікія крэмнёвыя артэфакты: адзін лушчаны, адзін фрагмент пласціны, чатыры адшчэпы і адзін абломак. Тут жа сабрана дзевяць фрагментаў сценак ляпной посуду, у тым ліку пяць гладкасценных, дзве глянцаваныя і адна з храпаватай вонкавай паверхняй. Іх гліняная маса ўтрымлівае дамешкі дробнай жарствы і, магчыма, пяску; колер паверхні вагаецца ад светла-карычневага і чырванаватага да шэрага і чорнага. Мяркуючы па характарыстыках ганчарнай масы, спосабах апрацоўкі паверхні і арнаментальнай, сярод іх прысутнічаюць фрагменты посуду эпохі бронзы (тшцінецкага культурнага кола)⁵ і жалезнага веку. Сярод апошніх адсутнічаюць выразныя фрагменты, якія дазволілі б вызначыць культурную прыналежнасць. У цэлым па характарыстыках цеста, абпалу і апрацоўкі паверхні гэтыя абломкі посуду можна аднесці да кола цэнтральнаеўрапейскіх культур жалезнага веку – паморскай, пшэворскай і вельбарскай.

Глыбіні: да ўзроўню, на якім удавалася выразна зафіксаваць контуры аб’екта. Ва ўсходняй частцы шурфа яны праступілі непасрэдна пад слоём наноснага пяску ў некалькі сантыметраў таўшчынёй, у заходняй – пасля зняцця светла-шэрага перамяшанага пяску і культурнага пласта на глыбіню да 22–25 см. Запаўненне аб’екта выбіралася шпателькамі. Па-за яго межамі ніякіх знаходак не выяўлена.

Апісанне аб’екта. Аб’ект меў форму, блізкую да выцягнутага прамавугольніка з моцна закругленымі вугламі, і памер каля 3,75 × 0,65 м. Быў арыентаваны па лініі ўсход – захад з адхіленнем 16–17° у бок паўночнага ўсходу (гл. мал. 2; мал. 3, а). Яго запаўненне ўтвараў шэры дробназярністы пясчак з дамешкам вугольчыкаў. Аб’ект даследаваўся падоўжным і двума папярочнымі сячэннямі з паслядоўнай выбаркай шасці сектараў і замалёўкай адпаведных участкаў профіляў (гл. мал. 2, Б–Б1, В–В1; мал. 3, б, в, г). Ён уяўляў сабой раскладзеныя рэшткі масіўнага вырабу з драўніны, мяркуючы па характэрнай форме ў плане і сячэннях, драўлянага чоўна. Выразных слядоў ямы, у якую ён мог быць укапаны, не прасочвалася.

Драўніна знаходзілася ў паўраскладзеным стане, была практычна цалкам карбанізавана. Гэта не дазваляла здабыць калоду з зямлі, каб закансерваваць яе і даследаваць потым у лабараторных умовах. Істотна, што вакол драўніны не прасочвалася

⁵Вызначыў вядучы навуковы супрацоўнік Інстытута гісторыі НАН Беларусі кандыдат гістарычных навук М. М. Крывальцэвіч, якому аўтары артыкула выказваюць шчырую падзяку.



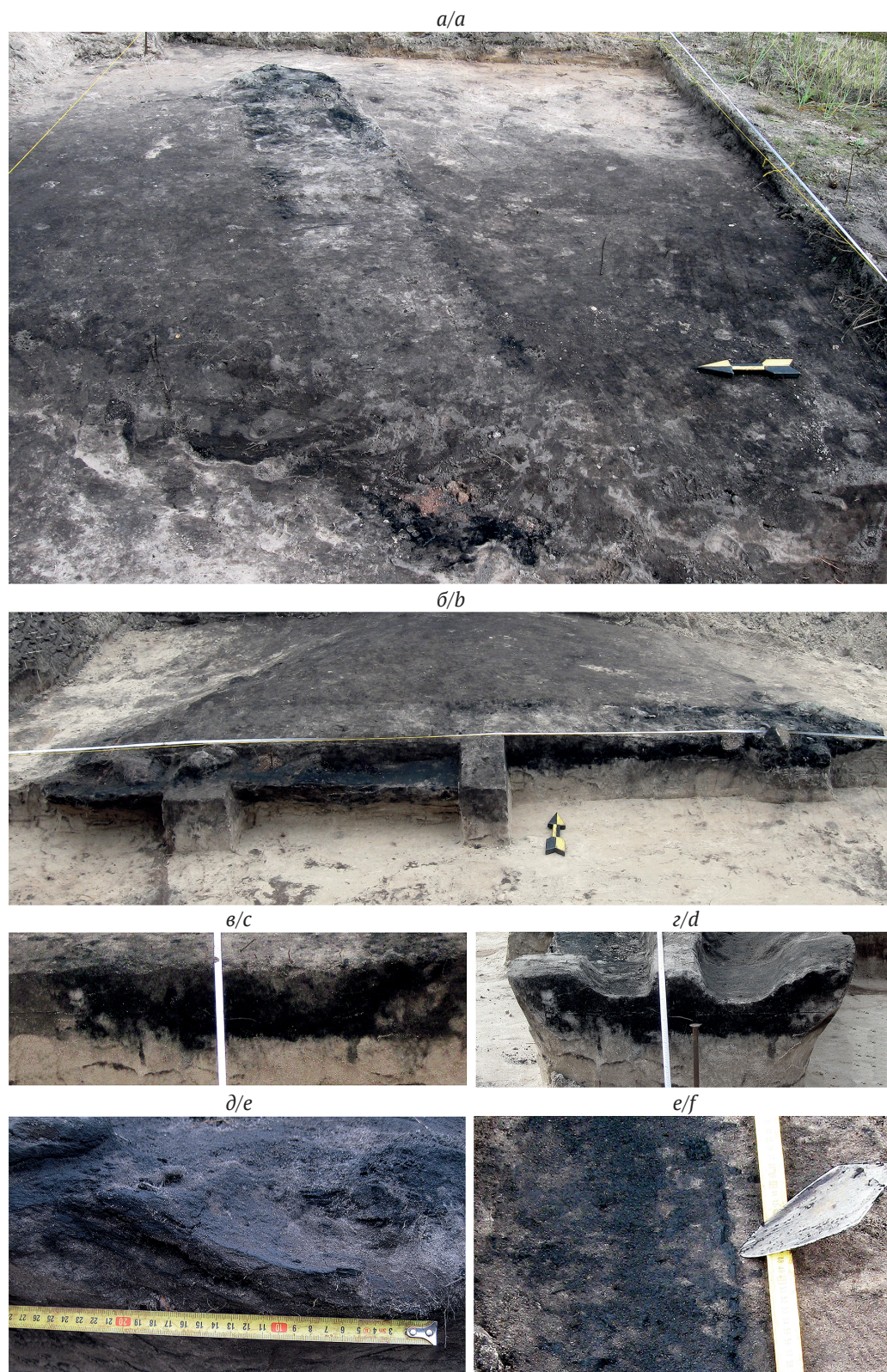
Мал. 2. План шурфа 2013 г. на шматслойным помніку каля в. Скорбічы з рэшткамі драўлянага чоўна (малюнак В. Г. Бемяўца)

Fig. 2. Plan of the trench excavated at the Skorbičy site in 2013 and the sections of the feature containing a dugout remains (drawing by V. G. Beliaevets)

слядоў моцнага тэрмічнага ўздзеяння, якое звычайна афарбоўвае пясок у рудаваты альбо белаваты колер. Такім чынам, верагодней за ўсё, яго карбанізацыя адбывалася ў выніку паступовага доўгачасовага ўздзеяння мікраарганізмаў ва ўмовах вільготнага грунту. Расчыстка драўніны паказала, што човен быў выдэўбаны з суцэльнага ствала: выразных разрываў драўляных валокнаў там, дзе яны захаваліся, не назіралася, гадавыя нарасці

працягваліся па ўсёй даўжыні, ішлі ў адным напрамку паралельна адзін аднаму (гл. мал. 3, д). Адзіны выразны разрыў драўніны быў заўважаны па цэнтры лодкі (гл. мал. 2, А – А1). Верагодна, у гэтым месцы ў грунце ў старажытнасці знаходзілася невялікае ўзвышэнне, на якім лодка зламалася, а яе канцы праселі ўніз у абодва бакі.

У выніку механічнага разбурэння і раскладання драўніны захавалася толькі прыдонная частка



Мал. 3. Фатаграфічная дакументацыя шурфоўкі 2013 г. у в. Скорбічы:
расчышчаны план драўлянага чоўна ў шурфе (а); прадоўжнае сячэнне аб'екта (б);
човен у папярочным сячэнні па лініі Б – Б1 (в, г); рэшткі драўніны ў працэсе расчысткі (д);
сляды смалення па знешнім краі борта чоўна (е)

Fig. 3. Photo documentation of the excavations at the Skorbičy site in 2013:
exposition of the dugout in the trench (a); longitudinal section of the feature (b);
B – B1 cross-section of the dugout remains during the different stages of exploration (c, d);
wood remains during the exploration (e); traces of tarring on a dugout board outside (f)

чоўна вышыняй да 22–23 см. На гэтым узроўні ён меў даўжыню каля 3,75 м пры максімальнай шырыні да 0,65 м. Усходні канец быў заостраны, заходні ж, магчыма, меў плаўны выраз у сярэдняй частцы. Нельга сцвярджаць, што гэты выраз выкананы першапачаткова, а не ўзнік з-за пазнейшага знішчэння гэтага фрагмента калоды. Сярэдняя частка чоўна мела ў сячэнні форму, блізкую да трапецыі: амаль пляскатае дно плаўна пераходзіла ў расхіленыя барты. Нос і карма прыўзнятыя, слаба заостраныя, масіўныя. На корпусе таўшчыня дрэва была большай на дне (да 12–13 см) і танчэйшай на бартах (паміж 6–8 см)⁶. На адлегласці каля 0,75 м ад усходняга і прыблізна 0,70 м ад заходняга канца лодкі прасочваліся сляды папярочных пераборак. Яны былі больш выразна бачныя бліжэй да бартоў чоўна. Магчыма, гэта стала вынікам разбурэння найбольш тонкіх, цэнтральных іх частак. Але нельга выключыць таксама, што першапачаткова гэтыя пераборкі ўздымаліся не на ўсю вышыню, а былі зрэзаны прыступкай у цэнтральнай частцы – у форме шпангоўтаў – альбо ўяўлялі сабой першапачаткова сапраўдныя, прыстаўныя шпангоўты, выкананыя з выгнутых кавалкаў драўніны і прымацаваныя да корпуса чоўна. У апошнім выпадку лодка магла мець нарошчаныя з дошак барты. Верагодна, з унутранага боку па яе дне было пакінута выпуклае рабро вышыняй да 6–7 см (гл. мал. 1, Б–Б1; мал. 3, в, г). Яго рэшткі найбольш выразна прасочваліся ва ўсходняй частцы, дзе лодка захавалася на большую вышыню. Там вельмі дакладна праглядаліся знешнія яе краі і амаль па ўсім перыметры бартоў прасочваўся слой смаліністай субстанцыі чорнага колеру – драўнянай смалы – таўшчыняй 3–5 мм (мал. 3, е). Такім чынам, можна меркаваць, што з вонкавага боку для павелічэння водаадпорнасці дно і барты чоўна былі прасмолены.

Ва ўсходняй і заходняй частках аб'екта расчышчаны палявыя камяні памерам ад 5 да больш чым 30 см у папярочніку: не менш чым 21 см на ўсходнім канцы і 19 см на заходнім. Усе яны патрэскаліся, а некаторыя раскрышыліся да стану жарствы. Прычынай распаду каменя стаў перапад тэмператур: большасць з іх мелі выразныя сляды абпалу.

Унутры калоды на глыбіні 5–13 см ад узроўня зачысткі знойдзена шэсць маленькіх абломкаў сценка ляпнога глінянага посуду: два фрагменты сярод камянёў на ўсходнім яе канцы і яшчэ чатыры ў паўднёва-ўсходняй частцы каля борта (гл. мал. 2). Пяць з іх паходзяць ад гладкасценных пасудзін з не апрацаванай дадаткова паверхняй, адзін лошчаны з унутранага боку, а з вонкавага – пакрыты слоём храпаватасці. Гліняная маса шчыльная, з да-

мешкамі жарствы да 3 мм у папярочніку. Абпал пераважна няроўны, плямісты. Колер паверхні вагаецца ад бэжавага і рудаватага да чорнага. Усе фрагменты керамікі ў большай альбо меншай ступені зацэртаты ці замытыя, таму цяжка дакладна вызначыць, ці знаходзіліся яны ў калодзе першапачаткова, ці трапілі ўнутр у выніку нейкіх пазнейшых працэсаў пераадкладання. Спарадычна тут таксама назіраліся асобныя маленькія камячкі нейкай субстанцыі белага колеру, магчыма рэшткі размытых (кальцыніраваных?) костак альбо ракавінак.

Падчас даследавання аб'екта з розных яго частак было ўзята восем проб драўніны.

Аналіз аб'екта. Па выніках праведзеных прац можна сцвярджаць, што аб'ект, выяўлены ў 2013 г. у шурфе на заходнім краі кар'ера каля в. Скорбічы, – гэта рэшткі чоўна-аднадрэўкі. Для вызначэння пароды драўніны адна з узятых з калоды проб была накіравана ў Інстытут эксперыментальнай батанікі імя В. Ф. Купрэвіча НАН Беларусі. Згодна з вынікамі аналізу, човен быў зроблены са ствала сасны звычайнай (*Pinus sylvestris* L.)⁷.

Падчас даследавання аб'екта выразных датуючых матэрыялаў не выяўлена, у сувязі з чым паўстае праблема вызначэння яго храналогіі і культурнай прыналежнасці. Маленькія зацэртатыя абломкі сценка гліняных пасудзін, знойдзеныя ўнутры чоўна, малаінфарматыўныя. Дамешкі, колер і спосабы апрацоўкі паверхні дазваляюць толькі агульна аднесці іх да кола цэнтральнаеўрапейскіх культур ранняга жалезнага веку і рымскага перыяду. Немагчыма звязіць датаванне і вызначыць культурны кантэкст помніка таксама з дапамогай прыведзеных вышэй звестак аб выніках вывучэння гэтага помніка ў розныя часы. Спектр варыянтаў дастаткова шырокі: мы можам звязваць гэты човен з насельніцтвам паморскай, пшэворскай альбо вельбарскай культур і датаваць яго ў межах ад V ст. да н. э. да рубяжу IV–V стст. н. э.

Разглядаючы варыянты культурнага вызначэння, найбольш відавочныя аналогіі з нашым аб'ектам можна заўважыць у вельбарскай культуры. Існуе дастаткова багатая бібліяграфія аб спецыфічных для насельніцтва Паўночнай Еўропы пахаваннях з інгумацыямі рымскага часу, выкананымі ў драўляных лодках, іх фрагментамі альбо імітацыямі. Найбольш поўна такія аб'екты разгледжаны ў нядаўняй публікацыі М. Натуневіч-Секулы і С. Зэхусен. Геаграфія распаўсюджвання і храналогія такіх пахаванняў дастаткова характэрныя: яны вядомыя ў Паўднёвай Швецыі, Паўночнай Даніі і цэнтральнай частцы Польскага Памор'я (найперш у дэльтце р. Віслы), дзе датуюцца перыядам з канца I па

⁶Кажучы пра таўшчыню канструктыўных частак – дна, бартоў, пераборак, трэба мець на ўвазе, што, верагодней за ўсё, зафіксаваныя даныя не зусім адпавядаюць першасным велічыням. У выніку разбухання пад уздзеяннем вільгаці і частковага раскладання з часам таўшчыня магла павялічыцца.

⁷Аўтары выказваюць шчырую падзяку кандыдату біялагічных навук М. В. Ярмохіну, загадчыку лабараторыі прадуктыўнасці і ўстойлівасці раслінных супольнасцей Інстытута эксперыментальнай батанікі НАН Беларусі, за выкананы ім аналіз драўніны.

Вынікі радыевугляроднага датавання лодкі з-пад в. Скорбічы
(калібрацыя выканана з дапамогай праграмы OxCal 4.3.2 [11] і калібровачнай крывой IntCal13 [12])

Data on radiocarbon measurements of the dugout from Skorbičy
(the results calibrated using the OxCal 4.3.2 program [11] and the IntCal13 calibration curve [12])

№ п/п	Лабараторны індэкс	Матэрыял	¹⁴ C-ўзрост	Калібраваны ўзрост, 2σ
1	SPb-1205	Дрэва	2037 ± 60 BP	201 cal BC – 81 cal AD
2	SPb-2080	Дрэва	2309 ± 40 BP	478–209 cal BC
3	SPb-2081	Дрэва	2312 ± 35 BP	473–212 cal BC

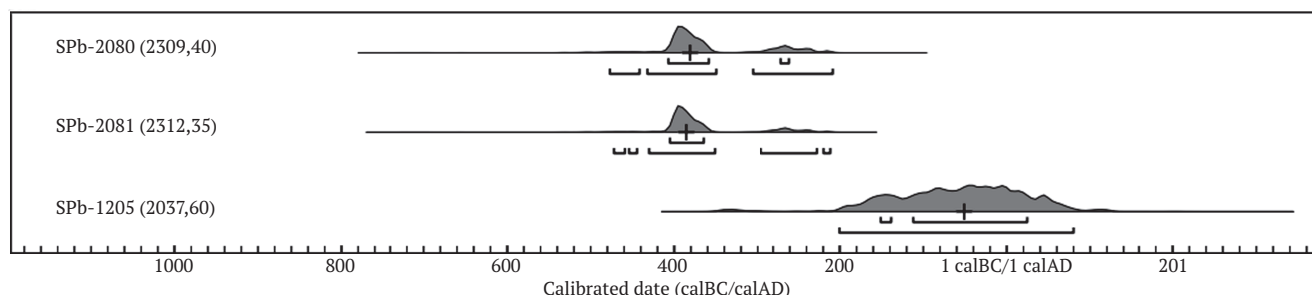
пачатак V ст. н. э., але пераважна фазамі B2 – C2 рымскага часу, прыкладна з канца II да другой паловы III ст. н. э. уключна. На поўдні ад акрэсленай тэрыторыі адзінкавыя пахаванні па гэтым абрадзе вядомыя на асобных помніках масламенцкай групы на Любліншчыне. У кантэксце вельбарскай культуры падобныя аб'екты разглядаюцца як адзін з маркераў груп гістарычных *готаў*, якія рассяліліся ў I ст. н. э. на паўднёвым беразе Балтыйскага мора вакол дэльты р. Віслы. У пахавальных ямах некаторых з такіх «лодак-трумнаў» часта выступаюць камяні і стэлы, аднак слядоў іх абпалу не адзначаецца [9, р. 302, 305, 307, fig. 1, b, fig 5, Gr. 360, Gr. 455].

Як адзначалася вышэй, у матэрыялах, сабраных на могільніку ў в. Скорбічы, выразна прадстаўлены вельбарскі гарызонт. Аналіз жа інвентару сведчыць пра тое, што вельбарскае насельніцтва выкарыстоўвала тут абрады як крэмацыі, так і інгумацыі [8, с. 305].

Аднак шэраг абставін не дазваляюць інтэрпрэтаваць даследаваны намі аб'ект з в. Скорбічы як выкананае ў лодцы пахаванне вельбарскай культуры. На фоне падобных аб'ектаў вельмі нетыповай з'яўляецца яго арыентацыя. Ва ўсіх вядомых на сёння вельбарскіх пахаваннях, выкананых па гэтым абрадзе, чаўны былі змешчаны ў пахавальныя ямы па лініі поўнач – поўдзень. Нязначныя адхіленні ад гэтай арыентацыі вядомыя, але ў в. Скорбічы лодка залягала ў зямлі ўсё ж па лініі захад – усход. Падчас раскопак намі таксама не заўважана слядоў ямы, у якую мог бы быць укапаны гэты човен. Невыраз-

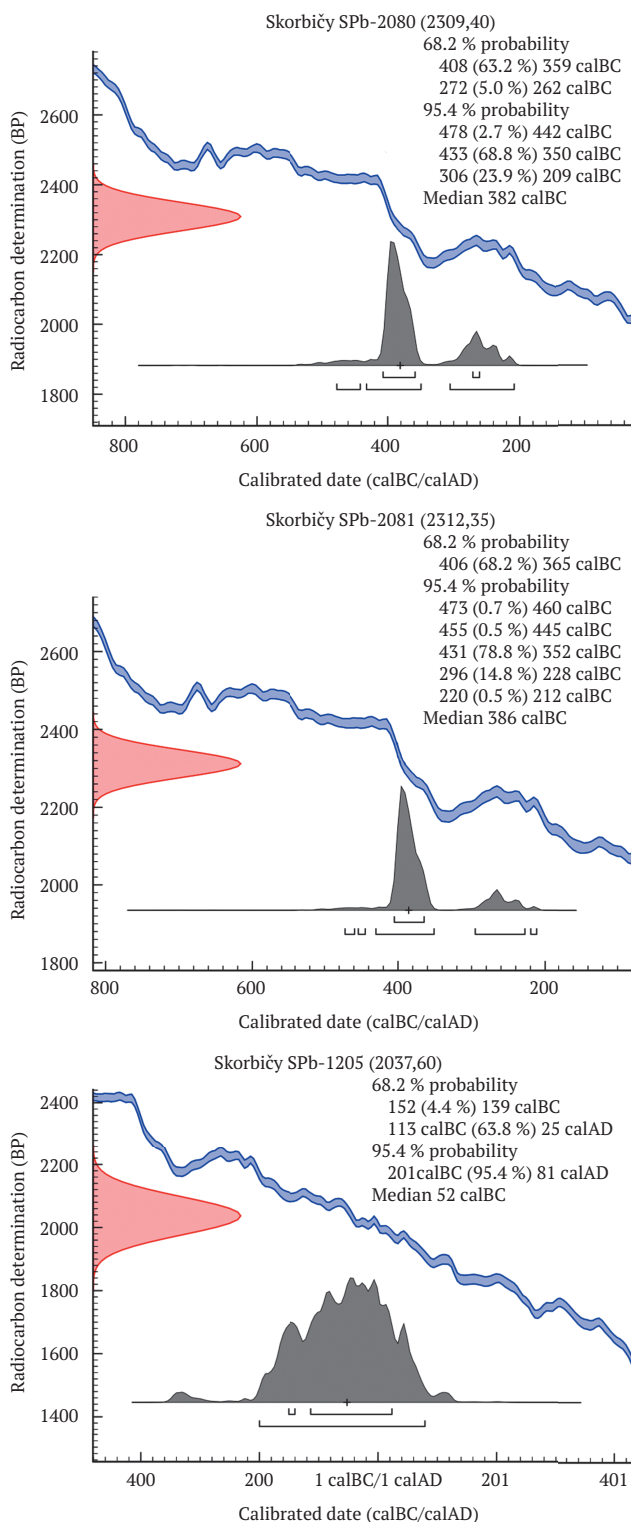
ны, размыты контур, які прасочваўся вакол калоды і практычна паўтараў яе форму, выглядаў хутчэй як западзіна альбо вынік інфільтрацыі арганікі ў навакольны пясок.

Нарэшце, важкім аргументам на карысць іншай функцыянальнай і культурнай інтэрпрэтацыі гэтага аб'екта сталі вынікі радыевугляроднага датавання фрагментаў драўніны. Пробы дрэва, узятыя з розных частак чоўна, былі накіраваны для выканання даследавання на ¹⁴C у цэнтр ізатопнага аналізу факультэта геалогіі і геаэкалогіі Расійскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя А. І. Герцэна ў Санкт-Пецярбургу⁸. Усяго атрымана тры радыевугляродныя датаванні (гл. табліцу, мал. 4, 5), якія паказалі два магчымыя храналагічныя інтэрвалы для скорбіцкай знаходкі. Калібраваны ўзрост у прамежку ад 480 да 210 г. да н. э. вызначаюць дзве амаль ідэнтычныя даты. Трэцяя адрозніваецца ад іх і пасля калібрацыі дае іншы храналагічны адрэзак: каля 200 г. да н. э. – 80 г. н. э. Нягледзячы на пэўную супярэчлівасць вынікаў аналізаў на ¹⁴C, можна сцвярджаць, што човен быў створаны ў жалезным веку, не пазней за апошнюю чвэрць I ст. н. э. У кантэксце ж наяўных даных аб гісторыка-культурных гарызонтах помніка найбольш верагодным падаецца яго сувязь з насельніцтвам паморска-падклёшавай культуры. Храналагічныя рамкі помнікаў апошняй на тэрыторыі Беларусі вызначаюцца ў межах VI–III стст. да н. э. [10, с. 83–84], што адпавядае калібраваным інтэрвалам дзвюх ранніх дат ¹⁴C.



Мал. 4. Калібраваныя радыевугляродныя вызначэнні для чоўна з в. Скорбічы
Fig. 4. Calibrated radiocarbon measurements of the dugout from Skorbičy

⁸ Аўтары выказваюць шчырую падзяку кандыдату геаграфічных навук дацэнту М. А. Кульковай за праведзеныя аналізы.



Мал. 5. Радыеувугляродныя датаванні чоўна з-пад в. Скорбічы

Fig. 5. Radiocarbon measurements of the dugout from Skorbičy

На тэрыторыі Усходняй Еўропы знаходкі чаўноў гэтай культуры невядомыя. Лодкі, якія маглі б быць адназначна звязаны з паморскім насельніцтвам, не адкрыты пакуль і ў асноўным яе арэале – на тэрыторыі Польшчы. Аднак вывучэнне знойдзеных

тут чаўноў усё ж дае нам пэўнае поле для параўнання. Сёння на землях Польшчы зарэгістравана звыш 300 чаўноў-аднадрэвак, для 155 з якіх вызначаны радыеізатопныя і дэндра-даты (гл. [13, р. 59–60; 14, s. 22–23, tabl. 1]). Сярод апошніх вядомыя толькі адзінкавыя лодкі эпохі неаліту, бронзавага і жалезнага вякоў. Падобныя, як у скорбіцкай лодкі, форму, памеры і сячэнне корпуса мае човен з ваколіц в. Цесьле ў Познанскім ваяводстве, датаваны часам каля 1700 г. да н. э. [14, s. 25, tabl. 1, 7]. Больш познія чаўны, такія як знойдзены каля г. Пінчава на р. Нідзе (каля 1220 г. да н. э.) і г. Тшчянкі на р. Нотэц (паміж 1313–511 гг. да н. э.), таксама вызначаюцца блізкімі да скорбіцкага памерамі: ад 3,2 да 4,0 м даўжынёй пры шырыні 0,5–0,8 м. Як і наша, гэтыя лодкі маюць трапецападобнае сячэнне корпуса і заостраны масіўны нос, кармавыя ж часткі плоскія і прыўзнятыя прыступкай [15, s. 22–23, il. 8, A, B]. Істотна, што ўсе вядомыя сёння на тэрыторыі Польшчы чаўны эпохі неаліту – бронзавага і ранняга жалезнага вякоў не маюць папярочных перабораў. Гэта канструктыўная дэталі не выкарыстоўвалася таксама ў больш позніх, выразна большых па памеры лодках тыпу «Левін», датаваных пераважна познерымскім часам і пачаткам эпохі Вялікага перасялення народаў, такіх як два чаўны з г. Левіна Бжэскага ці лодка з археалагічнага музея ў Кракаве [15, s. 23, il. 9, tabl. 1]. У цэлым жа прынята лічыць, што пераборкі пачынаюць масава выкарыстоўвацца ў канструкцыі чаўноў толькі з VI–VII стст. н. э. Аднак апошнія адрозніваюцца ад чоўна з в. Скорбічы паўкруглым сячэннем корпуса і значна большымі памерамі [13, р. 64, fig. 7–9; 15, s. 23–31, il. 10, 12, 13; 14, s. 22]. Нарэшце, ні ў адным з вядомых нам чаўноў таксама не адзначаецца дэталі, якая ўзнікае на падставе палявых назіранняў у канструкцыі лодкі з в. Скорбічы, – апісаны вышэй падоўжны выступ («рабро жорсткасці») па ўнутраным баку днішча (гл. мал. 2, Б – Б1; мал. 3, в, з).

Асобнай заўвагі заслугоўваюць камяні, адкрытыя намі падчас вывучэння рэшткаў лодкі з в. Скорбічы. Найперш трэба выключыць іх першапачатковую нязвязанасць з лодкай і пазнейшае выпадковае пападанне ў яе: камяні залягалі толькі ў аб'ёме чоўна, у тым ліку ў прыдоннай яго частцы, і следоў іх пазнейшага ўкапвання не прасочана. Паколькі выпадкі выкарыстання лодак у пахавальных практыках паморскай культуры нам невядомыя, а вынікі радыеувугляроднага датавання хутчэй выключаюць прыналежнасць чоўна з в. Скорбічы да вельбарскага гарызонту гэтага помніка (пачатку III – рубяжу IV–V стст. н. э.), яго выкарыстанне ў пахавальнай абраднасці таксама выглядае непрыдападобным. Такім чынам, гэтыя камяні варта разглядаць у першую чаргу ў кантэксце практычнага выкарыстання лодкі. Можна меркаваць пра некалькі варыянтаў іх прымянення. Так, каменне магло быць загружана ў човен, каб прытапіць яго каля берага ракі на

зімовы час, падтрымаць драўніну ў працоўным стане і прадухіліць знос лодкі падчас паводкі. Гэта падаецца дастаткова верагодным, калі ўлічыць месца знаходкі чоўна – на схіле берага р. Лясной, упоперак яе плыні, магчыма, у плыткай западзіне. На іншы спосаб выкарыстання камянёў указваюць сляды тэрмічнага ўздзеяння на іх. Верагодна, папярэдне разагрэтыя камяні выкарыстоўваліся для разгортвання бартоў⁹ альбо прасушкі ці частковага выпрам-

лення чоўна перад выкарыстаннем яго ў новым сезоне. Падчас гэтых працэдур лодка магла прыйсці ў нягоднасць: яе драўніна патрэскалася альбо корпус надламіўся ў цэнтральнай частцы. Магчыма, зламная лодка засталася на беразе ракі і з часам была занесена пяском. З рэгрэсіяй жа ўзроўню вады і зменны рэчышча р. Лясной, звязанай з меліярацыйнай даліны, рэшткі чоўна апынуліся дастаткова высока над сучасным узроўнем вады.

Заклучэнне

Падводзячы вынікі вывучэння аб'екта, адкрытага намі ў 2013 г. на шматслойным помніку ў в. Скорбічы, можна канстатаваць, што, нягледзячы на ​​благі стан захаванасці, гэта знаходка дае істотную інфармацыю аб развіцці транспартных сродкаў на землях Беларусі ў старажытнасці. Знаходкі драўляных чаўноў на землях нашай краіны не з'яўляюцца рэдкасцю (гл. спіс літаратуры ў публікацыі [16]). Аднак найбольш старажытныя старонкі гісторыі развіцця плавальных сродкаў у Беларусі вывучаны сёння вельмі недастаткова – толькі адзінкавыя лодкі можна аднесці да часу, больш ранняга, чым Высокае сярэднявекі. Найбольш старажытнай знаходкай такога роду лічыцца абломак дзяўбанкі, адкрыты ў канцы 1970-х гг. падчас рыцця канала на стаянцы Заценне (в. Заценне Лагойскага раёна Мінскай вобласці). Ён суадносіцца з ніжнім (нарвенская культура) альбо сярэднім (паўночнабеларуская

культура) слоём гэтага помніка і датуецца, такім чынам, у інтэрвале з сярэдзіны 4-га па пачатак 2-га тыс. да н. э. Існуюць падставы меркаваць, што каля в. Асавец (Бешанковіцкі раён Віцебскай вобласці) у паўночнай частцы Крывінскага тарфяніку пры падобных абставінах быў знойдзены човен эпохі неаліту – сярэдняга бронзавага веку [17, с. 91]. На жаль, абедзве згаданыя вышэй знаходкі страчаны. Эпохай Кіеўскай Русі, XII ст. н. э., датаваны човен, знойдзены на пачатку 1990-х гг. у р. Сож каля в. Ліцвінавічы (Кармянскі раён Гомельскай вобласці) [16, с. 110], які экспануецца сёння ў Музеі старажытнабеларускай культуры Інстытута мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору НАН Беларусі. Такім чынам, прадстаўленыя намі рэшткі скорбіцкага чоўна з'яўляюцца на сёння адзінай, надзейнай датаванай знаходкай падобнага тыпу ў дапісьмовай гісторыі Беларусі.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Obuchowski W. *Zabytki krzemienne i kamienne od paleolitu do wczesnej epoki żelaza z terenów Białorusi w zbiorach Państwowego Muzeum Archeologicznego w Warszawie*. Warszawa: Państwowe Muzeum Archeologiczne w Warszawie; 2003. 208 s.
2. Andrzejowski J, Engel M, Piotrowski A, Ruszkowski M, Szewczuk U, Wójcik A. *Zabytki z okresu wpływów rzymskich, średniowiecza i czasów nowożytnych z Białorusi w zbiorach Państwowego Muzeum Archeologicznego w Warszawie*. Warszawa: Państwowe Muzeum Archeologiczne w Warszawie; 2005. 263 s.
3. Jagmin K. *Skorbiecze. Wiadomości Archeologiczne*. 1882;6:98–108.
4. Амброз А.К. *Фибулы юга европейской части СССР*. Москва: Наука; 1966. 131 с. (Археология СССР. Свод археологических источников; выпуск Д1–30).
5. Кухаренко Ю.В. *Памятники железного века на территории Полесья*. Москва: Издательство Академии наук СССР; 1961. 60 с. (Археология СССР. Свод археологических источников; выпуск Д1–29).
6. Поболь Л.Д. *Древности Белоруссии в музеях Польши*. Минск: Наука и техника; 1979. 185 с.
7. Sulgostowska Z. *Prahistoria międzyrzecza Wisły, Niemna i Dniestru u schyłku plejstocenu*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe; 1989. 255 s.
8. Белевец В.Г. К изучению памятников вельбарской культуры в Беларуси. В: Fudziński M, Paner H, editors. *Nowe materiały i interpretacje: stan dyskusji na temat kultury wielbarskiej*. Gdańsk: Muzeum Archeologiczne w Gdańsku; 2007. s. 293–344.
9. Natuniewicz-Sekuła M, Rein Seehusen C. Baltic connections. Some remarks about studies of boat-graves from Roman Iron Age. Finds from the Slusegård and Wεκlice cemeteries. In: Lund Hansen U, Bitner-Wróblewska A, editors. *Worlds Apart? Contacts across the Baltic Sea during the Iron Age*. København: Det Kongelige Nordiske Oldskriftselskab; 2010. p. 287–313. (Nordiske Fortidsminder. Serie C; volume 7).
10. Вяргей В.С. Помнікі паморскай культуры на Беларусі. У: Шадыра В.І, Вяргей В.С., рэдактары. *Археалогія Беларусі. Том 2. Жалезны век і Раньняе сярэднявечча*. Мінск: Беларуская навука; 1999. с. 75–85.
11. Bronk Ramsey C. Methods for Summarizing Radiocarbon Datasets. *Radiocarbon*. 2017;59(6 part 2):1809–1833. DOI: 10.1017/RDC.2017.108.

⁹Гл. апісанне гэтай тэхнічнай працэдур у працы В. Асоўскага [15, с. 17–18, іл. 7].

12. Reimer PJ, Bard E, Bayliss A, Beck JW, Blackwell PG, Bronk Ramsey C, et al. IntCal13 and Marine13 radiocarbon age calibration curves 0–50,000 years cal BP. *Radiocarbon*. 2013;55(4):1869–1887. DOI: 10.2458/azu_js_rc.55.16947.
13. Ossowski W. Some results of the study of logboats in Poland. In: Litwin J, editor. *Down the river to the sea. Proceedings of the Eight International Symposium on Boat and Ship Archaeology; 1997; Gdańsk, Poland*. Gdańsk: Polish Maritime Museum; 2000. p. 59–66.
14. Kaczmarek J, Ossowski W. Dawne i nowe odkrycia łodzi jednopiennych z terenu Wielkopolski. In: Głosek M, Maik J, editors. *Od pradziejów po współczesność. Archeologiczne wędrówki. Studia dedykowane Pani profesor Marii Magdalenie Blombergowej*. Łódź: Łódzkie Towarzystwo Naukowe; 2007. s. 21–35. (Acta Archeologica Lodzensia; Nr 53).
15. Ossowski W. *Przemiany w sztucnictwie rzeczonym w Polsce. Studium archeologiczne*. Gdańsk: Centralne Muzeum Morskie; 2010. 222 s. (Prace Centralnego Muzeum Morskiego w Gdańsku. Seria B; tom 1).
16. Лакіза ВЛ. Новыя знаходкі старажытных чаўноў на Панямонні. *Беларускі гістарычны часопіс*. 1997;1:106–112.
17. Чернявский ММ. Древнейшие рыболовные орудия Северной Белоруссии. В: Гурина НН, редактор. *Рыболовство и морской промысел в эпоху мезолита – периода раннего металла в лесной и лесостепной зоне Восточной Европы*. Ленинград: Наука; 1991. с. 91–95.

References

1. Obuchowski W. *Zabytki krzemienne i kamienne od paleolitu do wczesnej epoki żelaza z terenów Białorusi w zbiorach Państwowego Muzeum Archeologicznego w Warszawie*. Warszawa: Państwowe Muzeum Archeologiczne w Warszawie; 2003. 208 s.
2. Andrzejowski J, Engel M, Piotrowski A, Ruszkowski M, Szewczuk U, Wójcik A. *Zabytki z okresu wpływów rzymskich, średniowiecza i czasów nowożytnych z Białorusi w zbiorach Państwowego Muzeum Archeologicznego w Warszawie*. Warszawa: Państwowe Muzeum Archeologiczne w Warszawie; 2005. 263 s.
3. Jagmin K. Skorbieze. *Wiadomości Archeologiczne*. 1882;6:98–108.
4. Ambroz AK. *Fibuly yuga evropejskoi chasti SSSR* [Fibulae of the south of European part of the USSR]. Moscow: Nauka; 1966. 131 p. (Archaeology of the USSR. Collection of archaeological sources; volume D1–30). Russian.
5. Kukharenko YV. *Pamyatniki zheleznogo veka na territorii Poles'ya* [Iron Age sites in the territory of Polesia]. Moscow: USSR Academy of Sciences Publishing House; 1961. 60 p. (Archaeology of the USSR. Collection of archaeological source; volume D1–29). Russian.
6. Pobol LD. *Drevnosti Belorussii v muzeyakh Polshi* [Antiquities of Byelorussia in the museums of Poland]. Minsk: Nauka i tekhnika; 1979. 185 p. Russian.
7. Sulgostowska Z. *Prahistoria międzyrzecza Wisły, Niemna i Dniestru u schyłku plejstocenu*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe; 1989. 255 s.
8. Bielawec VG. [Research on the Wielbark culture in Belarus]. In: Fudziński M, Paner H, editors. *Nowe materiały i interpretacje: stan dyskusji na temat kultury wielbarskiej*. Gdańsk: Muzeum Archeologiczne w Gdańsku; 2007. p. 293–344. Russian.
9. Natuniewicz-Sekuła M, Rein Seehusen C. Baltic connections. Some remarks about studies of boat-graves from Roman Iron Age. Finds from the Slusegård and Weklisce cemeteries. In: Lund Hansen U, Bitner-Wróblewska A, editors. *Worlds Apart? Contacts across the Baltic Sea during the Iron Age*. København: Det Kongelige Nordiske Oldskriftselskab; 2010. p. 287–313. (Nordiske Fortidsminder. Serie C; volume 7).
10. Vjargej VS. [Pomeranian culture sites in Belarus]. In: Shadyra VI, Vjargej VS, editors. *Arhealogija Belarusi. Tom 2. Zhalezny vek i Rannjaj sjarjednjawechcha* [Archaeology of Belarus. Volume 2. Iron Age and Early Medieval Period]. Minsk: Belaruskaja navuka; 1999. p. 75–85. Belarusian.
11. Bronk Ramsey C. Methods for Summarizing Radiocarbon Datasets. *Radiocarbon*. 2017;59(6 part 2):1809–1833. DOI: 10.1017/RDC.2017.108.
12. Reimer PJ, Bard E, Bayliss A, Beck JW, Blackwell PG, Bronk Ramsey C, et al. IntCal13 and Marine13 radiocarbon age calibration curves 0–50,000 years cal BP. *Radiocarbon*. 2013;55(4):1869–1887. DOI: 10.2458/azu_js_rc.55.16947.
13. Ossowski W. Some results of the study of logboats in Poland. In: Litwin J, editor. *Down the river to the sea. Proceedings of the Eight International Symposium on Boat and Ship Archaeology; 1997; Gdańsk, Poland*. Gdańsk: Polish Maritime Museum; 2000. p. 59–66.
14. Kaczmarek J, Ossowski W. Dawne i nowe odkrycia łodzi jednopiennych z terenu Wielkopolski. In: Głosek M, Maik J, editors. *Od pradziejów po współczesność. Archeologiczne wędrówki. Studia dedykowane Pani profesor Marii Magdalenie Blombergowej*. Łódź: Łódzkie Towarzystwo Naukowe; 2007. s. 21–35. (Acta Archeologica Lodzensia; Nr 53).
15. Ossowski W. *Przemiany w sztucnictwie rzeczonym w Polsce. Studium archeologiczne*. Gdańsk: Centralne Muzeum Morskie; 2010. 222 s. (Prace Centralnego Muzeum Morskiego w Gdańsku. Seria B; tom 1).
16. Lakiza VL. [New finds of dugouts in the Neman River region]. *Belaruskii gistorychny chasopis*. 1997;1:106–112. Belarusian.
17. Chernyavskii MM. [The oldest fishing tools of the Northern Belarus]. In: Gurina NN, editor. *Rybolovstvo i morskoi promysel v epokhu mezolita – perioda rannego metalla v lesnoi i lesostepnoi zone Vostochnoi Evropy* [Fishery in the Mesolithic through the Early Metal Age in the forest and forest steppe zones of Eastern Europe]. Leningrad: Nauka; 1991. p. 91–95. Russian.

ИСТОРИОГРАФИЯ

ГІСТАРЫЯГРАФІЯ

HISTORIOGRAPHY

УДК 94(477)+94(470+571)«1861/1914»:930

ИЗУЧЕНИЕ КРЕДИТНО-ФИНАНСОВОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1861–1914) В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ: УНИВЕРСИТЕТСКИЕ ШКОЛЫ УКРАИНЫ

Е. А. БРУХАНЧИК¹⁾

¹⁾Промагролизинг, пр. Победителей, 51, корп. 2, 220035, г. Минск, Беларусь

Рассматриваются украинские университетские школы, которые разрабатывали вопросы кредита и финансов Российской империи второй половины XIX – начала XX в. в дореволюционный период. Целью статьи является определение основных научных достижений киевской, харьковской и одесской школ финансового права в изучении кредитно-финансовой системы Российской империи (1861–1914) путем установления особенностей дореволюционной украинской историографии, выявления характерных черт и представителей каждой из указанных научных школ. Актуальность исследования заключается в анализе научного наследия наиболее прогрессивных школ финансового права, представители которых не только участвовали в законотворческой деятельности (подготовка проектов законодательных актов по реализации выкупной операции, проведению финансовой реформы 1895–1897 гг., а также законопроектов в сфере мелкого кредита), входили в состав коллегиальных органов управления крупнейших банков, но и выдвигали оригинальные идеи как практического, так и теоретического характера. Многие предложения украинских экономистов легли в основу новых направлений экономической мысли (М. И. Туган-Барановский является основоположником институционализма). Их наследие можно применять при решении современных стратегических задач государства. Новизна исследования обуславливается тем, что впервые систематизированы идеи украинских школ экономистов в отношении кредита и финансов Российской империи второй половины XIX – начала XX в. Определены характерные черты киевской (статусные представители, прогрессивные взгляды, вклад в развитие

Образец цитирования:

Бруханчик ЕА. Изучение кредитно-финансовой системы Российской империи (1861–1914) в дореволюционной историографии: университетские школы Украины. *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2020;3:83–92.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2020-3-83-92>.

For citation:

Brukhanchik EA. The study of the credit and financial system of the Russian Empire (1861–1914) in pre-revolutionary historiography: university schools of Ukraine. *Journal of the Belarusian State University. History*. 2020;3:83–92. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2020-3-83-92>.

Автор:

Екатерина Анатольевна Бруханчик – кандидат исторических наук; главный специалист юридического управления.

Author:

Ekaterina A. Brukhanchik, PhD (history); chief specialist at the legal department.
e.a.bruhanchik@tut.by



институционализма), харьковской (популяризация идей кредитной кооперации, проведение научных семинаров по актуальным экономическим вопросам) и одесской (критика банков, их классификация) научных школ. Отмечены наиболее распространенные темы для исследования, перечислены видные представители.

Ключевые слова: кредитно-финансовая система; украинская историография; киевская школа; харьковская школа; одесская школа; институционализм.

ВЫВУЧЭННЕ КРЭДЫТНА-ФІНАНСАВАЙ СІСТЭМЫ РАСІЙСКОЙ ІМПЕРЫІ (1861–1914) У ДАРЭВАЛЮЦЫЙНАЙ ГІСТАРЫЯГРАФІІ: УНІВЕРСІТЭЦКІЯ ШКОЛЫ УКРАЇНЫ

К. А. БРУХАНЧЫК^{1*}

^{1*}Прамагразінг, пр. Пераможцаў, 51, корп. 2, 220035, г. Мінск, Беларусь

Разглядаюцца ўкраінскія ўніверсітэцкія школы, якія распрацоўвалі пытанні крэдыту і фінансаў Расійскай імперыі другой паловы XIX – пачатку XX ст. у дарэвалюцыйны перыяд. Мэтай артыкула з’яўляецца вызначэнне асноўных навуковых дасягненняў кіеўскай, харкаўскай і адэскай школ фінансавага права ў вивучэнні крэдытна-фінансавай сістэмы Расійскай імперыі (1861–1914) шляхам устанаўлення асаблівасцей дарэвалюцыйнай украінскай гістарыяграфіі, выяўлення характэрных рыс і прадстаўнікоў кожнай з названых навуковых школ. Актуальнасць даследавання заключаецца ў аналізе навуковай спадчыны найбольш прагрэсіўных школ фінансавага права, прадстаўнікі якіх не толькі ўдзельнічалі ў заканадаўчай дзейнасці (падрыхтоўка праектаў заканадаўчых актаў па рэалізацыі выкупной аперацыі, правядзенні фінансавай рэформы 1895–1897 гг., а таксама законапраектаў у сферы дробнага крэдыту), уваходзілі ў склад калегіяльных органаў кіравання найбуйнейшых банкаў, але і вылучалі арыгінальныя ідэі як практычнага, так і тэарэтычнага характару. Многія прапановы ўкраінскіх эканамістаў леглі ў аснову новых кірункаў эканамічнай думкі (М. І. Туган-Барановскі з’яўляецца заснавальнікам інстытуцыяналізму). Іх спадчыну можна скарыстоўваць пры вырашэнні сучасных стратэгічных задач дзяржавы. Навізна даследавання абумоўліваецца тым, што ўпершыню сістэматызаваны ідэі ўкраінскіх эканамічных школ адносна крэдыту і фінансаў Расійскай імперыі другой паловы XIX – пачатку XX ст. Вызначаны характэрныя рысы кіеўскай (выдатныя прадстаўнікі, прагрэсіўныя погляды, уклад у развіццё інстытуцыяналізму), харкаўскай (папулярныя ідэі крэдытнай кааперацыі, правядзенне навуковых семінараў па актуальных эканамічных пытаннях) і адэскай (крытыка банкаў, іх класіфікацыя) навуковых школ. Адзначаны найбольш распаўсюджаныя тэмы для даследавання, пералічаны вядомыя прадстаўнікі.

Ключавыя словы: крэдытна-фінансавая сістэма; украинская гістарыяграфія; кіеўская школа; харкаўская школа; адэскае школа; інстытуцыяналізм.

THE STUDY OF THE CREDIT AND FINANCIAL SYSTEM OF THE RUSSIAN EMPIRE (1861–1914) IN PRE-REVOLUTIONARY HISTORIOGRAPHY: UNIVERSITY SCHOOLS OF UKRAINE

E. A. BRUKHANCHIK^a

^aPromagroleasing, 51 Pieramożcaŭ Avenue, 2 building, Minsk 220035, Belarus

The article is devoted to the study of the university schools of Ukraine that developed issues of credit and finance of the Russian Empire in the second half of the 19th – early 20th century in the pre-revolutionary period. Its purpose is to determine the main scientific achievements of the Kyiv, Kharkiv and Odessa schools of financial law in studying the credit and financial system of the Russian Empire (1861–1914) by establishing the features of pre-revolutionary Ukrainian historiography, identifying the characteristics of each of these scientific schools, and identifying their representatives. The relevance of the article is determined by studying the scientific heritage of the most progressive schools of financial law, whose representatives not only participated in legislative activities (preparation of draft legislative acts on the implementation of the foreclosure operation, financial reform of 1895–1897, in the field of small loans), were part of the collegial management bodies largest banks, but also put forward original ideas of both practical and theoretical nature. Many proposals of Ukrainian economists formed the basis for new areas of economic thought (M. I. Tugan-Baranovsky is one of the founder of institutionalism). Their legacy can be applied in solving modern strategic tasks of the state. The novelty of the study is determined by the fact that for the first time systematized the ideas of Ukrainian schools of economists regarding credit and finance of the Russian Empire in the second half of the 19th – early 20th century. The characteristic features of the Kyiv scientific school (status

representatives, progressive ideas, contribution to the development of institutionalism), Kharkiv school (popularization of the ideas of credit cooperation, conducting scientific seminars on pressing economic issues) and Odessa school (criticism of banks, their classification) are determined. The most common topics for research are noted, prominent representatives are listed.

Keywords: credit and financial system; Ukrainian historiography; Kyiv school; Kharkiv school; Odessa school; institutionalism.

В условиях поиска оптимальной модели экономического развития государства изучение исторического опыта экономических преобразований является поучительным и полезным. Основная проблема заключается в том, что привычный подход советской экономической науки к решению ряда макроэкономических задач в современных реалиях уже неактуален. Слепое копирование зарубежного опыта экономических преобразований в 1990-х гг. обернулось тяжелыми последствиями для стран бывшего Советского Союза и не способствовало решению назревших проблем, а лишь усугубило их.

Между тем в дореволюционный период Российская империя столкнулась с необходимостью проведения коренных экономических преобразований, вызванных последствиями крупнейших социальных реформ второй половины XIX в., масштабной модернизацией промышленности и сельского хозяйства, расширением сети железнодорожных магистралей. К их подготовке руководство страны активно привлекало отечественных специалистов в сфере финансового права, часть которых впоследствии стали государственными деятелями и чиновниками профильных министерств.

Тем не менее в этот период еще не был завершен процесс становления экономических знаний и оформление их в отдельную науку. Российские высшие учебные заведения не готовили экономистов в привычном понимании: как правило, это были выпускники юридических факультетов некоторых вузов, прослушавшие курс лекций по политэкономии, статистике и ряду других экономических дисциплин [1, с. 13–14]. Практические знания многие из них пополняли уже в статусе чиновников Министерства финансов Российской империи (далее – Министерство финансов), местных казначейств, кредитных учреждений.

Несмотря на «молодость» российской экономической науки на рубеже XIX–XX вв. и немногочисленный круг профессиональных экономистов, их исследования опирались на зарубежный опыт, учитывали местные особенности и историческое прошлое. И хотя сейчас, по прошествии более полутора веков, не все проблемы актуальны, вопросы регулирования финансовой сферы, организации доступного кредита для населения, в первую очередь в сельской местности, по-прежнему не решены.

В связи с этим прогрессивное научное наследие украинских школ финансового права дореволюционного периода представляет особый интерес: к ним

принадлежала плеяда ученых с мировым именем, работы которых и сегодня пользуются заслуженной популярностью (М. И. Туган-Барановский, П. П. Мигулин, В. Ф. Левитский и др.). Украинские экономисты в большинстве своем поддерживали развитие рыночных отношений и конкуренции, в том числе и в сельском хозяйстве, одобряли умеренный протекционизм, ликвидацию феодальных пережитков в аграрной сфере, были менее подвержены идеям марксизма, критиковали классическую политэкономии (А. Смит), являлись сторонниками маржинализма или институционализма [2, с. 4].

Цель данного исследования – определение основных научных достижений киевской, харьковской и одесской школ финансового права в изучении кредитно-финансовой системы Российской империи (1861–1914) и ее элементов.

Объектом исследования выступает украинская историография кредитно-финансовой системы Российской империи (1861–1914).

Предмет исследования – украинские научные школы (киевская, харьковская, одесская), которые занимались изучением кредитно-финансовой системы Российской империи во второй половине XIX – начале XX в.

Задачами исследования являются:

- установление особенностей дореволюционной украинской историографии кредитно-финансовой системы Российской империи во второй половине XIX – начале XX в.;
- определение характерных черт различных украинских научных школ, изучавших кредитно-финансовую систему Российской империи во второй половине XIX – начале XX в.;
- выявление представителей украинских научных школ, занимавшихся изучением отдельных аспектов кредитно-финансовой системы Российской империи во второй половине XIX – начале XX в.

Методологической основой исследования указанной проблемы выбрана институционально-эволюционная теория, базирующаяся на определении влияния социальных институтов (принятых общественных норм, обычаев, традиций, законов и др.) на развитие государства. При изучении украинской историографии проводился анализ научных работ экономистов, на основании изложенных в них взглядов устанавливалась принадлежность авторов исследований к конкретной научной школе (историко-типологический метод), исходя из этого с помощью

индуктивного метода выявлялись характерные особенности каждой из школ.

Следует отметить, что определение принадлежности автора к научной школе возможно с оговорками: как правило, изучением кредитно-финансовой системы Российской империи занимались немногие представители школ финансового права; ряд экономистов работали в разных городах, поэтому их могут относить одновременно к двум или даже трем научным школам (М. И. Туган-Барановского относят к киевской, харьковской и петербургской школам), а также считать как российскими, так и украинскими учеными.

Представители всех научных школ применяли специально-научные методы исследования (сравнительно-правовой, статистический), что было связано с их профессиональной деятельностью, как правило, в сфере экономики или юриспруденции, а также исторический метод. При сравнительно-правовом методе исследования осуществлялось сопоставление законодательства Российской империи и ряда зарубежных государств. Это использовалось при сравнении правового статуса российского и европейских центральных банков, определении состояния кооперативных учреждений и городских общественных банков в России и за ее пределами. Исторический метод применялся при исследовании отдельных экономических явлений (кредита, кооперации и др.) на различных этапах их становления как внутри страны, так и за рубежом.

Изучение университетских школ (школ финансового права) Российской империи началось в постсоветской историографии. В советский период уделялось внимание лишь работам отдельных их представителей, предметом исследований чаще всего являлась оценка деятельности дореволюционных ипотечных банков в украинских землях и кредитной кооперации, что было связано с аграрной направленностью региона. Очевидно, деятельность кредитных учреждений оценивалась как недостаточно эффективная [3–6].

Постсоветская историография не только реабилитировала сами кредитные учреждения дореформенного периода, отметив их значительное положительное влияние на развитие местной украинской промышленности, торговли и иных сфер, но и стала заниматься исследованием вопроса и выявлением различных университетских школ по изучению экономических проблем в украинских губерниях [1; 7–12].

Авторитетнейшей школой финансового права, находящейся в одном ряду с петербургской и московской, является *киевская школа*. Ее основателем был Н. Х. Бунге, а представителями считаются такие видные экономисты, как Д. И. Пихно, Н. В. Цытович, А. Д. Билимович, Е. Е. Слуцкий, А. Я. Антонович, И. В. Вернадский, В. В. Новожилов и др. Характерная особенность этой школы заключается в том, что многие ее представители занимали высокие госу-

дарственные должности (Д. И. Пихно, А. Я. Антонович, Н. Х. Бунге и др.).

Видный деятель киевской школы Н. Х. Бунге, являвшийся главой финансового ведомства и кабинета министров, был одним из разработчиков выкупной операции крестьянской реформы 1861 г., входил в ряд комиссий по преобразованию кредитных учреждений [2, с. 189–190]. Н. Х. Бунге обладал огромным практическим опытом в сфере кредита и финансов не только как чиновник, но и как управляющий Киевской конторой Государственного банка Российской империи (далее – Государственный банк), которая под его руководством стала третьей по величине и значению губернской конторой. Благодаря Н. Х. Бунге в Киеве было основано несколько обществ взаимного кредита и частных кредитных учреждений. Он активно проповедовал развитие коммерческого кредита, минимизацию бюрократических процедур при создании новых коммерческих банков, развитие частного землевладения при активном финансировании ипотечных банков [2, с. 194, 202].

Большой вклад в изучение кредита и финансов внес еще один яркий представитель киевской школы П. П. Мигулин. При его участии издавался журнал «Экономист России» (1909–1912), в котором регулярно печатался он сам и наиболее известные российские экономисты того времени. Публикации П. П. Мигулина отличались практической направленностью, опорой на историю и теорию вопроса, зарубежный опыт, отражали его видение той или иной проблемы и предполагаемые пути решения на основании финансовых расчетов.

П. П. Мигулин обращал внимание на необходимость реформирования денежной системы страны, но в увязке с изменением принципов работы Государственного банка. Он считал, что абсолютная самостоятельность центрального банка невозможна, особенно в исключительные для государства моменты (военное время, революция, экономический кризис и т. д.), однако цель правительства – освободить это учреждение от власти Государственного казначейства Российской империи и Министерства финансов и выполнения несвойственных для него операций. П. П. Мигулин предлагал изменить устав, привести дела банка в порядок, проведя правительственную ревизию, сделать деятельность учреждения более прозрачной для населения и зарубежных партнеров. По его мнению, это позволило бы усилить доверие к российскому правительству и упрочило бы престиж государства на международной арене [13, с. 92–95].

Отметим, что с П. П. Мигулиным был солидарен А. Д. Билимович, который поддерживал развитие частной инициативы и собственности в экономике, но при этом обращал внимание на отрицательные стороны данного явления: рост социального неравенства в обществе, усиление конкуренции и т. д. Отвергая систему активного вмешательства

государства в экономику, он считал возможным выбрать «третий путь», при котором рыночные отношения будут корректироваться правительством в случае необходимости [14, с. 45; 15, с. 37–73; 16].

В подготовленном А. Д. Билимовичем юбилейном издании «Министерство финансов. 1802–1902» (1902) отсутствует оценка работы центрального банка, предложения по его реформированию. Само исследование напоминает исторический очерк с описанием особенностей финансовой системы государства, взаимодействия Государственного банка и Министерства финансов, отдельных кредитных учреждений, ключевых мероприятий, реализованных при участии главного банка страны (осуществление государственных займов, финансирование строительства железных дорог и их последующего выкупа, покрытие бюджетных дефицитов, ликвидация дореформенных кредитных учреждений, проведение реформы 1897 г.) [17; 18].

Представители киевской школы не обошли стороной и аграрный вопрос. Так, П. П. Мигулин считал, что для его решения следует обратиться к американскому опыту, предполагавшему передачу каждому гражданину права на выделение свободной земли, получение ссуды в специализированном банке под залог этой земли, организацию переселения (при необходимости) и разработку специального законодательства [1, с. 542]. Д. И. Пихно предлагал ограничиться расширением залоговых форм кредита и решением проблем с погашением выкупных платежей [19, с. 31]. И. В. Вернадский был убежден, что решение вопроса крестьянского малоземелья требует ликвидации крестьянской общины, которая подавляет хозяйственную инициативу своих членов, препятствует накоплению капиталов, не обеспечивает равенства общинников. Он выступал за развитие кредита на государственном уровне [20, с. 41].

Деятели киевской школы считали естественным привлечение иностранных капиталов для проведения в Российской империи масштабных преобразований. М. И. Туган-Барановский полагал, что без их участия модернизация промышленности была бы невозможной ввиду недостатка отечественных капиталов [21, с. 201–204]. Он осуждающе относился к «квасному патриотизму» критиков иностранных инвестиций: «Наши самобытники с ужасом говорят о захвате иностранными капиталистами природных богатств России... Они считают будущие дивиденды, которые уйдут из России. Но при этом забывают, что этих прибылей совсем бы не было, если бы иностранный капитал не оплодотворял нашей промышленной почвы. Забывают, что раз вложенный капитал остается в стране, питает собой рабочую массу. Вся наша промышленность новейшего времени развилась на основе иностранных капиталов» [22, с. 532].

Большой заслугой М. И. Туган-Барановского является изучение не универсальных экономических явлений, а влияния сложившихся в обществе тра-

диций, ценностей и моральных норм на экономическое развитие России [1, с. 555]. Этот подход в той или иной степени нашел отражение в большинстве работ ученого. Так, в книге «Русская фабрика в прошлом и настоящем: историко-экономическое исследование» (1898) он обратил внимание на социальные условия создания первых мастерских, а не на экономические предпосылки [23]. Большое значение имела работа М. И. Туган-Барановского «Социальные основы кооперации» (1916), в которой отражены воззрения автора на проблему становления кооперации в России, содержится критика огосударствления этого явления и форсирования его развития [24]. М. И. Туган-Барановский видел главную особенность кооператива в том, что, в отличие от капиталистического предприятия, он не ставит целью получение прибыли, а создается для увеличения трудовых доходов его членов. Это способствует освобождению крестьянской бедноты от эксплуатации ростовщиков и мелких лавочников, которые завышали цены на свои товары или давали деньги в долг под высокие проценты. Ученый полагал, что кредитные кооперативы должны дать возможность небогатому крестьянству пользоваться доступным и дешевым кредитом [24]. Современники считают М. И. Туган-Барановского одним из основоположников институционализма [24, с. 120–121, 123].

Таким образом, характерными чертами киевской школы были прогрессивный взгляд на рассматриваемые экономические явления и проблемы, опора на зарубежный опыт реформирования различных отраслей. Несмотря на высокие государственные посты, отдельные ее представители умело совмещали роли чиновника и предпринимателя, достигая высот в обеих сферах деятельности. Выступая с конструктивной критикой сложившихся финансовых институтов (Государственного банка, Министерства финансов, государственных ипотечных земельных банков) и недальновидных финансовых решений правительства, «киевляне» тем не менее в целом поддерживали курс проводимой в стране модернизации, предлагали рыночные способы решения наиболее актуальных проблем. В основном эта школа уделяла внимание изучению крупных кредитных учреждений и финансовой системы страны. Серьезным достижением киевской школы был анализ экономических процессов в Российской империи через призму социальных условий, учет исторически сложившихся особенностей при определении путей развития капиталистических отношений, форм их внедрения в существующую экономическую систему. Эти идеи позволяют относить деятелей киевской школы к первым институционалистам.

Среди представителей *харьковской школы* вопросами кредита занимались М. Н. Соболев, А. Н. Анцыферов, С. В. Бородаевский, Л. Н. Яснопольский, подготовившие работы, посвященные Государственному банку, проблемам ростовщичества, развитию

кредитной кооперации и деятельности ипотечных и коммерческих банков [7, с. 18; 25, с. 21–36; 26; 27].

Крупнейший украинский экономист Л. Н. Яснопольский, стоявший у истоков издания «Банковой энциклопедии», исследовал деятельность Государственного банка. Отмечая огромную экономическую силу, которую представляет данное учреждение для страны, автор указывает на наличие ряда ограничений в его деятельности (подчиненность Министерству финансов, строгая регламентация срока выдачи ссуд, преимущественное кредитование торговли в ущерб промышленности и др.) [28, с. 234, 240, 256–257]. Ученый обсуждает ряд предложений по реформированию центрального банка, приводя в пример проект П. П. Мигулина, существующий порядок работы центральных банков отдельных стран Западной и Северной Европы. По мнению Л. Н. Яснопольского, деятельность Государственного банка после реформы 1894 г. продолжала зависеть от Министерства финансов, хотя должна была сосредоточиться на оздоровлении учетной операции, передаче другим банкам прерогативы кредитования промышленности, активном развитии сберегательных касс и учреждений мелкого кредита [28, с. 280].

Обращаясь к оценке работы коммерческих банков, Л. Н. Яснопольский видел в них движущую силу для развития отечественной промышленности: «...именно капитал больших коммерческих банков и их соединений, финансирующий не только современную промышленность, но и современное государство, обладает большой экономической силой» [29, с. 3]. При этом он отмечал, что развитие капиталистического кредита в Российской империи происходит медленнее, чем в странах Западной Европы, ввиду отсутствия развитой торговли, сформированного класса предпринимателей-коммерсантов, обеспечения гражданских прав, защиты интересов собственников и др. Значительный ссудный процент, концентрация капиталов в столицах, слабое развитие среднего и мелкого кредита препятствуют развитию реального сектора экономики страны [30].

Объектом изучения деятелей харьковской школы стали также городские общественные банки и кредитное законодательство [31]. К. К. Гаттенбергеру принадлежит одна из первых классификаций российских банков на коммерческие и циркулярные. Коммерческие банки осуществляют операции на основе капиталов, полученных от размещения депозитов, циркулярные – на выпускаемые билеты (онкольные счета). Предложенная классификация банковских учреждений и проведенный анализ их деятельности позволили К. К. Гаттенбергеру определить, что циркулярные банки чаще подвержены кризисам. Следует отметить, что подобного рода исследования крайне редки для дореволюционного периода.

Указывая на отсутствие доступного кредита в сельской местности и произвол ростовщиков, М. Н. Соболев и А. Н. Анцыферов предлагают обратиться

к западноевропейскому опыту развития кредитной кооперации и содействовать распространению подобных идей в Российской империи. Кажущийся поверхностным анализ состояния кооперативного дела в стране, сделанный А. Н. Анцыферовым, и написанные доступным языком рекомендации по открытию кооперативов связаны со стремлением разъяснить обывателям важность подобных начинаний и популяризировать их в крестьянской среде.

Крупным исследователем земельных банков и мелкого кредита, одним из известнейших сторонников распространения кредитной кооперации и мелкого кредита являлся представитель Министерства торговли и промышленности в комитете по делам мелкого кредита С. В. Бородаевский. Проанализировав труды местных комитетов 49 губерний европейской части России, он издал работу, в которой отразил основные проблемные вопросы развития кооперации и предложения по их решению [26]. Среди причин слабого развития кооперативного движения С. В. Бородаевский называл наличие многочисленных формальностей при открытии учреждений, непонимание крестьянами возможностей кооперации, невежественность и косность сельского населения, негибкое законодательство, не учитывающее местные особенности, отсутствие заинтересованности в развитии кооперативного движения со стороны интеллигенции [26, с. 52–58]. Ученый предлагал внести изменения в кооперативное законодательство, развивать кооперацию на принципах всеобщности и равенства, временно освободить кооперативы от уплаты ряда налогов, создать выгодные условия кредитования кооперативов Государственным банком, приобщить земства к развитию кооперации и содействовать распространению просвещения среди населения [26, с. 76–96].

Отмечая дешевизну кредита Государственного банка для землевладельцев, нуждающихся в оборотных капиталах для ведения хозяйства, С. В. Бородаевский указывал на несовпадение срока его возврата со временем завершения сельскохозяйственных работ, невозможность реализовать выращенную продукцию по приемлемым ценам и в необходимые сроки [27, с. 1–4]. Обращая внимание на низкие процентные ставки по ссудам Дворянского земельного банка, он считал неверным «недопущение дворян польского происхождения пользоваться услугами этого банка» и его «слишком коммерческий характер», выдачу ссуд в размере не более чем 50 % от стоимости имения [27, с. 43–44, 47]. В отношении Крестьянского поземельного банка С. В. Бородаевский показал полярные точки зрения представителей различных губерний, от самых восторженных до обличительных [27, с. 65–67]. Вместе с тем он подчеркивал, что данный банк подвергся нареканиям за активную продажу бывшей помещичьей земли крестьянам и представителям непривилегированных сословий, за то, что «стал на коммерческую ногу и не является уч-

реждением государственным» [27, с. 65–67]. Заслугой С. В. Бородаевского является, с одной стороны, демонстрация различных точек зрения на работу крупнейших государственных банков представителей местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности, т. е. клиентов банков, а с другой стороны, отражение как положительных, так и отрицательных сторон их деятельности.

Одной из особенностей харьковской школы, о которой хотелось бы упомянуть, была организация в 1901 г. при юридическом факультете Императорского Харьковского университета специального семинара для порядка 200 студентов – курса по чтению докладов на актуальные научные темы экономического характера. Председателем семинара являлся ректор университета Н. О. Куплеваский. В течение семи заседаний было рассмотрено восемь научных докладов, в том числе по мелкому кредиту в России (подготовил А. Н. Анцыферов). Однако деятельность общества оказалась недолгой и к началу Первой российской революции была свернута [32, с. 16].

Взамен закрытого ученого общества в Императорском Харьковском университете при участии В. Ф. Левитского и А. Н. Анцыферова в 1907 г. начал работу статистико-экономический семинар. В том же году состоялось первое заседание, на котором был избран секретарь семинара, утверждены положение о семинаре и программа его работы. Участниками семинара являлись студенты, а также вольнослушатели, прослушавшие полный университетский курс, в количестве не более 30 человек. В 1908 г. состоялось 29 заседаний, одно из них было посвящено памяти известного экономиста А. И. Чупрова, изучавшего проблемы кооперации [32, с. 17]. Наряду с актуальными темами теории экономической науки рассматривались и более прикладные вопросы кооперативного движения и крестьянского малоземелья.

Харьковская школа, в отличие от киевской, больше внимания уделяла анализу условий кредитования в банках, отмечая отступления от рыночных принципов в работе банковских учреждений (высокие ставки по кредитам, сильная государственная регламентация их деятельности), а также недостаткам при осуществлении операций (онкольные счета). Заслугой харьковской школы считается разработка классификации банков, схожей с классификациями, предложенными современными историками и экономистами. Еще одним достижением этой школы можно назвать исследование кредитной кооперации С. В. Бородаевского, которое является наиболее полной и классической работой для современных ученых. Яркое отличие от других школ заключалось в форме проведения исследований и их распространении (через научные семинары).

Одесская школа внесла не столь значительный вклад в развитие кредита и финансов, но отличилась весьма критическим подходом к оценке работы кредитных учреждений.

Отмечая те же недостатки в работе Крестьянского поземельного банка, что и представители других финансовых школ, известный ученый, политический и общественный деятель М. Я. Герценштейн обращал внимание на политику этого учреждения, которое затрачивает собственные средства на приобретение земли для последующей перепродажи будущим покупателям. При этом просьбы клиентов приобрести землю в определенной местности банк игнорирует. Такой недальновидный подход приводит к увеличению расходов учреждения, нездоровому ажиотажу на земельном рынке, высоким ценам на землю, что препятствует решению проблемы крестьянского малоземелья [32].

М. Я. Герценштейна можно отнести к критикам коммерческих банков, «банковских хищников» [33, с. 148]. В книге «Харьковский крах» (1903) автор дает оценку нашумевшему банкротству Харьковского торгового банка в 1901 г., комментируя материалы судебного процесса. Основателем Харьковского торгового банка был крупнейший предприниматель, учредитель Алексеевского горнопромышленного общества, металлургических заводов Донецко-Юрьевского металлургического общества и общества «Русский Провиданс» в Мариуполе А. К. Алчевский. Причиной краха банка стала масштабная финансовая поддержка за счет банковских ресурсов металлургических предприятий, которые в период экономического кризиса 1899–1902 гг. потерпели убытки. Автор рьяно критикует вскрывшиеся злоупотребления в банках, не обращая внимание даже на кризис [33, с. 149, 160]. М. Я. Герценштейн сравнивает изъятие средств из банков с деятельностью обыкновенных карманников, хотя, очевидно, в данной ситуации все не так просто. За примитивной, предназначенной для неискушенной публики критикой ярко проступает личность серьезного предпринимателя, который использовал средства банков не для кутежа, азартных игр и приобретения предметов роскоши, а активно инвестировал их в свой бизнес, готов был рисковать и отвечать за свои действия.

М. Я. Герценштейн изучал проблему развития муниципального кредита (городских общественных банков). В отличие от кредитных кооперативов, предусматривающих механизм частного финансирования и привлекающих мелких предпринимателей, городские общественные банки в основном опирались на государственные субсидии, изредка – частные вклады в уставный фонд. Основные направления их деятельности были связаны с финансированием мероприятий местных органов власти (городских управ) по совершенствованию инфраструктуры (строительство водопровода, развитие общественного транспорта, уличного освещения), медицины и образования (учреждение больниц, домов призрения, приютов) [34]. Бюджетное финансирование и регулирование деятельности городских общественных банков со стороны городских вла-

стей привели к их незначительному количеству на территории Российской империи и относительной финансовой стабильности. При этом большинство исследователей считали открытие таких банков целесообразным и полезным для населения при условии коренной перестройки принципов работы. Среди них упоминались отказ от принятия в качестве обеспечения кредитов ценных бумаг и городских построек, увеличение объема государственной поддержки банков, обращение к положительному опыту аналогичных учреждений за рубежом [34].

Г. Е. Афанасьев пытается разобраться в механизмах возникновения денежных кризисов, анализируя в том числе участие банков в этом процессе. Автор обращает внимание на рост учетных операций в Государственном банке преимущественно в провинции, которые способствуют финансированию промышленности и торговли. Он же считает, что иностранные капиталы оказали благотворное влияние на российскую промышленность [35, с. 27].

Одесская школа является наиболее критично настроенной к кредитным учреждениям из всех украинских школ. Несмотря на рост влияния банков, представители одесской школы упрекали как государственные, так и частные банки в существующих недостатках. Заслугой представителей этой школы стали изучение предпосылок возникновения финансовых кризисов и высокая оценка эффективности филиальной сети Государственного банка. Длительное время в историографии деятельность филиалов крупных российских банков не считалась продуктивной.

Таким образом, украинская историография дореволюционного периода характеризуется наличием трех университетских школ (школ финансового права), изучающих проблемы кредитно-финансовой системы Российской империи (1861–1914), – киевской, харьковской и одесской. Их появление было обусловлено работой высших учебных заве-

дений в одноименных восточноукраинских городах. В отношении западноукраинских земель стоит отметить, что изучаемая профессорами Львовского и Черновицкого университетов проблематика не относилась к вопросам кредита и финансов [7, с. 5]. Основными направлениями восточноукраинской историографии дореволюционного периода были анализ работы Государственного банка, участие зарубежных капиталов в экономике государства, деятельность ипотечных и коммерческих банков, кредитных кооперативов и учреждений мелкого кредита. Киевская школа отличалась тем, что большое количество ее представителей занимали высокие государственные должности (Д. И. Пихно, А. Я. Антонович, Н. Х. Бунге и др.), при этом деятели данной школы стояли на прогрессивных позициях, поддерживая развитие рыночных отношений, в том числе и в кредитной сфере, привлечение иностранных инвестиций в экономику, внесли вклад в развитие институциональной теории (М. И. Туган-Барановский). Харьковская школа способствовала распространению кредитной кооперации, разработала классификацию банков, единственная из украинских школ прибегала к форме научного семинара для изучения и обсуждения экономических проблем. Одесская школа выделяется критичностью взглядов на деятельность государственных и коммерческих банков. В целом украинскую историографию отличает очень прогрессивный подход к изучению экономических явлений и процессов по сравнению с университетскими школами Санкт-Петербурга и Москвы, весьма лояльное отношение к деятельности кредитных учреждений, более мягкая их критика (за исключением одесской школы), стремление внедрить капиталистические отношения по западному образцу, но с учетом исторически сложившихся особенностей отдельно взятых регионов империи, активное распространение экономических знаний через форму научного семинара.

Библиографические ссылки

1. Лушникова МВ, Лушников АМ. *Российская школа финансового права: портреты на фоне времени*. Ярославль: Индиго; 2013. 797 с.
2. Корелин АП, редактор. *Российские реформаторы, XIX – начало XX в.* Москва: Международные отношения; 1995. 318 с.
3. Акуленко В. Кредитная система Украины в дореволюционное и послереволюционное время. *Хозяйство Украины*. 1926;10:127–140.
4. Слабченко М. *Матеріали до економічно-соціальної історії України XIX століття. Том 2*. Київ: Державне видавництво України; 1927. 278 с.
5. Погребинський О. Аграрна справа на Україні в світлі II Державної Думи. У: Слабченко М, редактор. *Записки Одеського наукового при УАН товариства. Секція соціально-історична. Частина 2*. Одеса: Державне видавництво України; 1928. с. 48–92.
6. Опря АВ. *Роль Крестьянского поземельного банка в проведении столыпинской аграрной реформы на Украине (1906–1916 гг.)* [автореферат диссертации]. Днепропетровск: Днепропетровский государственный университет имени 300-летия воссоединения Украины с Россией; 1982. 24 с.
7. Лортикян ЭЛ. *Украинские экономисты первой трети XX столетия: очерки истории экономической науки и экономического образования*. Харьков: Харків; 1995. 193 с.
8. Ткаченко АО, Ткаченко ІВ. *Створення і діяльність банківських установ на території України: економіко-правовий аспект (XVIII століття – початок 30-х років XX століття)*. Суми: Ярославна; 2014. 252 с.

9. Радченко НМ. Істориографія вивчення становлення фінансово-кредитної системи України другої половини XIX ст. – 1917 р. *Вісник Луганського національного університету імені Тараса Шевченка*. 2012;21(2):16–25.
10. Шевченко ВВ. Стан та перспективи вивчення банкірського підприємництва на Півдні України в XIX – на початку XX ст. *Проблеми історії України XIX – початку XX ст.* 2012;20:317–328.
11. Новікова ІЕ. *Розвиток банківської системи України в умовах становлення ринкового господарства (друга половина XIX – початок XX ст.)* [автореферат дисертації]. Київ: Київський національний університет імені Тараса Шевченка; 2009. 19 с.
12. Реснт ОП, Шевченко ВВ. Економічний розвиток великої України (1861–1900). У: *Економічна історія України: історико-економічне дослідження. Том 1*. Київ: Ніка-Центр; 2011. с. 601–652.
13. Мигулін ПП. *Настоящее и будущее русских финансов*. Харьков: Печатное дело; 1907. 389 с.
14. Билимович АД. *Труды*. Санкт-Петербург: Росток; 2007. 494 с.
15. Корицкий ЭБ, Нинчиева ГВ, Дмитриев АЛ, Шетов ВХ. *Экономисты русской эмиграции*. Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс; 2000. 286 с.
16. *Зарубежная Россия, 1917–1939 гг.* Санкт-Петербург: Европейский дом; 2000. 444 с.
17. *Министерство финансов, 1802–1902. Часть 1*. Санкт-Петербург: Экспедиция заготовления государственных бумаг; 1902. 639 с.
18. *Министерство финансов, 1802–1902. Часть 2*. Санкт-Петербург: Экспедиция заготовления государственных бумаг; 1902. 692 с.
19. Мухин АБ. *Экономические и управленческие воззрения Д. И. Пихно* [автореферат диссертации]. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет; 2003. 33 с.
20. Вернадский ИВ. *Проспект политической экономии И. Вернадского, ординарного профессора политической экономии и статистики в Главном педагогическом институте*. Санкт-Петербург: Редакция экономического указателя; 1858. 64 с.
21. Туган-Барановский МИ. *К лучшему будущему: 1 – Этика и общественная жизнь, 2 – Кооперация, 3 – Экономическая жизнь*. Санкт-Петербург: Энергия; 1912. 230 с.
22. Туган-Барановский МИ. *Периодические промышленные кризисы*. Москва: Наука; 1997. 573 с. Совместное издание с РОССПЭН.
23. Туган-Барановский МИ. *Избранное. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Историческое развитие русской фабрики в XIX веке*. Москва: Наука; 1997. 735 с.
24. Туган-Барановский МИ. *Социальные основы кооперации*. Москва: Типо-литография товарищества И. Н. Кушнерева и К; 1916. 521 с.
25. Анцыферов АН. *Кооперативный кредит и кооперативные банки*. Харьков: Союз; 1919. 168 с.
26. Бородаевский СВ, составитель. *Кооперации*. Санкт-Петербург: Типография В. Ф. Киришбаума; 1904. 171 с.
27. Бородаевский СВ, составитель. *Кредит*. Санкт-Петербург: Типография В. Ф. Киришбаума; 1904. 427 с.
28. Яснопольский ЛН. Государственный банк. В: *Вопросы государственного хозяйства и бюджетного права. Выпуск 1*. Санкт-Петербург: П. Д. Долгоруков и И. И. Петрункевич; 1907. с. 233–282.
29. Яснопольский ЛН. Коммерческие банки и их роль в современном экономическом строе. В: Яснопольский ЛН, редактор. *Банковая энциклопедия. Том 1*. Киев: Издательство Банковой энциклопедии; 1914. с. 1–16.
30. Яснопольский ЛН. Экономическая будущность юга России и его современная отсталость. *Отечественные записки*. 1871;197(7):70–120.
31. Гаттенбергер КК. *Влияние русского законодательства на производительность торгового банковского кредита*. Харьков: Университетская типография; 1870. 157 с.
32. Герценштейн МЯ. *Аграрный вопрос. Национализация земли. Крестьянский банк и выкупная операция*. Санкт-Петербург: Типография О. Л. Сомовой; 1906. 92 с.
33. Герценштейн МЯ. *Харьковский крах. По поводу процесса о злоупотреблениях в Харьковском земельном и торговом банках*. Санкт-Петербург: Типография Санкт-Петербургского акционерного общества «Слово»; 1903. 202 с.
34. Герценштейн МЯ. Кредит для земств и городов. *Русская мысль*. 1892;6:74–94.
35. Афанасьев ГЕ. *Денежный кризис*. Одесса: Типо-литография А. Шульце; 1900. 32 с.

References

1. Lushnikova MV, Lushnikov AM. *Rossiiskaya shkola finansovogo prava: portrety na fone vremeni* [Russian school of financial law: portraits against the background of time]. Yaroslavl: Indigo; 2013. 797 p. Russian.
2. Korelin AP, editor. *Rossiiskie reformatory, XIX – nachalo XX v.* [Russian reformers, 19th – early 20th century]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya; 1995. 318 p. Russian.
3. Akulenko V. [The credit system of Ukraine in pre-revolutionary and post-revolutionary times]. *Khozyaistvo Ukrainy*. 1926;10:127–140. Russian.
4. Slabchenko M. *Materijaly do ekonomichno-socijal'noi istorii' Ukrai'ny XIX stolittja. Tom 2* [Materials on the economic and social history of Ukraine in the 19th century. Volume 2]. Kyiv: Derzhavne vydavnytstvo Ukrai'ny; 1927. 278 p. Ukrainian.
5. Pogrebys'kyj O. [Agrarian reconciliation in Ukraine in the light of the State Duma II]. In: Slabchenko M, editor. *Zapysky Odes'kogo naukovo pry UAN tovarystva. Sekcija socijal'no-istorychna. Chastyna 2* [Notes of the Odessa Scientific Partnership at the Academy of Sciences of Ukraine. Socio-historical section. Part 2.]. Odessa: Derzhavne vydavnytstvo Ukrai'ny; 1928. p. 48–92. Ukrainian.
6. Oprya AV. *Rol' Krest'yanskogo pozemel'nogo banka v provedenii stolypinskoj agrarnoi reformy na Ukraine (1906–1916 gg.)* [The role of the Peasant Land Bank in carrying out the Stolypin agrarian reform in Ukraine (1906–1916)] [dissertation abstract]. Dnepropetrovsk: Dnepropetrovskii gosudarstvennyi universitet imeni 300-letiya vossoedineniya Ukrainy s Rossiei; 1982. 24 p. Russian.

7. Lortikyan EL. *Ukrainskie ekonomisty pervoi treti XX stoletiya: ocherki istorii ekonomicheskoi nauki i ekonomicheskogo obrazovaniya* [Ukrainian economists of the first third of the 20th century: essays on the history of economic science and economic education]. Kharkiv: Kharkiv; 1995. 193 p. Russian.
8. Tkachenko AO, Tkachenko IV. *Stvorennja i dijal'nist' bankivs'kyh ustanov na terytorii' Ukrai'ny: ekonomiko-pravovij aspekt (XVIII stolittja – pochatok 30-h rokiv XX stolittja)* [The establishment and activity of banking institutions on the territory of Ukraine: economic and legal aspect (18th century – early 30s of 20th century)]. Sumy: Jaroslavna; 2014. 252 p. Ukrainian.
9. Radchenko NM. [The historiography of the study of the formation of the financial and credit system of Ukraine in the second half of the 19th century – 1917]. *Bulletin of Luhansk Taras Shevchenko National University*. 2012;21(2):16–25. Ukrainian.
10. Shevchenko VV. [The status and prospects of studying banking entrepreneurship in the South of Ukraine in the 19th – early 20th century]. *Problemy istorii' Ukrai'ny XIX – pochatku XX st.* 2012;20:317–328. Ukrainian.
11. Novikova IE. *Rozvytok bankivs'koi systemy Ukrai'ny v umovah stanovlennja rynkovogo gospodarstva (druga polovyna XIX – pochatok XX st.)* [The development of the banking system of Ukraine in the conditions of formation of market economy (second half of 19th – beginning of 20th century)] [dissertation abstract]. Kyiv: Taras Shevchenko National University of Kyiv; 2009. 19 p. Ukrainian.
12. Rejent OP, Shevchenko VV. [Economic development of Greater Ukraine (1861–1900)]. In: *Ekonomichna istorija Ukrai'ny: istoriko-ekonomichne doslidzhennja. Tom 1* [The economic history of Ukraine: historical and economic research. Volume 1]. Kyiv: Nika-Centr; 2011. p. 601–652. Ukrainian.
13. Migulin PP. *Nastoyashchee i budushchee russkikh finansov* [Present and future of Russian finance]. Kharkiv: Pechatnoe delo; 1907. 389 p. Russian.
14. Bilimovich AD. *Trudy* [Works]. Saint Petersburg: Rostok; 2007. 494 p. Russian.
15. Koritskii EB, Nintsieva GV, Dmitriev AL, Shetov VKh. *Ekonomisty russkoi emigratsii* [Economists of Russian emigration]. Saint Petersburg: Yuridicheskii tsentr Press; 2000. 286 p. Russian.
16. *Zarubezhnaya Rossiya, 1917–1939 gg.* [Russian abroad, 1917–1939]. Saint Petersburg: Evropeiskii dom; 2000. 444 p. Russian.
17. *Ministerstvo finansov, 1802–1902. Chast' 1* [Ministry of Finance, 1802–1902. Part 1]. Saint Petersburg: Ekspeditsiya zagotovleniya gosudarstvennykh bumag; 1902. 639 p. Russian.
18. *Ministerstvo finansov, 1802–1902. Chast' 2* [Ministry of Finance, 1802–1902. Part 2]. Saint Petersburg: Ekspeditsiya zagotovleniya gosudarstvennykh bumag; 1902. 692 p. Russian.
19. Mukhin AB. *Ekonomicheskie i upravlencheskie vozzreniya D. I. Pikhno* [Economic and managerial views of D. I. Pikhno] [dissertation abstract]. Saint Petersburg: St. Petersburg University; 2003. 33 p. Russian.
20. Vernadsky IV. *Prospekt politicheskoi ekonomii I. Vernadskogo, ordinarnogo professora politicheskoi ekonomii i statistiki v Glavnom pedagogicheskom institute* [Prospect of political economy I. Vernadsky, an ordinary professor of political economy and statistics at the Main Pedagogical Institute]. Saint Petersburg: Redaktsiya ekonomicheskogo ukazatelya; 1858. 64 p. Russian.
21. Tugan-Baranovskii MI. *K luchshemu budushchemu: 1 – Etika i obshchestvennaya zhizn', 2 – Kooperatsiya, 3 – Ekonomicheskaya zhizn'* [For a better future: 1 – Ethics and social life, 2 – Cooperation, 3 – Economic life]. Saint Petersburg: Energiya; 1912. 230 p. Russian.
22. Tugan-Baranovskii MI. *Periodicheskie promyshlennye krizisy* [Periodic industrial crises]. Moscow: Nauka; 1997. 573 p. Co-published by the ROSSPEN. Russian.
23. Tugan-Baranovskii MI. *Izbrannoe. Russkaya fabrika v proshlom i nastoyashchem. Istoricheskoe razvitie russkoi fabрики v XIX veke* [Favorites. Russian factory in the past and present. The historical development of the Russian factory in the 19th century]. Moscow: Nauka; 1997. 735 p. Russian.
24. Tugan-Baranovskii MI. *Sotsial'nye osnovy kooperatsii* [Social foundations of cooperation]. Moscow: Tipo-litografiya tovarishchestva I. N. Kushnerev i K; 1916. 521 p. Russian.
25. Antsyferov AN. *Kooperativnyi kredit i kooperativnye banki* [Cooperative credit and cooperative banks]. Kharkiv: Soyuz; 1919. 168 p. Russian.
26. Borodaevskii SV, compiler. *Kooperatsii* [Cooperations]. Saint Petersburg: Tipografiya V. F. Kirshbauma; 1904. 171 p. Russian.
27. Borodaevskii SV, compiler. *Kredit* [Credit]. Saint Petersburg: Tipografiya V. F. Kirshbauma; 1904. 427 p. Russian.
28. Yasnopol'skii LN. [State Bank]. In: *Voprosy gosudarstvennogo khozyaistva i byudzhnogo prava. Vypusk 1* [Issues of state economy and budget law. Volume 1]. Saint Petersburg: P. D. Dolgorukov i I. I. Petrunkevich; 1907. p. 233–282. Russian.
29. Yasnopol'skii LN. [Commercial banks and their role in the modern economic system]. In: Yasnopol'skii LN, editor. *Bankovaya entsiklopediya. Tom 1* [Bank Encyclopedia. Volume 1]. Kyiv: Izdatel'stvo Bankovoi entsiklopedii; 1914. p. 1–16. Russian.
30. Yasnopol'skii LN. [Economic future of the south of Russia and its modern backwardness]. *Otechestvennye zapiski*. 1871;197(7):70–120. Russian.
31. Gattenberger KK. *Vliyanie russkogo zakonodatel'stva na proizvoditel'nost' trgovogo bankovskogo kredita* [Influence of Russian legislation on the performance of commercial bank credit]. Kharkiv: Universitetskaya tipografiya; 1870. 157 p. Russian.
32. Gertsenshtein MYa. *Agrarnyi vopros. Natsionalizatsiya zemli. Krest'yanskii bank i vykupnaya operatsiya* [Agrarian question. Nationalization of the land. Peasant Bank and redemption operation]. Saint Petersburg: Tipografiya O. L. Somovoi; 1906. 92 p. Russian.
33. Gertsenshtein MYa. *Khar'kovskii krakh. Po povodu protsessa o zloupotrebleniyakh v Khar'kovskom zemel'nom i trgovom bankakh* [Kharkov crash. About the process of abuse in the Kharkov land and commercial banks]. Saint Petersburg: Tipografiya Sankt-Peterburgskogo aktsionernogo obshchestva «Slovo»; 1903. 202 p. Russian.
34. Gertsenshtein MYa. [Credit for zemstvos and cities]. *Russkaya mysl'*. 1892;6:74–94. Russian.
35. Afanas'ev GE. *Denezhnyi krizis* [Money crisis]. Odessa: Tipo-litografiya A. Shul'tse; 1900. 32 p. Russian.

Статья поступила в редколлегия 16.04.2020.

Received by editorial board 16.04.2020.

УДК 930:94(100)«1914/1918»

ТРАНСНАЦИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ДЖ. УИНТЕРА

Н. В. ГЛИБИЩУК¹⁾

¹⁾Черновицкий национальный университет им. Юрия Федьковича,
ул. Коцюбинского, 2, 58012, г. Черновцы, Украина

На примере научных исследований известного американского историка Дж. Уинтера проанализирован транснациональный подход и его преимущества в изучении Первой мировой войны. Внимание уделено характеристике этого метода и его особенностям. По мнению Дж. Уинтера, транснациональное измерение Великой войны 1914–1918 гг. позволяет выйти за узкие рамки национального нарратива и взглянуть на нее с новых позиций, давно изученные вопросы рассматривать в глобальном контексте, переосмысливать значение и последствия этого масштабного конфликта. Обрисованы исследовательские перспективы и возможности, которые открываются при применении данного подхода.

Ключевые слова: Первая мировая война; транснациональный подход; Дж. Уинтер; западная историография.

ТРАНСНАЦЫЯНАЛЬНАЯ ГІСТОРЫЯ ПЕРШАЙ СУСВЕТНАЙ ВАЙНЫ Ў НАВУКОВЫХ ДАСЛЕДАВАННЯХ ДЖ. УІНТЭРА

М. В. ГЛІБІШЧУК^{1*}

^{1*}Чарнавіцкі нацыянальны ўніверсітэт імя Юрыя Федзьковіча,
вул. Кацюбінскага, 2, 58012, г. Чарнаўцы, Украіна

На прыкладзе навуковых даследаванняў вядомага амерыканскага гісторыка Дж. Уінтэра прааналізаваны транснацыянальны падыход і яго перавагі пры вывучэнні Першай сусветнай вайны. Увага надаецца характарыстыцы гэтага метаду і яго асаблівасцям. На думку Дж. Уінтэра, транснацыянальнае вымярэнне Вялікай вайны 1914–1918 гг. дазваляе выйсці за вузкія рамкі нацыянальнага нарратыву і зірнуць на яе з новых пазіцый, даўно вывучаныя пытанні разглядаць у глабальным кантэксце, пераасэнсоўваць значэнне і наступствы гэтага маштабнага канфлікту. Акрэслены даследчыя перспектывы і магчымасці, якія адкрываюцца пры выкарыстанні дадзенага падыходу.

Ключавыя словы: Першая сусветная вайна; транснацыянальны падыход; Дж. Уінтэр; заходняя гістарыяграфія.

Образец цитирования:

Глибищук НВ. Транснациональная история Первой мировой войны в научных исследованиях Дж. Уинтера. *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2020;3:93–101.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2020-3-93-101>.

For citation:

Hlibischuk NV. A transnational history of the World War I in Jay Winter's research. *Journal of the Belarusian State University. History*. 2020;3:93–101. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2020-3-93-101>.

Автор:

Николай Васильевич Глибищук – кандидат исторических наук; ассистент кафедры истории нового и новейшего времени факультета истории, политологии и международных отношений.

Author:

Nikolai V. Hlibischuk, PhD (history); assistant at the department of modern and contemporary history, faculty of history, political science and international relations.
m.hlibischuk@chnu.edu.ua

A TRANSNATIONAL HISTORY OF THE WORLD WAR I IN JAY WINTER'S RESEARCH

N. V. HLIBISCHUK^a

^a*Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University, 2 Kotsubynskoho Street, Chernivtsi 58012, Ukraine*

Based on the example of the scientific research of the famous american historian Jay Winter, the transnational approach and its advantages in the study of the World War I were analyzed in the article. The attention is paid to the characteristics of this method and its features. According to Jay Winter, transnational dimension of the Great War of 1914–1918 allows to go beyond the narrow national narrative and look at it from the new position, the questions which were studied a long time ago can be inserted in the broad global context and to rethink the meaning and consequences of this global conflict. The author also tried to outline the research perspectives and opportunities which are open in applying this approach.

Keywords: World War I; transnational approach; Jay Winter; Western historiography.

Введение

Когда-то известный британский писатель Редьярд Киплинг (1865–1936) сказал: «Что вы можете знать об Англии, зная только Англию?». Знаменитый литератор своим высказыванием хотел подчеркнуть, что невозможно учить историю британского государства, не обращая внимания на его обширные колониальные владения в XIX–XX вв., политические, социально-экономические и культурные особенности колоний, многочисленный этнический состав империи и т. д. Но если перефразировать этот афоризм, то можно уверенно утверждать, что нельзя исследовать Первую мировую войну, изучая ее только с позиций одного государства, участвовавшего в этом конфликте. Рассматривая Великую войну 1914–1918 гг. только с ракурса национальной историографии, мы заранее сужаем исследовательское поле и устанавливаем условные рамки, которые не позволяют всесторонне и беспристрастно анализировать историческое явление или событие. Тем не менее именно такой исследовательский фокус присущ историческим исследованиям на постсоветском пространстве, в то время как в современной западной историографии ситуация противоположная. Украинский исследователь Елена Бетлий метко подчеркивала это отличие: «Даже столетняя годовщина Первой мировой войны, хотя и увеличила количество публикаций, не вдохновила украинских исследователей расширить методологические подходы и разработать исходный материал в соответствии с различными векторами исторических исследований, а не фокусироваться только на “украинских сюжетах” войны, военной, дипломатической и политической истории. Оста-

ется пропасть между творчеством западной и отечественной (украинской. – Н. Г.) историографии. Это значительно ослабляет методологический инструментарий украинского историописания. Ведь западная историография войны развивалась в постоянной попытке переосмысления событий войны, с добавлением большего количества уточненных голосов, которые должны быть услышанными, с разработанной социальной историей войны, культурной историей войны и, в конце концов, исследования различных репрезентаций войны»¹ [1, с. 16–17]. Не будет преувеличением утверждать, что такая ситуация наблюдается в исторической науке не только Украины, но и других стран бывшего Советского Союза. Поэтому анализируемый в данной статье транснациональный подход к изучению Великой войны 1914–1918 гг. является перспективным исследовательским направлением для постсоветских историографий. Это продемонстрировано на примере некоторых научных работ одного из самых известных зарубежных исследователей в данной области Джея Уинтера.

Ученые с постсоветского пространства не так много внимания уделяли исследованиям американского автора. Лишь некоторые историки в своих публикациях пытались анализировать отдельные наработки Дж. Уинтера (см., например, [2–7]). К сожалению, главной причиной этого является наша неинтегрированность в западное академическое сообщество и языковой барьер. Подтверждением тому является незначительное количество работ Дж. Уинтера, переведенных с английского языка [8; 9].

Основная часть

Необходимо коротко остановиться на самой трактовке описанного подхода американским историком. По мнению Дж. Уинтера, транснациональное измерение Первой мировой войны не апеллирует к таким

политическим категориям, как нация, государство, военно-политические альянсы и т. п. Транснациональная история использует более широкие смысловые дефиниции и применяет многочисленные

¹ Здесь и далее перевод наш. – Н. Г.

(не только национальные) уровни исторического опыта. Как точно подмечает исследователь в одной из своих публикаций, транснациональный подход не рассматривает Великую войну как европейский конфликт, а задает более масштабную перспективу, позволяя узкие и часто давно изученные аспекты (например, солдатские мятежи) вводить в глобальный исторический контекст, который открывает новые исследовательские возможности [10, р. 6–7].

Начать анализ исследований американского ученого следует с коллективного проекта «Столицы во время войны: Лондон, Париж, Берлин. 1914–1919» (*Capital Cities at War: Paris, London, Berlin. 1914–1919*), инициаторами и идейными вдохновителями которого были Дж. Уинтер и его французский коллега Жан-Луи Робер [11; 12]. Цель двухтомного издания заключалась в получении ответа на вопрос о том, что случилось с населением метрополий в период между началом войны и демобилизацией. Отмечалось, что до сих пор исследователи были заложниками национального подхода, в рамках которого пытались совместить несовместимые показатели и опыт. В результате недостаточно изученной оставалась жизнь горожан, городской общины в военное время в пределах «домашнего фронта». В отличие от наций как «воображаемого сообщества» городская община – «проявленное сообщество», объединенное конкретными пространственными практиками и опытом городской жизни. Одним из результатов следования за национальным нарративом как раз и стал недостаток работ, посвященных истории городов во время войны [2, с. 61].

Рассматриваемый двухтомный тематический сборник статей, посвященный социальной и культурной истории названных метрополий, прежде всего показал, что исследовать войну через города не только возможно, но и необходимо. Выход за пределы национальной истории и компаративный анализ продемонстрировали, что выделение меньших, но важных единиц анализа (город – район – участок – улица) помогает увидеть, «что было общего между подобными единицами в различных странах, а что составляло национальные особенности военного опыта» [11, р. 553]. Показательно, что Уинтер и Робер в выводах к первому тому настаивали на том, что предложенный подход не отрицает национальные истории, а скорее способствует их переосмыслению. Этот же тезис ученые повторяют в выводах ко второму тому: «История метрополий не заменяет национальной истории; она помогает ее углубить и расширить» [11, р. 469].

Итак, при переходе с уровня исследования абстрактных наций к изучению жизни конкретных городов и их жителей в трудах историков появляются новые темы. В рамках социальной истории выделяются следующие исследовательские измерения:

1) «человеческое» (мобилизация, ее принципы, волны и особенности, потери в войне и связанные

с ними демографические изменения в городе, появление новых категорий горожан – раненых и больных солдат, беженцев, опека над ними, налаживание коммуникации между фронтовиками и гражданским населением в городе, становление нового социального порядка в городе);

2) экономическое (переход от мира к войне и наоборот, рынок труда и новые социальные роли горожан, мобилизация промышленности и переориентация промышленного комплекса города на нужды военного времени, демобилизация и безработица);

3) социальное (влияние войны на благосостояние жителей, появление новых категорий малообеспеченных горожан и меры по их поддержке на уровне города, определение новой шкалы социальных привилегий и прав);

4) логистическое (обеспечение города товарами первой необходимости, продуктами питания, топливом, дисциплинарная потребительская политика и предотвращение социальных бунтов, условия и стандарты проживания и решения квартирного вопроса, изменения в инфраструктуре и поддержание порядка в городе);

5) демографическое (система здравоохранения в городе и вызовы военного времени, болезни и эпидемии, смертность и демографическая ситуация в городах).

В рамках культурной истории выделяются следующие темы:

1) городское пространство (новые практики использования публичного пространства, вокзалы как ворота города и транзитные станции, милитаризация и феминизация улиц, ностальгия по мирной жизни и бремя тотальной войны, публичное пространство и культура досуга, частное и публичное в пределах города);

2) городская культура (появление новой политической культуры в городе, пропаганда знания о войне, новые практики и новый пространственный опыт, выставки и пропаганда, формирование новой «сопричастной» культуры в школах, студенческая культура времен войны, политизация публичного пространства);

3) «места общения» (семья, концепция дома и отношения между членами семьи; госпиталь как место между фронтом и домом и пространство, где военное переплетается с мирной жизнью; церковь и религиозные практики времен войны; жертвенность и духовная жизнь города; городские кладбища и формирование новой культуры памяти).

Двухтомное издание объединило авторов из разных стран и университетов, поэтому в нем не только показано, как на страницах одной статьи представить особенности каждого из исследуемых городов – Парижа, Лондона, Берлина, – но также продемонстрировано, как международный коллектив историков может работать над такими присвоенными

ми национальными нарративами темами, как история Первой мировой войны [2, с. 61–63].

Следующая книга, на которой стоит остановиться, – исследование Дж. Уинтера и его французского коллеги А. Проста «Великая война в истории. Дискуссии и противоречия с 1914 г. по настоящее время» (*The Great War in history. Debates and controversies, 1914 to the present*) [13], в котором авторы не только предложили оригинальное историографическое осмысление Первой мировой войны, но и охарактеризовали то, как писатели, журналисты, режиссеры и другие деятели культуры в течение века изображали этот конфликт. Кроме того, Дж. Уинтер и А. Прост выработали подходы к формированию единого видения Первой мировой войны, которые не ограничиваются национальными рамками. Во вступительной части авторы отмечают, что их коллективное исследование построено на достижениях западной исторической науки, подчеркивают свое стремление осветить общие тенденции и закономерности в изучении данной темы, исследовательские категории и понятия, которыми историки описывали эту войну [13, р. 1–5].

В первой главе, используя критерий поколений, Дж. Уинтер и А. Прост сформировали собственный подход к характеристике историографического наследия мирового конфликта 1914–1918 гг. Первую генерацию они назвали поколением Великой войны, которое охватывает людей, чья деятельность приходилась на 1914–1939 гг. Это были современники тех бурных событий, пытавшиеся описать свое понимание катаклизмов, – политики, дипломаты, генералы. Поколение Великой войны оставило богатое научное и мемуарное наследие. Ключевым предметом повествования в научных работах тех деятелей было государство, описание войны происходило через призму государственных институтов. Вторую генерацию Дж. Уинтер и А. Прост называют поколением 1950-х гг. К нему принадлежат историки, изучавшие войну в 1950–60-х гг. Они анализировали события Великой войны с позиций государства, но немало внимания уделяли и социальной истории, где главным персонажем в войне выступал человек. Такие новые тенденции были особенно заметны в то время в британской, американской и французской историографии. Третье поколение можно назвать вьетнамским. Представители этой генерации работали в 1970–80-х гг. Такое наименование возникло вследствие того, что историки в то время активно критиковали американскую военную кампанию во Вьетнаме и другие вооруженные конфликты, имевшие место в различных регионах мира. Четвертая генерация, которую выделяют авторы, – это транснациональное поколение. Термин «транснациональный» описывает доминирующую тенденцию в современной западной историографии Первой мировой войны. Не изображать это противостояние сквозь призму национальных нарративов, не описывать

с позиций европоцентризма, а, наоборот, отойти от западноевропейского взгляда и рассматривать события как транснациональный глобальный конфликт, который не ограничивался территорией континентальной Европы [13, р. 6–33].

В следующих частях книги авторы уделили внимание таким темам, как политическое и дипломатическое измерение Первой мировой войны, ее осмысление главнокомандующими армий, военными генералами и политическими деятелями, восприятие Первой мировой войны солдатами разных армий, экономическая история этого мирового конфликта, рабочее движение в 1914–1918 гг., европейское общество и война, культурная память о Великой войне. Во всех параграфах прослеживается, что Дж. Уинтер и А. Прост отказываются от национального дискурса Первой мировой войны и рассматривают ее с транснациональных позиций. Национальные историографические рамки часто препятствуют осмыслению масштабов и влияния этого противостояния на всемирную историю XX в. Завершается книга авторскими рассуждениями о характере исследуемого противостояния. Это последняя война в «длинном XIX в.» или первая «в коротком XX в.»? Возможно, это первый этап «второй тридцатилетней войны»? Подкрепив эти тезисы некоторыми аргументами, авторы оставляют читателю возможность сделать собственные выводы [13, р. 192–213].

Следующее исследование Дж. Уинтера, которое заслуживает особого внимания, – книга «Вспоминая войну: Великая война между памятью и историей в XX в.» (*Remembering war: The Great War between memory and history in the twentieth century*). В ней раскрывается тематика, приобретающая популярность не только в украинской исторической науке, но и на всем постсоветском пространстве, – исследования памяти (*memory studies*). Книга посвящена месту Великой войны в памяти и истории XX в. [14]. Одним из ключевых тезисов, который проходит магистральной линией сквозь эту работу, является то, что в годы Первой мировой войны и после нее появился ряд изображений и практик, которыми впоследствии стали описываться все будущие конфликты. Разделяя концепт культурной памяти, предложенный известными немецкими исследователями Я. Ассманом и А. Ассман, американский автор анализирует не только академическое измерение истории Первой мировой войны, но и публичный, часто не совпадавший с научными трактовками дискурс. Какие существовали режимы коллективной памяти, если трактовать ее как активную деятельность социальных групп в публичном пространстве? С помощью каких инструментов участники войны пробуждали свои воспоминания и передавали их тем, кто не был свидетелем тех событий? Не менее важным является то, что для освещения этой проблематики западный исследователь предложил собственную

научную категорию «историческое упоминание». В его понимании это способ интерпретации прошлого, который, с одной стороны, основывается на документальных нарративах, а с другой – на воспоминаниях людей, которые были современниками той войны.

В первой части рассматриваемой работы изучается вопрос памяти о Первой мировой войне в истории XX в. Дж. Уинтер утверждает, что представители нынешнего поколения исследователей далеко не первыми пытаются обратиться к проблематике коллективной памяти. Апеллирование к ней помогало строить идентичность для той или иной нации как в годы мирового конфликта, так и после него. Также немало места в первой части уделено такому феномену, как *посттравматический синдром* (*shell shock*). Дж. Уинтер анализирует влияние этого заболевания на состояние солдат того времени, прослеживает, как войны преодолевали этот послевоенный стресс и каким образом они бросали вызов героическим представлениям о войне. Автор на примере биографии британского героя Великой войны Лоуренса Аравийского продемонстрировал, что люди, которые воевали на фронтах, часто не могли приспособиться к послевоенным реалиям [14, p. 17–76].

Вторая часть книги посвящена практикам памяти о Первой мировой войне. В ней автор охарактеризовал, каким образом многочисленные фотосъемки изменили представления людей о той войне (в качестве примера упоминается коллекция фотодокументов венского медика Б. Бардаха, который служил в армии Австро-Венгрии), как военные британской, французской и немецкой армий на Западном фронте в письмах описывали этот конфликт. Также Дж. Уинтер показал, почему британские и французские интеллектуальные элиты по-разному отражали данное противоборство и какие факторы на это повлияли, как помнили эту войну в Британии и ее имперских доминионах и почему воспоминания о войне 1914–1918 гг. создали единое культурное пространство между метрополией и колониями, определил роль военных мемориалов как мест функционирования памяти о войне (памятник погибшим британским воинам в центре Лондона) и т. д. [14, p. 79–180].

В третьей части книги речь идет о различных театрах памяти Первой мировой войны. Дж. Уинтер акцентирует внимание на значении кинематографа в воспоминаниях о войне. Автор анализирует фильмы, которые имели наибольшее влияние на зрительскую аудиторию и вызывали оживленное обсуждение. Не осталась в стороне тема мировой войны в телевизионном пространстве, публичной истории и академических программах для исследователей. В частности, автор много внимания уделил освещению двух телевизионных проектов о Первой мировой войне, которые вызвали большой интерес у зрителей и ученых. Также Дж. Уинтер не обошел

вниманием и роль музеев в культурной памяти об этом конфликте. Завершает автор третью часть книги рассуждениями о современниках тех событий, их опыте, связанном с двумя мировыми войнами и Холокостом [14, p. 183–271].

В последней части ученый пишет о Великой войне в контексте «бума памяти» в XX в. Дж. Уинтер справедливо замечает, что такой интерес к данной проблематике вызывает некоторые предостережения. Во-первых, под таким ажиотажем завуалированно могут скрываться интересы различных политических сил. Во-вторых, не все воспоминания могут выдержать «испытание историей». Например, правые политические организации в Веймарской республике придерживались точки зрения, согласно которой войну они проиграли из-за «удара в спину», нанесенного евреями и социалистами в 1918 г. Этот миф стал одной из основ идейной доктрины нацистов, в которую многие немцы искренне верили. На самом деле немецкая армия проиграла на поле боя, однако указанное выше искажение событий имело катастрофические последствия для Германии. В-третьих, автор разделяет мнение известного французского историка Пьера Нора о том, что «бум памяти» ускоряет упадок национального государства, ведь «мемориальная модель открыла новое, непредсказуемое использование прошлого», а вместо истории появились групповые воспоминания, которые определяются категориями культурного капитала некоторых деятелей или сообществ, а не нации [14, p. 284]. Подытоживая, Дж. Уинтер отмечает, что вместо противопоставления истории и памяти как изолированных категорий есть смысл посмотреть на них как на два взаимодополняющих понятия, синтез которых может открыть новую перспективу [14, p. 275–289].

Следующая книга американского исследователя «Война за пределами слов. Языки памяти от Великой войны до наших дней» (*War beyond words. Languages of remembrance from Great War to the present*) [15] в известной степени является продолжением предыдущих его работ, однако в ней взгляд ученого фокусируется на несколько ином аспекте. Как справедливо подчеркивает автор во вступительной части, каждому языку присуща собственная лексика, в которой сохранены отпечатки этого конфликта, ведь то, как французы говорят о Первой мировой войне, не идентично тому, как ее вспоминают англичане и немцы. Авторский тезис о том, что именно язык формирует нашу память о войне, проходит магистральной линией сквозь всю работу. При этом Дж. Уинтер останавливается и на других различиях в описании мировой войны 1914–1918 гг. у каждого народа в скульптуре, живописи, кинематографе.

В первой части названной работы автор исследует векторы памяти о войне. Он анализирует, как новый тип военного противостояния повлиял на художественное искусство XX в. На примере кар-

тин О. Дикса и других художников Дж. Уинтер демонстрирует эти изменения (образы окопной войны, массовые бомбардировки и артиллерийские обстрелы). Далее внимание исследователя сосредоточивается на том, как революционные преобразования в технологии фотографирования изменили видение Первой мировой войны. Во-первых, в то время сотни солдат и офицеров могли беспрепятственно приобрести фотоаппарат, который накануне войны существенно подешевел. Во-вторых, благодаря фотографии никакие цензурные ограничения уже не могли скрыть правду. Это, в свою очередь, было важным фактором, который разрушил героическую мифологию войны, царившую в Европе в начале 1914 г. Также немало места уделено теме Первой мировой войны в кинематографе. Автор условно выделил несколько периодов, в течение которых война изображалась по-разному. Завершает Дж. Уинтер эту часть работы своими размышлениями об описании войны литераторами прошлого столетия [15, р. 7–117].

Вторая часть, состоящая из трех параграфов, посвящена рамкам воспоминаний, связанных с Первой мировой войной. Ученый начинает с проблематики мученичества и памяти о Первой мировой войне в XX в. Автор отмечает, что эта тема до сих пор остается актуальной, так как обсуждение отдельных ее аспектов (например, геноцид армян 1915 г.) до сих пор вызывает оживленные дискуссии. В следующем параграфе Дж. Уинтер анализирует, как в течение прошлых десятилетий трансформировались произведения европейских художников, мемориалы и музеи, созданные в память о войне 1914–1918 гг. и других вооруженных конфликтах. Исследователь отмечает, что определяющие изменения в иконографии военных мемориалов – это постепенная замена традиционного героического и вертикального изображения военных событий на горизонтальную ось, пространство для траура, созерцания ужаса смерти. Заканчивается эта часть работы авторскими размышлениями о молчании как о типе памяти о Первой мировой войне. Для автора эта тема важна. Многие солдаты, возвращавшиеся с фронта домой, никогда не упоминали о войне. Это было обусловлено разными причинами. Одни считали, что мирное население никогда не сможет понять военных ужасов. Другие не хотели рассказывать, чтобы быстрее адаптироваться к реалиям послевоенной жизни. Для Дж. Уинтера определяющую роль играет репрезентация значения тишины в жизни травмированных участников боевых действий. Как отмечает автор, напряжение и неуверенность, которые охватили многих воинов после 1918 г., были результатом этого замалчивания военных воспоминаний и именно оно привело к пацифистским настроениям в будущих поколениях. Молчание, как речь памяти, является интересным подходом, который ученый вплетает и в другие части работы, в результате

оно становится ключевым тезисом исследования [15, р. 121–202].

Заканчивает работу Дж. Уинтер суждениями о воздействии второй научной революции на характер и последствия Первой мировой войны. Автор показывает, как первый и второй «бумы памяти» трансформировали воспоминания о двух мировых конфликтах и повторяет магистральную идею книги: язык формирует наши воспоминания о войне [15, р. 203–208].

Завершить данный обзор следует работой Дж. Уинтера, которая является блестящим примером исследований, основанных на транснациональном подходе. Это коллективный трехтомный труд «Кембриджская история Первой мировой войны» (*The Cambridge history of the First World War*), где Дж. Уинтер выступает главным редактором [10; 16; 17]. Статьи для этой работы готовили известные специалисты по данной проблематике, в частности Ж. Ж. Беккер, А. Прост, П. Кеннеди, Дж. Хорн, П. Гатрелл и др. Каждая публикация, подготовленная для этого издания, была написана на основе источников и научных работ как предыдущих поколений историков, так и современных исследователей. К каждому тому прилагается иллюстративный материал в соответствии с тематикой (карты, схемы, таблицы).

Первый том состоит из четырех частей. Начнется работа с рассмотрения истоков и причин военно-политического конфликта 1914–1918 гг., причем вместо хронологического повествования выбран проблемно-теоретический подход. Далее следуют главы, посвященные военным годам. Завершается первая часть параграфом о последствиях Первой мировой войны, где в центре внимания находится риторический вопрос: «Когда закончился 1919 год? Никто не знает» [10, р. 197]. Во второй части тома речь идет о театрах военных действий 1914–1918 гг. (Западный, Восточный, Итальянский фронты, баталии в воздухе и на море, стратегическое военное командование). Один из основных выводов, который делают авторы, заключается в том, что масштабная индустриальная война привела к таким проблемам, которые невозможно было решить по примеру бывших конфликтов, и продемонстрировала, что только четкая координация всех родов войск (на суше, море, в воздухе) гарантирует положительный исход военных операций. Это умозаключение станет для высшего стратегического командования некой аксиомой в следующих войнах XX в. В третьей части первого тома речь идет о различных регионах мира, где было заметно влияние войны 1914–1918 гг. (Азия, Африка, Северная и Латинская Америка и т. п.). Такая структура была направлена на то, чтобы еще раз показать глобальность Первой мировой войны. Последняя часть посвящена правилам, законам войны и военным преступлениям. Подобная проблематика далеко не всегда встречается в академических изданиях. В рассматриваемом исследовании прослеживаются довоенные и послевоенные попытки установить четкие юридические

и моральные рамки использования насилия во время военных действий с помощью мирных договоров как инструмента реализации таких ограничений. Но эти благие стремления ограничить военные зверства так и не удалось воплотить в жизнь, ведь события Второй мировой войны снова продемонстрировали эту проблему стирания всякой грани между гражданским населением и военными.

Второй том рассматриваемой работы посвящен проблематике государств и политической власти в годы Первой мировой войны. В нем раскрываются вопросы субъектов политики (главы стран и правительств, парламенты, дипломаты, гражданско-военные отношения), вооруженных сил (бой и тактика, боевой дух, мятежи, логистика, техника и вооружения, военнопленные), «сухожилий войны» (военная экономика, рабочие, города, аграрное общество, финансы, ученые, блокада и экономическая война), поиска мира (дипломатия, нейтралитет, пацифизм, континуум насилия) [16]. Сквозь всю книгу магистральной линией проходит тезис о транснациональности и глобальности последствий этой войны на мировой политический ландшафт (исчезновение столетних империй и распространения в ту эпоху относительно новой формы политического устройства – национальных государств). Исследователи подчеркивают изменения значения и роли государства, его институтов в жизни общества и др. Особый интерес представляет вторая глава тома. Авторы этой части пишут, что «война 1914–1918 гг., которая должна была стать последним вооруженным конфликтом в истории человечества», на самом деле продемонстрировала новые возможности для использования армейских сил там, где раньше они не применялись. Если внимательно проанализировать военную мысль в годы Первой мировой войны, то будет очевидно, что в ней отражена не безысходность позиционной стратегии, а активный поиск новых форм к использованию разных видов войск, их коммуникации и координации действий, нового вооружения, попытки его применения для перелома в войне. Не менее интересными являются коллективные рассуждения в третьей части о том, что страны Антанты (Великая Британия, Франция, США) смогли победить не только, а главное, не столько за счет своих экономических ресурсов, сколько благодаря внутреннему демократическому устройству, которое позволяло более эффективно справляться с трудностями в годы войны. Другими словами, «победа была одержана на поле боя и домашнем фронте» [16, р. 357]. В последнем параграфе второго тома были высказаны следующие суждения: архитекторы послевоенного мироустройства не только не создали прочной системы международных отношений, но и открыли новую эру революционных и контрреволюционных войн, национально-освободительных движений, которые, независимо друг от друга, пытались ликвидировать мирные договоры 1919–1920 гг. [16, р. 493].

Третий том посвящен влиянию Великой войны на гражданское общество [17]. С одной стороны, главный редактор и авторы статей пытаются расширить исследовательский фокус и продемонстрировать масштабное влияние войны на все сферы жизни социума, с другой – стремятся рассматривать войну с точки зрения не только государства и его институтов власти, как этой делали историки минувших поколений. В последней публикации рассматриваемого трехтомного издания было решено сделать основной акцент на таких аспектах, как частная жизнь (семья, дети и т. п.), гендер, основные группы населения (беженцы, переселенцы, пленные, национальные меньшинства), вопросы медицины во время войны (посттравматический синдром, испанка), социальная история культурной жизни («мобилизация интеллекта», верования и религия, солдаты – писатели и поэты, кинотеатры, искусство, военные мемориалы), последствия войны и ее влияние на общество. Особое внимание стоит уделить двум разделам последнего тома.

Первый раздел касается медицинской тематики. Большой интерес вызывает подготовленная Дж. Уинтером статья о влиянии на солдат посттравматического синдрома (*shell-shock*). Автор исследует, как медики боролись с этой болезнью, какое количество солдат пострадало от нее и возможно ли точно узнать их число, насколько успешной была интеграция искалеченных солдат к послевоенной мирной жизни. В связи с современными событиями нельзя не обратить внимания на материалы об испанском гриппе, тем более что пример этого страшного вируса, который унес жизни сотен тысяч людей, еще раз демонстрирует деконструкцию национальных нарративов, ведь, анализируя его последствия, нельзя ограничиваться рамками одного государства или нации.

Второй раздел посвящен культурной жизни в годы Первой мировой. Эта сфера очень важна, поскольку именно работы в разных областях культуры (литература, живопись, кинематограф) создают для большинства народов символическое пространство, через которое следующие поколения конструируют свои представления о Великой войне. Классическим примером является британская литература военных лет. Как убедительно показал в своей известной работе американский исследователь П. Фассел, сочинения британских поэтов и писателей имели огромное значение на восприятие этой войны последующих поколений не только в Британии, но и в других англоязычных государствах [18; 19]. Кроме того, не менее важна роль ученых в период Первой мировой войны. Невозможно представить себе, как бы функционировали в военные годы пропагандистские структуры при правительствах разных стран без привлечения к этой работе интеллектуалов, деятелей науки и искусства, без появления и адаптации научных достижений того времени для военных целей. Такой список примеров можно было бы еще долго продолжать.

Выводы

Перечень рассмотренных книг Дж. Уинтера, проанализированных в данной статье и не вошедших в данное исследование, является своего рода демонстрацией этапов развития западной историографии Первой мировой войны в XX в. (социальная и культурная история, *memory studies*, транснациональная история), которые не были надлежащим образом изучены советской и постсоветской историографией. Вместе с тем возможности и ресурсы, которыми обладают ученые с бывших советских республик, часто недооцениваются. Транснациональный подход в исследованиях известного американского историка

и других работ его западных коллег, раскрывающие новые возможности в научных разработках Великой войны, побуждает задуматься о том, когда же появится история Восточного фронта 1914–1918 гг., написанная многонациональным коллективом исследователей в обобщающем ключе. Сумеют ли историки с постсоветского пространства достойно справиться с такой задачей и осуществить масштабный проект, в центре которого будет транснациональное измерение войны? Или национальный нарратив будет все еще доминировать? Эти вопросы остаются открытыми.

Библиографические ссылки

1. Бетлій О. Перша світова війна та Україна: неперехрещені шляхи історії та пам'яті. *Україна модерна*. 2016;23:15–22.
2. Бетлій О. Чи можливий «міський поворот» в українській історіографії, або, Чого нас може навчити західна історіографія Першої світової війни та місто Київ. У: Касьянов Г, Гайдай О, упорядники. *Історія, пам'ять, політика*. Київ: Інститут історії України НАН України; 2016. с. 53–72.
3. Дудко О. Між історіографією і дидактикою: Перша світова війна у шкільних підручниках з історії України. У: Касьянов Г, Гайдай О, упорядники. *Історія, пам'ять, політика*. Київ: Інститут історії України НАН України; 2016. с. 101–111.
4. Минц ММ. Винтер Дж., Прост А. Великая война в истории: дискуссии и споры с 1914 г. до настоящего времени. (Реферат). *Россия и современный мир*. 2014;2:120–132.
5. Минц М. Винтер Дж., Прост А. Великая война в истории: дискуссии и споры с 1914 г. до настоящего времени (реферат). В: Глебова ИИ, редактор. *Россия в Первой мировой войне: новые направления исследований*. Москва: [б. и.]; 2013. с. 19–35.
6. Баранов Н. Первая мировая в популярной культуре памяти. *Вестник Пермского университета. Серия: История*. 2018;4:31–39.
7. Николаи Ф. Память о Первой мировой войне в современной англоязычной историографии: между опытом и нарративом. *Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского*. 2018;4:68–71.
8. Уинтер Дж. Война, память, воспоминание. *Диалог со временем*. 2016;56:5–15.
9. Уинтер Дж, Николаи ФВ. Места памяти и тени войны. *Вестник Мининского университета* [Интернет]. 2016 [процитировано 3 апреля 2020 г.];1–2. Доступно по: <https://vestnik.mininuniver.ru/jour/article/view/163> (дата просмотра - 03.04.2020).
10. Winter J, editor. *The Cambridge history of the First World War. Volume 1*. Cambridge: Cambridge University Press; 2014. 771 p.
11. Winter J, Robert J-L, editors. *Capital cities at war: Paris, London, Berlin. 1914–1919. Volume 1. Social history*. Cambridge: Cambridge University Press; 1999. 622 p.
12. Winter J, Robert J-L, editors. *Capital cities at war: Paris, London, Berlin. 1914–1919. Volume 2. Cultural history*. Cambridge: Cambridge University Press; 2007. 562 p.
13. Winter J, Prost A. *The Great War in history. Debates and controversies, 1914 to the present*. Cambridge: Cambridge university press; 2005. 250 p.
14. Winter J. *Remembering war: the Great War between memory and history in the twentieth century*. New Haven: Yale University Press; 2006. 347 p.
15. Winter J. *War beyond Words. Languages of Remembrance from Great War to the Present*. Cambridge: Cambridge university press; 2017. 252 p. DOI: 10.1017/9781139033978
16. Winter J, editor. *The Cambridge history of the First World War. Volume 2*. Cambridge: Cambridge University Press; 2014. 802 p.
17. Winter J, editor. *The Cambridge history of the First World War. Volume 3*. Cambridge: Cambridge University Press; 2014. 763 p.
18. Fussell P. *Great War and Modern Memory*. Oxford: Oxford University Press; 1975. 363 p.
19. Фассел П. *Великая война и современная память*. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге; 2015. 470 с.

References

1. Betlij O. [World War I and Ukraine: not crossing the path of history and memory]. *Ukrainian moderna*. 2016;23:15–22. Ukrainian.
2. Betlij O. [The possibility for an «urban turn» in Ukrainian historiography, or What can we learn from the Western historiography of World War I and the history of Kyiv]. In: Kasyanov G, Gajday O, compilers. *Istoriya, pam'jat', polityka* [History, memory, politics]. Kyiv: Institute of the History, National Academy of the Sciences of Ukraine; 2016. p. 53–72. Ukrainian.

3. Dudko O. [Between historiography and didactics: World War I in Ukrainian history school textbooks]. In: Kasyanov G, Gajdaj O, compilers. *Istoriya, pam'jat', polityka* [History, memory, politics]. Kyiv: Institute of the History, National Academy of the Sciences of Ukraine; 2016. p. 101–111. Ukrainian.
4. Mints MM, Winter J., Prost A. The Great War in History: Debates and Controversies, 1914 to the Present (a digest). *Russia and the Contemporary World*. 2014;2:120–132. Russian.
5. Mints MM. [Winter J., Prost A. The Great War in history: debates and controversies, 1914 to the present (a digest)]. In: Glebova II, editor. *Rossiya v Pervoi mirovoi voine: novye napravleniya issledovanii* [Russia in World War I: New Directions of Research]. Moscow: [s. n.]; 2013. p. 19–35. Russian.
6. Baranov N. [World War I in popular culture of memory]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Istoriya*. 2018;4:31–39. Russian.
7. Nikolai F. Memory of the First World War in contemporary English historiography: between experience and narrative. *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod*. 2018;4:68–71. Russian.
8. Winter J. War, memory, remembrance. *Dialog with the Time*. 2016;56:5–15. Russian.
9. Winter J, Nikolai F. Places of memory and the shadow of war. *Vestnik Mininskogo universiteta* [Internet]. 2016 [cited 2020 April 3];1–2. Available from: <https://vestnik.mininuniver.ru/jour/article/view/163>. Russian.
10. Winter J, editor. *The Cambridge history of the First World War. Volume 1*. Cambridge: Cambridge University Press; 2014. 771 p.
11. Winter J, Robert J-L, editors. *Capital cities at war: Paris, London, Berlin. 1914–1919. Volume 1. Social history*. Cambridge: Cambridge University Press; 1999. 622 p.
12. Winter J, Robert J-L, editors. *Capital cities at war: Paris, London, Berlin. 1914–1919. Volume 2. Cultural history*. Cambridge: Cambridge University Press; 2007. 562 p.
13. Winter J, Prost A. *The Great War in history. Debates and controversies, 1914 to the present*. Cambridge: Cambridge university press; 2005. 250 p.
14. Winter J. *Remembering war: the Great War between memory and history in the twentieth century*. New Haven: Yale University Press; 2006. 347 p.
15. Winter J. *War beyond Words. Languages of Remembrance from Great War to the Present*. Cambridge: Cambridge university press; 2017. 252 p. DOI: 10.1017/9781139033978
16. Winter J, editor. *The Cambridge history of the First World War. Volume 2*. Cambridge: Cambridge University Press; 2014. 802 p.
17. Winter J, editor. *The Cambridge history of the First World War. Volume 3*. Cambridge: Cambridge University Press; 2014. 763 p.
18. Fussell P. *Great War and Modern Memory*. Oxford: Oxford University Press; 1975. 363 p.
19. Fassel P. *Velikaya voina i sovremennaya pamyat'* [The Great War and modern memory]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge; 2015. 470 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 28.04.2020.

Received by editorial board 28.04.2020.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРЫТЫКА І БІБЛІЯГРАФІЯ

REVIEW AND BIBLIOGRAPHY

Харди Ђ. Итинерариј Ростислава Михайловича. Сремска Митровица ; Нови Сад : Истор. арх. СРЕМ, 2019. 158 с.

Hardy D. Itinerary of Rostislav Mikhailovich. Sremska Mitrovica ; Novi Sad : Hist. Arch. SREM, 2019. 158 p. (in Serbian).

В 2019 г. на средства Исторического архива в г. Сремска-Митровице и философского факультета Нови-Садского университета (отделение истории) была опубликована монография сербского исследователя-медиевиста Дюры Гарди «Итинерарий Ростислава Михайловича». Данная работа посвящена незаурядной личности периода Высокого Средневековья, к сожалению малоизвестной в русскоязычной медиевистике, а именно сыну черниговского князя Михаила Всеволодовича Ростиславу.

Возможно, незначительное внимание к жизни и деятельности Ростислава Михайловича связано с тем обстоятельством, что он оказался заслоненным более масштабными личностями того переломного времени – Даниилом Романовичем и Александром Ярославичем Невским. Кроме того, Ростислав Михайлович не был активным участником важнейших событий в истории восточных славян первой половины XIII в. – монгольского нашествия на Русь и установления ордынского господства, хотя как раз на это время приходится наиболее насыщенный период его политической карьеры (родился ок. 1225 г.; в Новгородской первой летописи отмечены его постриги в 1230 г.¹). Между тем сын черниговского князя оказался в эпицентре важнейших событий в истории Юго-Восточной Европы, причем высту-

пал там на первых ролях. Безусловно, личность Ростислава Михайловича достойна и исторического исследования, и приключенческого романа. Князь родился, видимо, в Чернигове, еще совсем ребенком был князем в Великом Новгороде, затем вступил в борьбу за галицкий престол, неоднократно занимая стольный город, женился на венгерской принцессе, правил в Славонии (современная Хорватия), а после – в специально созданном для него банате Мачва (область между реками Дунай, Сава и Дрина), боролся за власть в Болгарии, возможно, побывал и в Австрии, где сыграл решающую роль в устранении конкурентов Габсбургов – Бабенбергов². Однако последние крупные работы, посвященные биографии Ростислава Михайловича, появились еще в середине XIX в. – это сочинения Ф. Палацкого и С. Н. Палаузова³. Позднее отдельные сюжеты из жизни сына черниговского князя попадали в поле зрения исследователей, но полной биографии до рассматриваемой работы сербского историка Дюры Гарди не было создано.

Просопографические исследования в новейшей историографии Центральной и Восточной Европы занимают довольно значительное место. Достаточно вспомнить близкие по тематике работы современных украинских и польских историков А. Б. Головки «Князь Роман Мстиславич и его время», А. В. Майорова «Галицко-волинский князь Роман Мстиславич: правитель, воин, дипломат», Д. Домбровского «Даниил Романович король Руси (ок. 1201–1264): политическая биография», А. Юсуповича «Элиты галицкой и волынской земель во времена Романо-

¹Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / под ред. А. Н. Насонова. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1950. С. 69.

²Мартынюк А. В. Князь Ростислав в битве на реке Лейте: «русский эпизод» австрийской истории // Древ. Русь: вопр. медиевистики. 2013. № 2. С. 49–55 ; Мартынюк А. В. До Герберштейна: Австрия и Восточная Европа в системе персональных связей и культурных контактов (XIII – начало XVI века). М. : Квадрига, 2019. 560 с.

³Палацкий Ф. О русском князе Ростиславе, отце чешской королевы Кунгуты, и о роде его. М. : Унив. тип., 1846. 17 с. ; Палаузов С. Н. Ростислав Михайлович, русский удельный князь на Дунае в XIII веке. СПб. : Тип. Имп. акад. наук, 1851. 56 с.

вичей (ок. 1205–1269)»⁴. В польском издательстве «Авалон» в последние годы вышла серия биографий исторических деятелей XIII в. (например, Конрада I Мазовецкого, Земовита I Мазовецкого, Миндовга, Пшемисла II, Болеслава II Рогатки и др.)⁵, которые хронологически близки ко времени жизни и деятельности Ростислава Михайловича. Также весьма показательна издаваемая в нашей стране серия биографий выдающихся выходцев с белорусских земель «Нашы славытыя землякі» (издательство «Навука і тэхніка»). В одном ряду с указанными работами стоит и труд Дюры Гарди. Представляется неслучайным обращение сербского историка к биографии Ростислава Михайловича: личность древнерусского князя связала восточно- и южнославянский миры и в то же время оказалась на переломе двух эпох, смена которых произошла в связи с монгольским нашествием и его важнейшим следствием – кризисом древнерусской цивилизации. Интерес к Ростиславу Михайловичу в Сербии естественным образом возник в связи со смертью и погребением деятельного древнерусского князя на ее территории. Биография сына черниговского князя может быть интересна и белорусскому читателю: на протяжении своей жизни Ростислав Михайлович не менее двух раз побывал на территории Беларуси (возможно, он даже правил в Новогрудке). Перемещения князя Ростислава на значительные расстояния (Чернигов – Новгород Великий – Торжок – Чернигов – Владимир-Волынский – Чернигов – Галич – Литва – Венгрия – Мазовия – Чернигов – Бакота – Чернигов – Галич – Венгрия – Перемышль – Венгрия – Ярослав – Венгрия – Славония – Мачва (Белград) – Галиция – Зволлен – Новогрудок – Регина – Тырново – Моравское поле под Кройсенбруном – Видин – Белград – Сремска-Митровица) позволили представить исследование в форме итинерария – своеобразной хроники путешествия.

Труд Дюры Гарди «Итинерарий Ростислава Михайловича» состоит из введения, семи разделов и заключения. Научную значимость данной работы повышает наличие географического и именно-го указателей. Заключение представляет собой краткий итинерарий Ростислава Михайловича. В нем на основании информации источников и проведенного исследования в хронологической последовательности перечислены географические пункты, присутствие в которых сына черниговского князя зафиксировано источниками (с. 123–126). Кроме того, в книге Дюры Гарди содержится резюме на английском языке «Краткий обзор итинерария Ростислава Михайловича» (с. 127–130).

Во введении автор обосновывает значимость выбранной темы и необходимость проведения исследования в форме итинерария, останавливается на проблемах историографии и очерчивает круг источников. Историография и источники подразделяются в соответствии с выделенными автором периодами (или направлениями) в деятельности Ростислава Михайловича: «русским» (до битвы под Ярославом в 1245 г.), «венгерским» и «западным» (с. 11–13). В методологическом отношении сербский исследователь отдает должное М. С. Грушевскому и Н. Г. Бережкову, кроме того, признает значимость хронологических и топографических комментариев к Галицко-Волынской летописи Л. Махновца, Н. Ф. Котляра, Д. Домбровского и А. Юсуповича.

Первый раздел книги Дюры Гарди «Новгород – первые княжеские шаги» посвящен наиболее раннему периоду в жизни сына черниговского князя, когда тот, будучи еще совсем ребенком, по требованию отца занял новгородский престол. В это время юный Ростислав был, несомненно, полностью подчинен воле своего отца и являлся простым орудием в его политических комбинациях.

Во втором, самом большом по объему разделе «“Яко твои есть Галич” или на галицких дорогах и бездорожье» (с. 24–85) автор реконструирует обстоятельства десятилетней (1235–1245) борьбы черниговских князей за контроль над Галицкой землей. Важно, что междоусобную войну в юго-западной части Руси автор рассматривает на широком фоне международных отношений в Восточной и Центральной Европе (с учетом венгерского и польского факторов). Кроме того, значительное внимание Дюра Гарди уделил проблеме определения точной хронологии событий борьбы за Галич (например, захвату Галича Михаилом Всеволодовичем). Помимо исчерпывающего учета информации источников, в данном случае автор продемонстрировал превосходное знание историографии проблемы: приведены мнения советских и современных российских, украинских, польских и канадского историков. Ценным представляется наблюдение Дюры Гарди о легитимности претензий Ростислава Михайловича на галицкий престол. Матерью Ростислава была дочь галицко-волынского князя Романа Мстиславича (объединившего под своей властью Галицкую и Волынскую земли), в то время как его соперники – Даниил и Василько – являлись незаконнорожденными детьми от второго брака того же галицко-волынского князя (с. 29). Значительное внимание уделил Дюра Гарди летописному сообщению о походе Ростислава Михайловича зимой 1238 и 1239 гг. на Литву

⁴Головко О. Б. Князь Роман Мстиславич та його доба. Нариси з історії політичного життя Південної Русі XII – початку XIII століття. Київ : Стило, 2001. 249 с. ; Dąbrowski D. Daniel Romanowicz król Rusi (ok. 1201–1264). Biografia polityczna. Kraków : Avalon, 2012. 538 s. ; Jusupović A. Elity ziemi halickiej i wołyńskiej w czasach Romanowiczów (1205–1269). Studium prozopograficzne. T. 2. Kraków : Avalon, 2019. 352 s.

⁵Wydawnictwo Avalon. Biografie [Electronic resource]. URL: <https://wydawnictwoavalon.pl/kategoria-produktu/biografie/> (date of access: 31.03.2020).

(именно эта акция стоила князю галицкого престола). В целом сербский историк склонен отказаться от распространенного в историографии мнения об ошибке летописи в указании направления похода галицкого на тот момент князя (вариант: на половцев) (с. 36–38). На основании источников различного происхождения автор прослеживает путь Ростислава Михайловича и его отца вне пределов Руси в ходе монгольского нашествия 1237–1241 гг.

Новый ордынский фактор оказал существенное воздействие на последующее распределение власти между древнерусскими князьями. В этой ситуации черниговские Ольговичи попытались взять под свой контроль всю Южную и Юго-Западную Русь, включая Галицкую землю. Эта попытка потерпела провал. Несмотря на то что Ростислав Михайлович пользовался поддержкой части влиятельных лиц в Галиче в условиях установления монгольского владычества, сын черниговского князя не смог найти достаточно военных сил для упрочения своей власти (с. 64). Между тем Дюра Гарди в своей работе справедливо указывает, что обстоятельства борьбы Ростислава за галицкое княжение (и, в частности, битва под Ярославом) достаточно хорошо освещены в историографии, и основное внимание уделяет выяснению маршрутов перемещения сына черниговского князя и локализации населенных пунктов, в которых источники отмечают его пребывание.

В небольшом по объему третьем разделе «От боя к бою – под новый город на реке Саар» (с. 86–90) автор рассказывает о дальнейшей судьбе сына черниговского князя после рубежной битвы под Ярославом (17 августа 1245 г.). Автор в полной мере принимает гипотезу, недавно поддержанную белорусским историком А. В. Мартынюком, об участии Ростислава Михайловича в битве на Лейте⁶.

В четвертом разделе «Прибытие в Мачву» («Adventus in Machou») (с. 91–95) Дюра Гарди останавливается на проблеме правления Ростислава Михайловича на славянских землях – в банате Мачва. Как справедливо отмечает автор, точно определить время начала и продолжительность правления Ростислава в Мачве (со столицей в Белграде) не представляется возможным – для полноценной дискуссии нет источников. В то же время понимание обстоятельств, при которых древнерусский князь оказался правителем Мачвы, важно для выяснения его дальнейших «маршрутов» (с. 91). Дюра Гарди подчеркивает принципиальное отличие в приобретении власти Ростиславом Михайловичем над Мачвой, что могло отразиться на его личной гордости и самосознании князя Рюриковича: если Галич он получил по праву легитимного выбора, позднее титул болгар-

ского царя добыл благодаря силе своего собственного оружия, то властителем Мачвы он стал по милости своего тестя и сюзерена – венгерского короля Белы IV (с. 95).

Пятый раздел монографии «В чешских походах венгерского короля» (с. 96–104) посвящен исследованию деятельности Ростислава Михайловича в 1250-х гг. Наряду с участием в военных акциях своего сюзерена древнерусский князь в это время, как отмечает сербский историк, основную свою задачу видел в расширении влияния на соседние с Мачвой территории Болгарии и Боснии. При этом Ростислав опирался на первоначальное ядро своего «государства» – Мачву. Предполагается, что в это же время правителю Мачвы подчинилось и владение Белин (Бельин) в Семберии на другой стороне р. Дрины (с. 102).

В шестом разделе «Путешествие на юг» автор рассматривает обстоятельства болгарской авантюры Ростислава Михайловича, в которую князь вмешался благодаря браку дочери с болгарским царем Михаилом I Асенем (1255). Сведения источников о событиях на Балканском полуострове в 1250-х гг. крайне противоречивы и, как показал Дюра Гарди, требуют осторожного обращения с ними. Так, историк скептически относится к информации «Морейской хроники» об участии в битве при Пелагонии (1259) на стороне Михаила VIII Палеолога венгров и сербов, чьи войска лично возглавляли их короли. На самом деле тем же летом 1259 г. внимание венгерского короля было приковано к вновь затеянной войне против Чехии, в которой участвовали почти все подданные и союзники венгерского короля, среди которых был, вероятно, и Ростислав Михайлович (с. 115–116).

Седьмой раздел книги автор назвал «Последнее путешествие» (с. 117–120), в нем решается вопрос о времени смерти Ростислава Михайловича. Принято считать, что князь умер где-то на отрезке времени от 1260 до 1264 г. На основе анализа ряда уникальных документов (включая папские акты, в которых упоминается вдова правителя Мачвы Анна) Дюра Гарди склоняется к мысли, что смерть Ростислава наступила в 1263 г., условной *datum ante quem* является 17 декабря 1263 г. (с. 120). Интерес представляет предположение автора о захоронении древнерусского князя в монастыре Святого Дмитрия на р. Саве (в современном городе Сремска-Митровице), хотя историк отмечает полное молчание источников по этому вопросу, а также то обстоятельство, что традиционно каждый средневековый правитель строил погребальную церковь для себя и своей семьи (с. 120).

Возможно, память о Ростиславе Михайловиче вне Руси совершенно не сохранилась бы в европейских

⁶Dąbrowski D. Stosunki pomiędzy Romanowiczami a królem Węgier Belą IV i niektórymi książętami polskimi w latach 1235–1240 // Княжа доба: історія і культура. Львів, 2007. Вип. 1. S. 50–52; Мартынюк А. В. Князь Ростислав в битве на реке Лейте: «русский эпизод» австрийской истории // Древ. Русь.: вопр. медиевистики. 2013. № 2. С. 49–55; Войтович Л. В. О некоторых спорных проблемах изучения Галицко-Волынской Руси времен Романа Мстиславича и Даниила Романовича (заметки о новейшей историографии) // Русин. 2014. № 1. С. 54, 56–57.

источниках, если бы не активная роль в династической политике его вдовы Анны и дочерей Кунигунды (стала чешской королевой), и Грипины/Агрипины (вышла замуж за краковского князя) (с. 121). И хотя маршрут путешествий Ростислава не был таким длинным и впечатляющим, как у современных ему известных европейских путешественников, посетивших далекую Монголию или Святую землю, все же история жизни древнерусского князя из династии Ольговичей, безусловно, достойна отдельного исследования.

Книга сербского исследователя Дюры Гарди представляет собой прекрасный образец просопографического исследования, облеченного в форму итинерария. В работе наиболее полно использованы источники различного происхождения, автор превосходно ориентируется в историографии проблемы, о чем свидетельствует максимально полный библиографический список, включающий исследования на русском, украинском, английском, немецком, польском, венгерском, румынском, чешском, сербском, болгарском, словацком языках. Посред-

ством биографии в форме итинерария древнерусского князя автор решает множество проблем, связанных с локализацией географических объектов, международной политикой, уточнением хронологии событий и т. д. В целом работа сербского историка Дюры Гарди представляет несомненный интерес для читателя из любой европейской страны. Личность древнерусского князя Ростислава Михайловича из черниговской династии Ольговичей является примером адаптации представителя правящей элиты в иной социокультурной, политической и этнической среде. В то же время древнерусский князь, которому посвятил свою работу сербский историк, связал в своих маршрутах несколько европейских регионов – древнерусский, южнославянский (Сербия, Болгария), центральноевропейский (Венгрия, Чехия, Польша) и византийский. Также и в своей книге Дюра Гарди объединил наработки нескольких национальных (кроме того, и советской) историографических традиций.

*С. Н. Темушев*⁷

⁷Степан Николаевич Темушев – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории России исторического факультета Белорусского государственного университета.

Сцяпан Мікалаевіч Цемушаў – кандыдат гістарычных навук, дацэнт; дацэнт кафедры гісторыі Беларусі гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Stsiapan N. Tsemushau – PhD (history), docent; associate professor at the department of Russian history, faculty of history, Belarusian State University.

E-mail: stepnik_bsu@tut.by

Традиции животноводства Беларуси / Г. И. Касперович [и др.] ; науч. ред. Г. И. Касперович. Минск : Беларус. навука, 2019. 467 с. (на белорус.)

Традыцыі жывёлагадоўлі Беларусі / Г. І. Каспяровіч [і інш.] ; навук. рэд. Г. І. Каспяровіч. Мінск : Беларус. навука, 2019. 467 с.

Animal husbandry traditions of Belarus / G. I. Kaspiarovich [et al.] ; ed. by G. I. Kaspiarovich. Minsk : Belaruskaja navuka, 2019. 467 p. (in Belarus.).

Традыцыйная культура беларускага этнасу грунтавалася на земляробстве і жывёлагадоўлі. У межах айчыннай этналогіі ў свой час былі змястоўна разгледжаны асноўныя сферы земляробства і звязаныя з ім святы, вывучалася рэгіянальная спецыфіка ва ўсіх этнаграфічных раёнах Беларусі. Аднак трэба прызнаць, што жывёлагадоўля заставалася па-за ўвагай даследчыкаў беларускай культуры. У 2019 г. выйшла маштабнае гісторыка-этналагічнае даследаванне цэлага аўтарскага калектыву пад кіраўніцтвам вядомага спецыяліста Г. І. Каспяровіч. У працы было комплексна прааналізавана гістарычнае развіццё жывёлагадоўлі на Беларусі з эпохі Сярэднявечча да цяперашняга часу. Менавіта гэта выданне павінна было закрыць лакуну ў даследаваннях падобнага плана. Гэта доўгачаканая для спецыялістаў праца з'яўляецца цікавай і мае практычнае значэнне.

Храналагічная працягласць разглядаемага аўтарамі перыяду і шырокі гістарычны фон патрабавалі прыцягнення да аналізу надзвычай шырокага кола навуковых і літаратурных крыніц: летапісаў і гістарычных хронік, інвентароў, вопісаў маёмасці, судовых спраў, мытных кніг беларускіх гарадоў, мемуарнай літаратуры, палявых экспедыцыйных даследаванняў супрацоўнікаў аддзела народнага гаспадарства Інстытута мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору НАН Беларусі, прац беларускіх гісторыкаў і этнографістаў XIX–XX стст.

Манаграфія багата ілюстравана творамі старажытнабеларускага іканапісу, гравюрамі, малюнкамі, фотаздымкамі сярэдзіны XIX – пачатку XXI ст. (частка з іх упершыню ўведзена ў навуковы зварот), графікамі і табліцамі, што выгадна адрознівае працу ад папярэдніх выданняў іншых даследчыкаў. Ілюстрацыйныя матэрыялы добра суадносяцца з тэкстам кнігі, што павялічвае эфект ад прачытання.

Эвалюцыя жывёлагадоўлі арганічна ўпісана ў гістарычны кантэкст беларускіх зямель. Аўтары здолелі адлюстравать развіццё жывёлагадоўлі і ўплыў на яе палітычных, сацыяльна-эканамічных і этнічных працэсаў.

Работа пабудавана на гістарычным прыняцце і мае лагічную структуру. Аўтары вылучаюць тры асноўныя перыяды: XV – пачатак XX ст., 1920–80-я гг. і канец XX – пачатак XXI ст. Даследчыкі абралі ў якасці храналагічнага крытэрыю ўплыў дзяржавы праз спецыялізаваныя органы кіравання на жывёлагадоўлю. У пэўным сэнсе перыядызацыя

заснавана на палітычнай храналогіі, што выклікае некаторыя пытанні. Спрэчным падаецца карэляцыя развіцця жывёлагадоўлі з палітычнымі падзеямі XX ст., асабліва са стварэннем незалежнай Рэспублікі Беларусь. Аднак разам з тым цяжка сфармуляваць агульную храналогію станаўлення конегадоўлі, свінаводства, птушкагадоўлі, пчалярства і рыбнай гаспадаркі, на змены ў якіх маглі ўплываць даволі розныя прычыны.

Главы даследавання нераўназначныя як па змесце, так і па аб'ёме. Гэта ў першую чаргу абумоўлена характарам выкарыстаных у іх крыніц. Першая, самая вялікая па аб'ёме глава, у якой разгледжаны самы працяглы гістарычны перыяд (пяць стагоддзяў), абавязкова на вялікі спіс разнастайных крыніц. Тут прыводзіцца невялікі гістарыяграфічны агляд вывучэння жывёлагадоўлі беларусаў, аднак ён, у адрозненне ад самой главы, прысвечаны ўсяму даследаванню. Лагічнай было б вывесці гэту частку ва ўводзіны ці, пашырыўшы, зрабіць яе асобным раздзелам, асабліва звяртаючы ўвагу на тое, што грунтоўнага аналізу вывучэння жывёлагадоўлі ў айчыннай этналогіі ніхто не рабіў.

Далей у першай главе аўтары разгледзелі прыродныя ўмовы, жывёлагадоўлю ў маёнтках, фальварках і сялянскіх гаспадарках, свойскую жывёлу ў традыцыйным светапоглядзе беларусаў, гужавы транспарт, пчалярства і сельскагаспадарчую адукацыю. Гэтыя пытанні прадстаўлены даволі шырока, выкарыстаны значны ілюстрацыйны матэрыял. Аўтары здолелі правесці мяжу паміж шляхецкай і сялянскай жывёлагадоўляй, адлюстравалі розніцу, падрабязна ахарактарызаваць конегадоўлю, свінагадоўлю, развядзенне авечак і коз, птушкагадоўлю.

Аднак трэба звярнуць увагу на некалькі пытанняў. У раздзеле, прысвечаным жывёлагадоўлі сялянскіх гаспадарак, разгляд праблемы пачынаецца толькі з XIX ст., у адрозненне, напрыклад, ад жывёлагадоўлі ў маёнтках і фальварках. Зразумела, што гістарычных крыніц па сялянскай гаспадарцы значна меней, чым па шляхецкай, аднак беларуская савецкая гістарыяграфія назапасіла значны вопыт даследавання гісторыі сялянства, таму крыніцазнаўчая база павінна быць добра распрацавана.

Звяртае на сябе увагу таксама адсутнасць у першай главе раздзела, прысвечанага рыбалоўству і рыбнай гаспадарцы. Звесткі пра яго з'яўляюцца ў раздзелах 1.3 і 1.4. З аднаго боку, пры кожным маёнтку ці фальварку практычна заўсёды былі ставы для развядзення рыбы, што не магло не адлюстравана ў гістарычных крыніцах. З іншага боку, у традыцыйнай культуры беларусаў адлюстраваны багаты вопыт рыбалоўства, што адзначаў, напрыклад, І. М. Браім. Тое ж датычыцца бортніцтва і пчалярства, якія таксама прысутнічаюць у першай главе, але не вынесены ў асобны раздзел. Спецыяльная частка прысвечана толькі традыцыйным поглядам на пчалярства.

Трэба адзначыць наяўнасць у першай главе раздзела, прысвечанага гужавому транспарту, які быў напрамую звязаны з існаваннем і развіццём конегадоўлі і развядзеннем валоў. Раздзел дае магчымасць зразумець тэхналагічныя традыцыі, рэгіянальныя асаблівасці, уплыў навакольнага асяроддзя на транспарт. Аднак у наступных главах гэта пытанне ўжо не асвятляецца, што вельмі прыкра, бо ў канцы ХХ ст. назіраліся цікавыя тэндэнцыі абнаўлення гужавога транспарту – пераход на гумовыя колы, выкарыстанне падшыпнікаў, разваротных механізмаў, дэталей сельскагаспадарчай тэхнікі, маленькіх колаў спераду і г. д., тым больш што ў працы сустракаюцца фотаздымкі з такім транспартам.

Другая глава манаграфіі прысвечана савецкаму перыяду развіцця жывёлагадоўлі ў беларусаў. У ёй выкарыстана вялікая колькасць статыстычнага матэрыялу, які добра адлюстроўвае гэты працэс фактычна па дзесяцігоддзях. Менавіта ў гэтай главе з'яўляюцца вельмі цікавыя і змястоўныя раздзелы, адзін з якіх прысвечаны нарыхтоўцы і захаванню кармоў, а іншы – традыцыям і звычаям пастухоўства і выпасу жывёлы. Фактычна ўпершыню на шырокім палявым матэрыяле гэтыя пытанні праілюстраваны ў беларускай этналогіі.

Аднак у другой главе асноўная ўвага ў аналізе жывёлагадоўлі надаецца менавіта калектыўным гаспадаркам, традыцыі ж развядзення свойскай жывёлы засталіся на перыферыі даследавання.

Трэцяя глава прысвечана аналізу развіцця жывёлагадоўлі з канца ХХ ст. да сучаснасці. На маю думку, гэта адна з самых важных частак даследавання. Якраз сучасная сітуацыя практычна не вывучана, пры гэтым працэсы развіцця падвяргаюцца моцным трансфармацыям пад уплывам глабалізацыі і тэхналагічных рыўкоў.

Неабходна таксама падкрэсліць удалае адлюстраванне аўтарамі традыцый жывёлагадоўлі, якія выкарыстоўваюцца на сучасным этапе ў спорце, фестывальнай, турыстычнай дзейнасці ў Рэспубліцы Беларусь. У трэцяй главе паказана, як нават у сучасным грамадстве ў розных сферах могуць ужывацца традыцыйныя веды, як змяняюцца практыкі жывёлагадоўлі. Разам з тым варта было б паказаць новыя напрамкі ў жывёлагадоўлі – развядзенне элітных парод сабак і катоў, пацукоў, марскіх свінак і трусаў. Гэта сфера аб'яднае па розных падліках не менш чым чвэрць насельніцтва Беларусі. Кінолагі і фелінолагі арганізуюць выставы і розныя фестывалі. Цікавасць да гэтай тэмы заўважная нават у інтэрнэце – дастаткова згадаць знакамітых «коцікаў» у сацыяльных сетках *Одноклассники*, *Вконтакте* і *Facebook*.

Калектыўная праца «Традыцыі жывёлагадоўлі Беларусі» з'яўляецца фундаментальным акадэмічным выданнем, якое цудоўна спалучае навуковы спосаб выкладання матэрыялу з неверагоднай колькасцю ілюстрацый, што забяспечваюць візуалізацыю. Аўтары зрабілі вялікі ўклад у абагульненне важнай і да гэтага часу да канца не распрацаванай праблемы айчынай этналогіі.

Значны і цікавы матэрыял, змешчаны ў кнізе, навуковасць і дакладнасць фармулёвак і гарманічнае спалучэнне ў тэксце этналагічнага, гістарычнага і мастацтвазнаўчага аспектаў, распрацаваны аўтарамі паняцціна-тэрміналагічны апарат робяць гэту кнігу карыснай для даследчыкаў матэрыяльнай культуры беларусаў, тых, хто ёй цікавіцца, і для масавага чытача. Гэта праца павінна стаяць на кніжнай паліцы ўсіх, для каго беларуская культура – гэта нешта большае, чым проста словазлучэнне.

С. А. Захаркевіч¹

¹Степан Артурович Захаркевич – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры этнологии, музеологии и истории искусств исторического факультета Белорусского государственного университета.

Сцяпан Артуравіч Захаркевіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт; дацэнт кафедры этналогіі, музейлогіі і гісторыі мастацтваў гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Stsyapan A. Zakharkevich, PhD (history), docent; associate professor at the department of ethnology, museology and history arts, faculty of history, Belarusian State University.

E-mail: stepanzah@mail.ru

ЮБИЛЕИ

ЮБИЛЕИ

JUBILEES



**Александр Александрович
ГУЖАЛОВСКИЙ**

**Аляксандр Аляксандравіч
ГУЖАЛОЎСКИ**

**Alexander Aliaxandravich
HUZHALOUSKI**

Вядомаму беларускаму гісторыку, музеолагу і педагогу, доктару гістарычных навук, прафесару кафедры этналогіі, музейналогіі і гісторыі мастацтваў гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта Аляксандру Аляксандравічу Гужалоўскаму споўнілася 60 гадоў.

Нарадзіўся А. А. Гужалоўскі 27 чэрвеня 1960 г. у Мінску. У 1983 г. скончыў Мінскі дзяржаўны педагогічны інстытут імя А. М. Горкага (цяпер – Беларускі дзяржаўны педагогічны ўніверсітэт імя Максіма Танка), у 1991 г. – аспірантуру аддзела музейназнаўства Навукова-даследчага інстытута культуры Акадэміі навук СССР у Маскве. Працаваў на розных пасадах у Беларускім дзяржаўным музеі Вялікай Айчыннай вайны, Нацыянальным гістарычным музеі Рэспублікі Беларусь. У 1993 г. Аляксандр Аляксандравіч перайшоў на працу на гістарычны факультэт БДУ, дзе спачатку займаў пасаду дацэнта, а з 2004 г. – прафесара.

У 1992 г. А. А. Гужалоўскі абараніў дысертацию на саісканне вучонай ступені кандыдата гістарычных навук па спецыяльнасці «музейназнаўства» (тэма –

«Гісторыя музеяў Беларусі другой паловы XVIII – пачатку XX ст.»), а ў 2002 г. – доктара гістарычных навук па спецыяльнасці «айчынная гісторыя» (тэма – «Станаўленне і развіццё музейнай справы ў Беларусі (1918–1941 гг.)»). У 2016 г. Аляксандру Аляксандравічу было прысвоена вучонае званне прафесара. Пад яго навуковым кіраўніцтвам абаронены тры кандыдацкія дысертацыі.

У 1994 г. вучоны праходзіў стажыроўку ў якасці інтэрна ў Смітсанаўскім інстытуце (ЗША), у 1995 г. быў запрошаным даследчыкам ва Універсітэце Дж. Вашынгтона (ЗША), у 1997 г. – у Амстэрдамскім універсітэце (Нідэрланды), а ў 2004 г. стаў стыпендыятам праграмы Фулбрайта ў Кліўлендскім мастацкім музеі (ЗША).

Аляксандр Аляксандравіч Гужалоўскі, як вопытны і кваліфікаваны выкладчык, займаецца распрацоўкай адукацыйных праграм. Ён удзельнічаў у падрыхтоўцы многіх спецыялістаў у галіне музейнай справы. Можна з упэўненасцю казаць, што сёння ў кожным дзяржаўным музеі знойдзецца супрацоўнік, які гаварыць тым, што з’яўляецца яго вучнем. Ідэі пра-

фесара Гужалоўскага ў вялікай ступені вызначылі змест сфарміраванай на гістарычным факультэце сістэмы падрыхтоўкі музейзнаўцаў, былі выкарыстаны пры распрацоўцы трох пакаленняў адукацыйных стандартаў першай і другой ступеней вышэйшай адукацыі і тыпавых вучэбных планаў па спецыяльнасці «музейная справа і ахова гісторыка-культурнай спадчыны», асновай якіх з’яўляюцца дысцыпліны гісторыка-культурнага цыклу.

Вынікам плённай працы Аляксандра Александравіча і яго калег стаў выхад падручнікаў і навучальных дапаможнікаў. Недахоп падобных выданняў быў вельмі адчувальным на пачатковым этапе падрыхтоўкі музейных спецыялістаў на гістарычным факультэце. У суаўтарстве з В. П. Грыцкевічам А. А. Гужалоўскі распрацаваў навучальны дапаможнік «История музеев мира», выдадзены ў БДУ ў 2003 г. Сумесна з Л. У. Бярэйшык стварыў вучэбны дапаможнік для студэнтаў гістарычнага факультэта «Музеі замежных краін» (выдадзены ў дзвюх частках у 2004 і 2008 гг.). На базе шматгадовых навуковых даследаванняў айчыннай гісторыі музейнай справы Аляксандр Александравіч падрыхтаваў вучэбна-метадычны дапаможнік «Гісторыя музейнай справы Беларусі», у якім прадстаўлены комплексны аналіз розных аспектаў дзейнасці музеяў на кожным гістарычным этапе іх развіцця. Гэта выданне забяспечвае не толькі выкладанне музейзнаўчых дысцыплін, але таксама дапамагае ў практычнай рабоце спецыялістаў.

На базе ўласных даследаванняў А. А. Гужалоўскі распрацаваў курсы па гісторыі, тэорыі і методыцы музейнай справы, якія выкладае студэнтам і магістрантам гістарычнага факультэта. Галоўную ўвагу вучоны надае даследаванню праблем прэзентацыі матэрыяльнай культурнай спадчыны з дапамогай музейных сродкаў, сацыяльна-культурнай місіі музейных устаноў. Студэнты і магістранты заўжды высока ацэньваюць яго лекцыі за інфарматыўнасць, прадуманасць, прывязку да найноўшых тэарэтычных і практычных распрацовак.

Аляксандр Аляксандравіч актыўна ўдзельнічае ва ўдасканаленні навучальнага працэсу, у вучэбна-метадычным забеспячэнні выкладаемых дысцыплін. Ён распрацаваў тыпавыя вучэбныя праграмы «Гісторыя музейнай справы» і «Тэорыя і методыка музейнай справы».

А. А. Гужалоўскі займаецца навукова-арганізавальнай дзейнасцю: ён з’яўляецца вучоным сакратаром дысертацыйнага савета пры Беларускім дзяржаўным універсітэце, членам дысертацыйнага савета пры Беларускім дзяржаўным універсітэце

культуры і мастацтва, членам экспертнага савета Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь па экспертызе навукова-даследчых работ дактарантаў, аспірантаў, саіскальнікаў і студэнтаў, членам Рэспубліканскага навукова-метадычнага савета па пытаннях музейнай справы Міністэрства культуры Рэспублікі Беларусь. Як актыўны сябра грамадскага аб’яднання «Беларускі камітэт Міжнароднага савета музеяў ICOM», садзейнічае далейшаму развіццю музейнай справы ў Беларусі. А. А. Гужалоўскі браў актыўны ўдзел у арганізацыі і правядзенні нацыянальных форумаў «Музеі Беларусі». Вучоны з’яўляецца членам навукова-рэдакцыйнай рады выданняў «Беларускі гістарычны часопіс», «Беларускі музей», членам рэдакцыйных калегій часопісаў «Веснік Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. С. Пушкіна. Серыя 2, Гісторыя. Эканоміка. Права», «Acta Museologica Lithuanica» (Вільнюскі ўніверсітэт).

Аляксандр Аляксандравіч актыўна ўдзельнічае ў рабоце савета гістарычнага факультэта. Прафесар Гужалоўскі праводзіць экспертызу дакументаў для адкрыцця праграм падрыхтоўкі музейных спецыялістаў у іншых установах вышэйшай адукацыі краіны, аказвае метадычную і кансультацыйную дапамогу. Шмат гадоў супрацоўнічае з Інстытутам павышэння кваліфікацыі і перападрыхтоўкі кадраў Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта культуры і мастацтва, удзельнічае ў навукова-арганізавальнай і вучэбна-метадычнай рабоце іншых навучальных устаноў і музеяў.

Працы А. А. Гужалоўскага займаюць заўважнае месца ў сучаснай беларускай гістарыяграфіі, што абумоўліваецца не толькі пладавітасцю гісторыка, які мае досыць аб’ёмную навуковую спадчыну (шэсць манаграфій, чатыры вучэбныя дапаможнікі, зборнік гістарычных дакументаў, даведнік і цэлы шэраг артыкулаў – усяго звыш 200 навуковых публікацый), але і ў пэўнай ступені іншымі акалічнасцямі. Па заканчэнні ў 1991 г. аспірантуры Аляксандр Аляксандравіч пачаў актыўна распрацоўваць амаль неадаследаваны напрамак айчыннай гістарыяграфіі – гісторыю музейнай справы Беларусі. У выніку з друку выйшлі тры манаграфіі (адна з іх стала асновай для абароны доктарскай дысертацыі), дзе ўзнятая праблема разглядаецца храналагічна да 1991 г.¹

Абраны даследчыкам навуковы кірунак распрацоўваецца не толькі ў гістарычнай рэтраспектыве. Паступова з’яўляюцца музейзнаўчыя працы метадалагічнага і метадычнага кшталту², што ўплывае на замацаванне за А. А. Гужалоўскім статусу прызнанага беларускага музейзнаўцы. Гісторыкам

¹ Гужалоўскі А. А. Наратэжэнне беларускага музея. Мінск : НАРБ, 2001. 106 с. ; Гужалоўскі А. А. Музеі Беларусі (1918–1941 гг.). Мінск : НАРБ, 2002. 176 с. ; Гужалоўскі А. А. Музеі Беларусі (1941–1991 гг.). Мінск : НАРБ, 2004. 192 с.

² Гужаловский А. А., Грицкевич В. П. История музеев мира : учеб. пособие. Минск : БГУ, 2003. 283 с. ; Гужалоўскі А. А., Бярэйшык Л. У. Музеі замежных краін : вучэб. дапам. : у 2 ч. Ч. 1. Мінск : БДУ, 2004. 187 с. ; Гужалоўскі А. А., Бярэйшык Л. У. Музеі замежных краін : вучэб. дапам. : у 2 ч. Ч. 2. Мінск : БДУ, 2008. 246 с. ; Гужалоўскі А. А. Гісторыя музейнай справы Беларусі : вучэб. дапам. Мінск : БДУ, 2012. 303 с.

уздымаецца дастаткова шырокае кола музеязнаўчых пытанняў, такіх як музейная гістарыяграфія, музейная прастора і міжкультурныя камунікацыі, новыя тэхналогіі ў музеі, інтэрпрэтацыя гістарычнага мінулага ў музеі, стратэгіі і перспектывы развіцця беларускіх музеяў і г. д.³

Актыўная праца з гістарычнымі крыніцамі ХХ ст. адкрывае перад навукоўцам новыя вымярэнні А. А. Гужалоўскі ўводзіць у шырокі навуковы ўжытак постаці малавядомых ці забытых вучоных і палітычных дзеячаў, якія фарміравалі культурную стратэгію Беларусі першай паловы стагоддзя⁴.

Адначасова пашыраецца і навуковая праблема-тыка. Гісторыка прывабліваюць пытанні ад паўся-дзённасці⁵ да распаўсюджвання ў Беларусі ідэй фрэйдамарксізму і сацыял-дарвінізму, вынікам чаго стала наватарская манаграфія, прысвечаная праблемам сексуальнасці ў Савецкай Беларусі ў 1920-я гг.⁶

Зацікаўленасць пытаннем гісторыі ідэй, што заўважаецца ў даследчыцкай практыцы А. А. Гужа-

лоўскага з пачатку ХХІ ст.⁷, становіцца падставай для распрацоўкі тэмы, прысвечанай гісторыі стварэння і функцыянавання сістэмы дзяржаўнага інфармацыйнага кантролю ў БССР у 1919–1991 гг.⁸ і вытокаў фарміравання таталітарнай сістэмы⁹, што стане, як можна меркаваць, тэмай новага манаграфічнага даследавання.

Свой юбілей Аляксандр Аляксандравіч сустракае ў росквіце творчага таленту, поўны цікавых планаў і ідэй. Ён актыўна працуе над новымі навуковымі праблемамі, крэатыўна выкладае свае курсы, паспяхова кіруе дыпломнымі работамі, магістарскімі і кандыдацкімі дысертацыямі, цесна супрацоўнічае з музейнымі ўстановамі, піша вучэбна-метадычныя дапаможнікі новага пакалення. Калегі, сябры і вучні шчыра віншуюць юбіляра і жадаюць яму далейшых поспехаў і здабыткаў у працы і жыцці.

Л. У. Бярэішык¹⁰, В. В. Гарбачова¹¹,
Т. А. Навагродскі¹²

³Беларуская музейная бібліяграфія: паказальнік (1991–2012 гг.) / уклад. А. А. Гужалоўскі. Мінск : БДУ, 2013. 145 с.; Гужалоўскі А. А. Асноўныя напрамкі развіцця музейнай справы ў Рэспубліцы Беларусь // Музей і культурная спадчына: гісторыя, сучаснасць, погляд у будучыню: да 25-годдзя адкрыцця спецыяльнасці «Музейная справа і ахова гісторыка-культурнай спадчыны» (па напрамках) на гістарычным факультэце БДУ : зб. матэрыялаў Міжнар. навука.-практ. канф. (Мінск, 27–28 чэрв. 2017 г.) / БДУ ; рэдкал.: А. А. Гужалоўскі [і інш.]. Мінск, 2017. С. 3–14 ; Гужалоўскі А. А. Музеі Беларусі перад новымі выклікамі стагоддзя // Беларус. музей. 2019. № 1. С. 20–24.

⁴Гужаловский А. А. Маркел Емельянович Макушок // Интеллектуальная элита Беларуси. Основоположники белорусской науки и высшего образования (1931–1961) / А. Д. Король [и др.] ; под общ. ред. А. Д. Короля, науч. ред. О. А. Яновский. Минск, 2018. С. 277–283.

⁵Гужалоўскі А. А. Антрапалогія рэвалюцыі: паўсядзённае жыццё мінчан у 1917 г. // Часоп. Беларус. дзярж. ун-та. Гісторыя. 2017. № 3. С. 20–29.

⁶Гужалоўскі А. А. Сексуальная рэвалюцыя ў Савецкай Беларусі. 1917–1929 гг. Мінск : А. М. Янушкевіч, 2017. 258 с.

⁷«Міласці вашай просім...», альбо Адзін год у навейшай гісторыі Беларусі, адлюстраваны ў лістах, заявах, скаргах і іншых формах звароту грамадзян : зб. дак. / уклад. А. А. Гужалоўскі. Мінск : НАРБ, 2006. 280 с.

⁸Гужалоўскі А. А. Чырвоны аловак : нарысы па гісторыі цензуры ў БССР : у 2 кн. Кн. 2. 1943–1991 гг. / Мінск : А. М. Янушкевіч, 2018. 320 с.

⁹Гужалоўскі А. Культурная Леніна ў даваеннай БССР // Arche. 2018. № 4. С. 39–54 ; Гужаловский А. А. Формирование культа Сталина в БССР в 1934–1939 гг. // Журн. Белорус. гос. ун-та. История. 2019. № 3. С. 57–67 ; Гужалоўскі А. А. Культурная Леніна ў беларускім выяўленчым мастацтве // Беларус. гіст. часоп. 2019. № 10. С. 3–18.

¹⁰Лілія Владимировна Берейшик – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры этнологии, музеологии и истории искусств исторического факультета Белорусского государственного университета.

Лілія Уладзіміраўна Бярэішык – кандыдат гістарычных навук, дацэнт; дацэнт кафедры этналогіі, музейна-гістарычнага мастацтваў гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Lilia V. Berejshik, PhD (history), docent; associate professor at the department of ethnology, museology and history of arts, faculty of history, Belarusian State University.

E-mail: bereishik@bsu.by

¹¹Ольга Васильевна Горбачева – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры этнологии, музеологии и истории искусств исторического факультета Белорусского государственного университета.

Вольга Васільеўна Гарбачова – кандыдат гістарычных навук, дацэнт; дацэнт кафедры этналогіі, музейна-гістарычнага мастацтваў гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Olga V. Gorbacheva, PhD (history), docent; associate professor at the department of ethnology, museology and history of arts, faculty of history, Belarusian State University.

E-mail: gor@bsu.by

¹²Тадэуш Антонович Новогородский – доктор исторических наук, профессор; заведующий кафедрой этнологии, музеологии и истории искусств исторического факультета Белорусского государственного университета.

Тадэвуш Антонавіч Навагродскі – доктар гістарычных навук, прафесар; загадчык кафедры этналогіі, музейна-гістарычнага мастацтваў гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Tadeush A. Novogrodski, doctor of science (history), full professor; head of the department of ethnology, museology and history of arts, faculty of history, Belarusian State University.

E-mail: novogr@bsu.by

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ БЕЛАРУСИ

<i>Арлукевич А. Б.</i> Войска Виленского и Варшавского военных округов Российской империи в Беларуси (1864–1914).....	5
<i>Бутов И. С.</i> Свидетельства о неопознанных «аэропланах» в Витебской губернии в 1914–1915 гг.: взгляд через призму эпохи.....	23
<i>Елизаров С. А.</i> «Номенклатурный эмбрион»: зарождение советской номенклатурной системы в ССРБ – БССР (1920–1924)	34

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Капитоненков А. М.</i> К вопросу о стереотипах в оценках Столыпинской аграрной реформы	44
---	----

К СТОЛЕТИЮ СОЗДАНИЯ БГУ

<i>Войтович А. В., Курлович П. С.</i> «Первобытно-коммунистическое общество и его распад»: доисторическое прошлое территории Беларуси согласно концепции В. К. Щербакова.....	54
---	----

АРХЕОЛОГИЯ

<i>Тарасевич В. Н., Васильев В. М.</i> Клад височных колец из городища Бороники (Витебск)	64
<i>Ашейчик В. В., Белевец В. Г.</i> Остатки деревянного челна из д. Скорбичи (Дружба) в Белорусском Побужье.....	72

ИСТОРИОГРАФИЯ

<i>Бруханчик Е. А.</i> Изучение кредитно-финансовой системы Российской империи (1861–1914) в дореволюционной историографии: университетские школы Украины	83
<i>Глибищук Н. В.</i> Транснациональная история Первой мировой войны в научных исследованиях Дж. Уинтера	93

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Темушев С. Н.</i> Харди Ъ. Итинерариј Ростислава Михайловича [Гарди Д. Итинерарий Ростислава Михайловича].....	102
<i>Захаркевич С. А.</i> Традиции животноводства Беларуси.....	106

ЮБИЛЕИ

<i>Александр Александрович Гужаловский</i>	108
--	-----

ЗМЕСТ

ГІСТОРЫЯ БЕЛАРУСІ

<i>Арлукевіч А. Б.</i> Войскі Віленскай і Варшаўскай ваенных акруг Расійскай імперыі ў Беларусі (1864–1914).....	5
<i>Бутаў І. С.</i> Сведчанні пра неапазнаныя «аэрапланы» ў Віцебскай губерні ў 1914–1915 гг.: погляд праз прызму эпохі.....	23
<i>Елізараў С. А.</i> «Наменклатурны эмбрыён»: зараджэнне савецкай наменклатурнай сістэмы ў ССРБ – БССР (1920–1924).....	34

УСЕАГУЛЬНАЯ ГІСТОРЫЯ

<i>Капітоненкаў А. М.</i> Да пытання аб стэрэатыпах у ацэнках Сталыпінскай аграрнай рэформы.....	44
--	----

ДА СТАГОДДЗЯ СТВАРЭННЯ БДУ

<i>Вайтовіч А. У., Курловіч П. С.</i> «Першабытна-камуністычнае грамадства і яго распад»: дагістарычнае мінулае тэрыторыі Беларусі паводле В. К. Шчарбакова.....	54
--	----

АРХЕАЛОГІЯ

<i>Тарасевіч В. М., Васільеў В. М.</i> Скарб скроневых кольцаў з гарадзішча Баронікі (Віцебск)	64
<i>Ашэйчык В. У., Белявец В. Г.</i> Рэшткі драўлянага чоўна з-пад в. Скорбічы (Дружба) у Беларускім Пабужжы.....	72

ГІСТАРЫЯГРАФІЯ

<i>Бруханчык К. А.</i> Вывучэнне крэдытна-фінансавай сістэмы Расійскай імперыі (1861–1914) у дарэвалюцыйнай гістарыяграфіі: універсітэцкія школы Украіны.....	83
<i>Глібішчук М. В.</i> Транснацыянальная гісторыя Першай сусветнай вайны ў навуковых даследаваннях Дж. Уінтэра.....	93

КРЫТЫКА І БІБЛІЯГРАФІЯ

<i>Цемушаў С. М.</i> Харды Ё. Итинерариј Ростислава Михайловича [Хардзі Д. Ітынэарый Расціслава Міхайлавіча].....	102
<i>Захаркевіч С. А.</i> Традыцыі жывёлагадоўлі Беларусі.....	106

ЮБІЛЕІ

Аляксандр Аляксандравіч Гужалоўскі	108
--	-----

CONTENTS

BELARUSIAN HISTORY

<i>Arlukevich A. B.</i> Troops of the Vilna and Warsaw military districts of the Russian Empire in Belarus (1864–1914).....	5
<i>Butov I. S.</i> Evidence of unidentified «aeroplanes» in Viciebsk guberniya in 1914–1915: a look through the prism of the era	23
<i>Elizarov S. A.</i> «Nomenclature embryo»: the birth of the Soviet nomenclature system in SSRB – BSSR (1920–1924).....	34

WORLD HISTORY

<i>Kapitononkov A. M.</i> On the issue of stereotypes in the assessments of Stolypin agrarian reform.....	44
---	----

BELARUSIAN STATE UNIVERSITY CELEBRATES 100TH ANNIVERSARY

<i>Vaitovich A. U., Kurlovich P. S.</i> «The primitive communist society and its decomposition»: the prehistorical past of the territory of Belarus by V. K. Shcharbakou	54
--	----

ARCHAEOLOGY

<i>Tarasevich V. N., Vasiliev V. M.</i> The hoard of temple rings from the hillfort of Baroniki (Viciebsk)	64
<i>Asheichyk V. U., Beliavets V. G.</i> The remains of a prehistoric dugout from Skorbičy (Družba) Village in the Buh River region	72

HISTORIOGRAPHY

<i>Brukhanchik E. A.</i> The study of the credit and financial system of the Russian Empire (1861–1914) in pre-revolutionary historiography: university schools of Ukraine	83
<i>Hlibischuk N. V.</i> A transnational history of the World War I in Jay Winter's research.....	93

REVIEW AND BIBLIOGRAPHY

<i>Tsemushau S. N.</i> Hardy D. Itinerary of Rostislav Mikhailovich	102
<i>Zakharkevich S. A.</i> Animal husbandry traditions of Belarus	106

JUBILEES

Alexander Aliaxandravich Huzhalouski	108
--	-----

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по историческим наукам, а также в области музееведения, консервации, реставрации историко-культурных объектов, документалистики, документоведения и архивоведения.

Журнал включен в библиографическую базу данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

**Журнал Белорусского
государственного университета. История.
№ 3. 2020**

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Почтовый адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Тел. (017) 259-70-74, 259-70-75.

E-mail: jhistory@bsu.by

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/history>

«Журнал Белорусского государственного
университета. История» издается с января 1969 г.
До 2017 г. выходил под названием «Веснік БДУ».

Серыя 3, Гісторыя. Эканоміка. Права»
(ISSN 2308-9172).

Редакторы С. Е. Богущ, О. А. Семенец
Технический редактор Ю. В. Садырын
Корректоры К. Б. Скакун, Л. А. Меркуль

Подписано в печать 31.07.2020.

Тираж 100 экз. Заказ 261.

Республиканское унитарное предприятие
«Информационно-вычислительный центр
Министерства финансов Республики Беларусь».

ЛП № 02330/89 от 03.03.2014.

Ул. Кальварийская, 17, 220004, г. Минск.

© БГУ, 2020

**Journal
of the Belarusian State University. History.
No. 3. 2020**

Founder:
Belarusian State University

Registered address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.

Correspondence address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.

Tel. (017) 259-70-74, 259-70-75.

E-mail: jhistory@bsu.by

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/history>

«Journal of the Belarusian State University. History»
published since January, 1969.

Until 2017 named «Vesnik BDU».

Seryja 3, Gistoryja. Jekanomika. Prava»
(ISSN 2308-9172).

Editors S. J. Bohush, O. A. Semenets
Technical editor Y. V. Sadyryn
Proofreaders K. B. Skakun, L. A. Merkul'

Signed print 31.07.2020.

Edition 100 copies. Order number 261.

Republican Unitary Enterprise
«Informatsionno-vychislitel'nyi tsentr
Ministerstva finansov Respubliki Belarus'».
License for publishing No. 02330/89, 3 March 2014.
17 Kal'varyjskaja Str., Minsk 220004.

© BSU, 2020